

**НАЦІОНАЛЬНИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ  
ІМЕНІ М.П. ДРАГОМАНОВА**

На правах рукопису  
**УДК 811.161.1'373 (091)**

**ЛОБАЧОВА НАТАЛІЯ ОЛЕКСАНДРІВНА**

**ТЕРМІНОЛОГІЯ СІЛЬСЬКОГОСПОДАРСЬКИХ УГІДЬ  
В РОСІЙСЬКІЙ ПИСЕМНОСТІ XVI-XVII ст.**

10.02.02 – Російська мова

Дисертація на здобуття ступеня кандидата філологічних наук

Науковий керівник  
кандидат філологічних наук,  
професор  
Гончаров Володимир Іванович

**Київ - 2007**

<u>НАЦІОНАЛЬНИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ М.П. ДРАГОМАНОВА</u> .....	1
<u>ВВЕДЕНИЕ</u> .....	5
<u>ГЛАВА 1. ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ</u> .....	15
<u>1.1. Понятия «термин», «терминология» в общем и историческом терминоведении. Специальная лексика и термин</u> .....	15
<u>1.2. Пути и способы терминообразования в русском языке донационального периода</u> .....	30
<u>1.3. Диахронический и исторический аспекты исследования терминологии</u> .....	41
<u>Выводы к главе 1</u> .....	47
<u>ГЛАВА 2. КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕРМИНОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УГОДИЙ В РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVI-XVII ВВ.</u> .....	49
<u>2.1. Термин угодые как ключевое понятие в классификации сельскохозяйственной терминологии</u> .....	51
<u>2.2. Лексико-семантическая группа терминов земля, мѣсто, собина, ужожеи (уходъ) с общим значением «сельскохозяйственное угодые»</u> .....	57
<u>2.3. Основные признаки распределения терминов сельскохозяйственных угодий в письменности донациональной эпохи</u> .....	76
<u>Выводы к главе 2</u> .....	79
<u>ГЛАВА 3. ТЕРМИНЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УГОДИЙ В ПИСЬМЕННОСТИ СТАРОРУССКОГО ПЕРИОДА</u> .....	81
<u>3.1. Характеристика наименований водных угодий</u> .....	81
<u>3.2. Номинации земельных угодий по географическому признаку (местоположению)</u> .....	108
<u>3.2.1. Лесные угодыя</u> .....	108
<u>3.2.2. Наименования прибрежных угодий</u> .....	133
<u>3.2.3. Наименования ландшафтных угодий</u> .....	141
<u>3.3. Номинация земельных угодий по способу использования</u> .....	152
<u>3.3.1. Наименования промысловых угодий</u> .....	153
<u>3.3.2. Наименования подсобных угодий</u> .....	173
<u>3.3.3. Наименования сенокосных и пашенных угодий</u> .....	183
<u>3.3.4. Номинации бросовых угодий</u> .....	202
<u>Выводы к главе 3</u> .....	212
<u>ОБЩИЕ ВЫВОДЫ</u> .....	215
<u>СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ</u> .....	221
<u>ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ</u> .....	239
<u>СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ (ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ)</u> .....	244
<u>ПРИЛОЖЕНИЯ</u> .....	264
<u>Приложение А. Классификация наименований сельскохозяйственных угодий</u> .....	264
<u>Приложение Б. Словник исследованных наименований</u> .....	265



## СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

**Врем. ОИДР** – Временник Московского Общества истории и древностей российских

**ГА** – Государственный архив

**ГААО** – Государственный архив Архангельской области

**ГБЛ** – Государственная библиотека им. В.И. Ленина, Москва

**ГИМ** – Государственный исторический музей, Москва

**ГПБ** – Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Санкт-Петербург

**Изв.АН по ОРЯС** – Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности

**Изв. ОРЯС** – Известия Отделения русского языка и словесности АН

**КДРС** – Картотека «Словаря русского языка XI-XVII вв.»

**ЛОИИ** – Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР

**ПСРЛ** – Полное собрание русских летописей

**РИБ** – Русская историческая библиотека

**Сб. ОРЯС** – Сборник Отделений русского языка и словесности Академии наук

**Сб. РИО** – Сборник русского исторического общества

**ЦГАДА (РГАДА)** – Центральный (Российский) государственный архив древних актов, Москва

**Чт. ОИДР** – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

**вар.** – вариант

**вып.** – выпуск

**гр.** – грамота

**кн.** – книга

**л.** – лист

**н.** – начало

**оп.** – опись

**с.** – страница

**сп.** – список

**стлб.** – столбец

**т.** – том

**ф.** – фонд

**ч.** – часть

## ВВЕДЕНИЕ

История словарного состава языка и, в частности, терминологической лексики, всегда привлекала внимание лингвистов. С появлением собственно терминологического направления в лингвистике диахронические и исторические исследования специальных наименований оказываются в иной научной парадигме. Историю терминологии важно уяснить, прежде всего, стандартизаторам терминологии, т.к. сведения из этой отрасли знания помогают лучше осознать субстанцию термина, его специфику как лексической единицы. Она представляет определенный интерес в лингвистическом, социально-экономическом и историческом аспектах.

Исследования в области исторического терминоведения способствуют решению многих общеязыковых и терминоведческих проблем, таких, как место терминологии в системе языка, природа термина как знака, эволюция специальной лексики и др. Изучение отраслевой терминологии позволяет не только установить связь между предметом материального мира и словом, но и наблюдать за процессом поиска адекватных средств для выражения специальных понятий, дает возможность определить сущность различных единиц специальной лексики; выяснить основные закономерности развития терминосистем.

Первые наблюдения над семантическими и этимологическими особенностями специальной лексики древних памятников письменности появились в середине XIX в. в научных статьях И.Д. Беляева «Очерк истории древней монетной системы на Руси» (1846), Д.О. Банзарова «О восточных названиях некоторых старинных русских вооружений» (1850), Я.К. Грота «Заметка о некоторых старинных технических терминах русского языка» (1873) и др. Следует отметить большое значение лексикологических и лексикографических трудов И.И. Срезневского, А.И. Соболевского, А.А. Шахматова, Б.А. Ларина, Г.Е. Кочина в изучении истории различных терминосистем русского языка. Однако в это время преобладал эмпирический подход к описанию материала.

В 50-е – 60-е годы XX в. на фоне возрастающего интереса к истории восточнославянской лексики появляется направление исторического терминоведения русского языка, у истоков которого стоят такие ученые, как Б.Л. Богородский, М.А. Брицын, А.С. Герд, В.П. Даниленко, О.Н. Трубачев, Д.Н. Шмелев, Л.Л. Кутина, В.В. Нимчук, В.М. Русановский, Е.Н. Толикина, Н.И. Толстой и др. Их лингвистические исследования положили начало формированию теоретической базы, структуры и содержания исторического терминоведения, формулировке основных задач, обоснованию принципов и методов исследования, постановке и разрешению основных проблем изучения специальной лексики XI-XIX вв.

Во многих историко-терминоведческих работах этого периода утверждалось, что содержание термина неодинаково на разных ступенях развития человеческого общества: «Назначение термина заключается не

только в назывной функции его, но также и в том, что он отражает своим содержанием объективные связи называемого понятия, место его в системе других (понятий). Термин следует рассматривать не как одиночный факт языка, а как исторически сложившуюся единицу определенной терминосистемы. Функции его остаются неизменными во все времена. Конкретное же содержание этих функций исторически меняется в зависимости от изменений в реальной сфере применения термина – науке или технике» [89, с. 9].

По мнению О.В. Фельде (Борхвальдт), ключевыми для исторического терминоведения 50-80-х годов XX в. были проблемы «...взаимодействия общего языка и его профессиональных подсистем, сходства и различия общеупотребительного и терминологического слова, роли специальной лексики в процессе становления словарного состава национального языка» [17, с. 58]. В этот период было установлено, что специальная лексика предыдущих столетий заметно отличается от терминов современного русского языка, т.к. они, по большей части, являлись общеупотребительными словами, поэтому специальные наименования XI-XVII вв. нередко отличались многозначностью и не всегда имели устойчивую внешнюю форму.

В период 80-х г.г. XX в. до начала XXI в. осмысливается проблема термина в его истории, устанавливается функциональная неоднородность специальной лексики предыдущих эпох.

Большой вклад в процесс формирования историко-терминоведческого направления этой научной отрасли внесли русисты Т.А. Лисицына, В.Н. Прохорова, Л.П. Рупосова, Г.П. Снетова, Л.А. Шкатова и др., а также представители общего терминоведения Н.В. Васильева, С.В. Гринев, В.М. Лейчик, В.А. Татаринов.

Для исторического терминоведения конца XX в. – начала XXI в. остаются актуальными проблемы коннотации, терминологизации и детерминологизации специальных наименований, вопросы динамики русских терминологий, основных закономерностей их формирования, также по-прежнему актуальны проблемы динамики словарного состава производственных, промысловых и научных подсистем и выявления общих закономерностей развития специальной лексики русского языка.

К изучению сельскохозяйственной лексики, в том числе номинаций земельных угодий, обращались Ф.П. Филин, О.Г. Порохова, С.И. Котков и др. В работах этих авторов преобладает эмпирический подход к описанию материала.

Более подробно в русле исторической лексикологии исследуют специальные наименования со значением «сельскохозяйственная лексика» ученые следующего поколения. Так, Л.И. Кислик в работе «Земледельческая лексика в памятниках деловой письменности XIV-XVII вв.» выделила тематическую группу земельных угодий, рассмотрев номинации с указанным общим значением с генетической точки зрения и функционирования в актовой письменности указанного исторического

периода [68].

Вслед за ней Ю.И. Чайкина провела подробный лексико-семантический анализ лексики подсечно-огневого земледелия в деловой письменности Устюжского уезда XVI-XVII вв., расширив семантический объем наименований с общим значением «земельное угодье» [174; 175].

Первые попытки создания классификации земледельческой лексики, в том числе номинаций земельных угодий, были предприняты исследователями Т.В. Стась и С.В. Репневской, которые в своих диссертационных работах объединяют эти наименования в лексико-тематические группы подсечно-огневого, пашенно-парового, подсечно-пашенного земледелия [152; 128]. Т.В. Стась произвела лексико-семантический и структурный анализ номинаций земельных и сенокосных угодий в памятниках письменности северо-западной Руси XIV-XVI вв. с использованием синхронно-описательного, сопоставительного и сравнительно-исторического методов исследования [152].

С.В. Репневская в работе «Земледельческая лексика Северного Подвинья в ее истории» указывает на то, что «взаимопроникновение терминологий, семантические переходы, объединяющие ЛСГ, подтверждают системный характер данных лексических групп» [128, с.14].

Однако семантический объем понятия «угодье» не ограничивается дефиницией «сфера земледелия», поэтому наименования объектов сельскохозяйственного использования следует рассматривать шире, с учетом их географического положения, степени освоенности, функционального назначения и др. показателей.

Одну из первых попыток классифицировать лексику сельскохозяйственных угодий по различным признакам предпринял В.С. Цаценко в диссертационной работе «Лексика землепользования и землевладения в южной Руси XVII в.». Он распределяет лексику землепользования на два лексико-тематических объединения, которые, в свою очередь, членятся на лексико-семантические группы: 1) названия земельных угодий (ЛСГ названий, характеризующих общие признаки земельных угодий; ЛСГ названий земельных угодий, пригодных для сельскохозяйственной обработки; ЛСГ названий земельных угодий, уже подвергшихся сельскохозяйственной обработке; ЛСГ названий угодий в зависимости от их расположения; ЛСГ прочих земельных угодий; ЛСГ названий сенокосных угодий; ЛСГ угодий для выпаса скота); 2) номинации промысловых угодий (ЛСГ географических названий водоемов; ЛСГ названий лесных угодий) [172].

Однако данная классификация сельскохозяйственных угодий является неполной: во-первых, при номинации тематических групп понятий землепользования («земельные» и «промысловые» угодья) исследователь не разделяет признак «географическое положение объекта» и «способ использования объекта». Во-вторых, автор указанной диссертационной работы не учитывает такую особенность русской терминологии донационального периода развития языка, как отсутствие

четкой дефиниции, которое проявляется в синкретизме значений исследуемых терминов.

Следует отметить, что в задачи вышеперечисленных исследований не входило составление полной классификации сельскохозяйственных угодий.

Таким образом, системное исследование указанных наименований в языке актовой письменности XVI-XVII вв. пока отсутствует, именно этим обусловлен выбор темы данной диссертации. По мнению В.В. Виноградова, «история терминологии – это проблема не только национально-историческая, но и интернациональная, проблема истории мировой науки и проблема истории человеческих цивилизаций, истории культурных взаимодействий и группировок народов» [28, с. 7]. Поэтому исследование специальной лексики русского языка дает возможность глубже познать особенности жизни русского народа в данную эпоху.

**Актуальность работы** определяется общими тенденциями историко-лексикологических исследований в плане комплексного и системного изучения данной терминологии. В данном исследовании рассматривается функционирование терминов сельскохозяйственных угодий в XVI-XVII вв. – периода конечной фазы формирования языка русской народности и начальной эпохи становления языка русской нации, который является одним из важнейших этапов в истории развития словарного состава языка.

Именно в это время закладываются основы национального бытового словаря, происходит отбор в общерусскую лексику семантически емких слов из огромного числа книжных средств, локальных лексем и элементов разговорно-бытовой речи; увеличивается состав нейтральной, общеупотребительной и специальной лексики.

**Связь с научными программами, планами, темами.**

Диссертационное исследование связано с научным направлением Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова «Исследование проблем гуманитарных наук», является частью комплексной темы кафедры русского языка «Сравнительный анализ славянских языков» (тема диссертации утверждена на заседании Ученого совета Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова от 23 декабря 2004 г., протокол № 6). Тема диссертации уточнена на заседании Ученого совета Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова (протокол № 12 от 25 июня 2007 г.).

**Объект исследования** – лексемы со значением «угодье» в русском языке донационального периода.

**Предмет исследования** – основные деривационные процессы формирования лексики сельскохозяйственных угодий, семантическое поле этих названий и особенности их функционирования в текстах XVI-XVII вв.

**Цель работы** – систематизировать терминологию сельскохозяйственных угодий в русской письменности донационального



периода. Осуществлению данной цели способствует решение следующих **задач**:

- выделить группу наименований сельскохозяйственных угодий путем сплошной выборки из текстов русской письменности указанного периода и специальных словарей;
- выявить состав и объем лексико-семантических групп (ЛСГ) сельскохозяйственных угодий;
- осуществить распределение выделенных ЛСГ на подгруппы;
- определить семантический объем этих наименований в XVI-XVII вв. .;
- уточнить терминологическое значение отдельных лексем в составе выделенной лексико-семантической группы;
- определить словообразовательную структуру наименований, входящих в эти объединения;
- проанализировать способы и пути образования терминов сельскохозяйственных угодий;
- проследить эволюцию проанализированных наименований от момента их отражения в письменности языка старорусской народности до настоящего времени.

**Источниковедческую базу** исследования составляют тексты деловой письменности донационального периода развития русского языка различной территориальной принадлежности; материалы исторических, этимологических словарей русского языка и других славянских языков XVII-XX вв.; опубликованные материалы исследований лексики местных деловых документов XVI-XVII вв.; лексика диалектных словарей (КСРНГ); материалы исторических и других нелингвистических исследований.

В данной работе осуществлен анализ 302 однословных и составных наименований, которые охарактеризованы в генетическом, структурном, семасиологическом и функциональном аспектах.

**Методы и приемы исследования.** Научный анализ осуществлен на основе учета положений о связи языка и мышления, соотношения формы и содержания языковых единиц в текстах актовой письменности XVI-XVII вв. В соответствии с целью и задачами исследования мы применили исторический подход с элементами диахронического анализа семантики наименований, суть которого заключается в описании становления и развития тех системных отношений, которые складываются в процессе формирования специальной лексики, а также в рассмотрении истории отдельных терминов. В работе использован метод синхронного лингвистического описания, который включает эмпирические наблюдения, приемы сопоставления, обобщения, предусматривает выявление терминов сельскохозяйственных угодий в текстах указанного исторического периода развития языка и их систематизацию. С целью уяснения способов возникновения терминологической семантики наименований нами используется метод компонентного анализа. При уточнении

терминологической семантики используются элементы дистрибутивного анализа слова.

**Научная новизна** данной работы состоит в том, что на обширном материале старорусской письменности впервые предложена классификация лексем с общим значением «угодье» по трем основным признакам: функциональному (способу использования), географическому (местоположению), степени освоенности (обрабатываемости). Освещен вопрос формирования терминологии сельскохозяйственных угодий, уточнена терминологическая семантика лексем, способы ее образования и пути развития.

**Теоретическое значение** данной работы состоит в расширении представления о развитии словарного состава русского языка донационального периода, о формировании сельскохозяйственных терминологий в целом. Кроме того, теоретические положения и иллюстративный материал нашего исследования могут способствовать более глубокому изучению некоторых вопросов русской исторической терминологии (освещение проблем формирования тематических групп в русском языке в разные периоды его развития, соотношение общеупотребительного и терминологического значения лексемы и др.).

**Практическое применение.** Диссертация содержит материалы, которые могут быть использованы в лексикографической практике при составлении лингвистических и исторических словарей; в высшей школе, в процессе преподавания курсов исторической грамматики русского языка, истории русского литературного языка, русской диалектологии, современного русского литературного языка, спецкурсов и спецсеминаров по проблемам формирования терминологических систем XIV-XVII вв., а также при написании курсовых и дипломных работ студентами филологических специальностей.

**Апробация результатов исследования.** Основные теоретические положения и результаты диссертационного исследования изложены в выступлениях на международных научных конференциях в Горловском государственном педагогическом институте иностранных языков «Східнослов'янська філологія: від Нестора до сьогодні» (26-27.04.2006 г.), в институте филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко «Мова і культура» (19-23.06.2006 г.), в Таврическом национальном университете (г. Симферополь) «Лингвистические чтения памяти профессора О.М. Соколова (к 80-летию)» (25-27.10.2006 г.), в Николаевском государственном гуманитарном университете имени Петра Могилы «Еволюційні тенденції в мові» (18-19.05. 2007 г.).

**Публикации.** Основные результаты исследования отражены в следующих статьях, опубликованных в изданиях, утвержденных ВАК Украины:

- 1) «Терминология сельскохозяйственных угодий в старорусских памятниках письменности XVI-XVII вв.» // «Науковий часопис Національного педагогічного університету ім. М.П. Драгоманова.

- Серія 9: Актуальні проблеми сучасного мовознавства». – № 1. – 2006. – С. 54-56.
- 2) «Из истории наименований лесных угодий (бор, сосняк) в памятниках письменности XVI-XVII вв.» // «Східнослов'янська філологія: Випуск 7. Мовознавство». – Горлівка: Видавництво ГДПШМ, 2006. – С.168-173.
  - 3) «Из истории наименований ландшафтных угодий в памятниках старорусской письменности» // «Система і структура східнослов'янських мов». – К.: Знання України, 2006. – С.62-67.
  - 4) «Из истории терминологии водных угодий в памятниках письменности XVI-XVII вв.» // Мова і культура. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2007. – С. 229-235.
  - 5) «Диахронический и исторический аспекты исследования русской терминологии» // «Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Филология». – Т. 20 (59). - № 1. – Симферополь, 2007. – С.174-178.
  - 6) "Шляхи і способи термінотворення в російській мові донаціонального періоду" // Наукові праці: Науково-методичний журнал. – Т. 67. – Вип.. 54. Філологія. – Миколаїв: Вид-во МДГУ імені П. Могилы, 2007. – С. 48-51.

## ГЛАВА 1. ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

### 1.1. Понятия «термин», «терминология» в общем и историческом терминоведении. Специальная лексика и термин

Одной из задач нашего исследования является систематизация терминов сельскохозяйственных угодий в памятниках русской письменности XVI-XVII вв. Как известно, с 60-х г.г. XX в. термин является объектом самостоятельной лингвистической дисциплины – терминоведения. В связи с этим в данном разделе мы рассмотрим понятия «термин», «терминология» с точки зрения общего и исторического терминоведения.

В настоящее время отсутствует общепринятое определение понятия «термин». Как отмечал В.В. Виноградов, «в создании и определении термина есть две стороны, две точки зрения: структурно-языковая и понятийная, семантическая, обусловленная развитием системы понятий той или иной науки, того или иного производства, ремесла. Обе эти стороны взаимосвязаны и вместе с тем обусловлены историей, культурно-исторической традицией» [28, с.7].

В статье Б.Н. Головина «Типы терминосистем и основания их различия» приводится 7 определений этого понятия, которые подвергаются критике «за несоответствие устанавливаемых определениями свойств и признаков термина его реальному, языковому и речевому облику» [39, с.18-19]. В.П. Даниленко в своем труде «Русская терминология: Опыт лингвистического описания» приводит 19 определений рассматриваемого понятия и подчеркивает, что это далеко не полный перечень, который может быть продолжен [52, с.83-86]. Вслед за В.М. Лейчиком, мы полагаем, что неудовлетворительность большинства определений состоит именно в попытке объединить разнохарактерные признаки термина, который представляет собой «объект целого ряда наук, и каждая наука стремится выделить в термине признаки, существенные с ее точки зрения» [89, с.20].

Номинация «термин» происходит от латинского *terminus* «граница, предел». В современном языкознании под термином понимается «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности» [190, с.508]. Как известно, в плане выражения термины качественно ничем не отличаются от других типов слов: как и другие лексемы, они фонетически, акцентологически и структурно оформлены. По мнению А.С. Герда, «новые термины образуются по тем же словообразовательным моделям и способам словообразования, которые характерны и для других слов» [36, с.3]. Сложнее обстоит вопрос о характере значения термина в плане содержания.

Как известно, в отличие от лексической единицы общеупотребительного языка термин обладает системностью, наличием

дефиниции, тенденцией к моносемичности в пределах своего терминологического поля (терминологии данной науки), стилистической нейтральностью и отсутствием экспрессии [190; 52; 129].

Как отмечает Г.О. Винокур, «научные термины отличаются от остальных слов большей точностью, более четкой отработанностью выражаемых ими понятий и определенной тенденцией к однозначности, т. е. к отсутствию у них нескольких лексико-семантических вариантов. Однако это всего лишь тенденция, это идеал, к которому стремится...всякая терминология, но на практике это правило часто нарушается» [32, с.4].

Последователи терминологических школ по-разному оценивают феномен термина. Сам факт автономного существования различных терминологических систем в языке допускает возможность предположения о принципиально иной организации, не позволяющей им раствориться в системе общеязыковой лексики. Обращая внимание на специфику термина как особого языкового знака и учитывая характер протекания в терминологии общеязыковых семантических процессов, В.П. Даниленко приходит к выводу о том, что «при включении терминологии в лексику общелитературного языка теряется в значительной мере ее функциональная и собственно языковая специфика, утрачивается особый критерий ее оценки. Однако и противоположный прием – изъятие терминологии из лексики общелитературного языка и анализ ее вне определенной языковой системы – неправилен и также чреват неизбежным искажением фактических процессов, специфических и общих, распространяющихся на терминологию» [52, с.7].

Традиционная точка зрения состоит в том, что терминологическая лексика – самостоятельный пласт лексики общелитературного языка. Термины являются членами общей лексической системы современного русского литературного языка, в которую они входят в составе конкретного терминологического поля, внутри которого и реализуются свойства термина. За пределами этого поля термин теряет свои дефинитивные и системные характеристики – детерминологизируется. Вообще, процессы детерминологизации (переход термина в общеупотребительную лексику) и терминологизации (переход общеупотребительного слова в термин) свидетельствуют о взаимопроникновении терминологической и нетерминологической лексики, что характерно для любого языка.

С появлением и развитием когнитивного терминоведения возникло новейшее толкование рассматриваемого понятия, которое заключается в том, что термин – это «динамическое явление, которое рождается, формулируется, углубляется в процессе познания (когниции), перехода от концепта – мыслительной категории – к вербализованному концепту, связанному с той или иной теорией, концепцией, осмысляющей ту или иную область знания и (или) деятельности» [89, с.21-22]. В данном определении приоритет отдан логическому толкованию термина, где на

первое место выдвигается его связь с понятием.

Как лексические единицы языка термины могут образовываться в совокупности на уровне семантического поля, которые связаны с системой понятий данной науки. В современном общем терминоведении различаются два основных вида совокупностей терминов – терминологии и терминосистемы.

Как было сказано выше, термин входит в общую лексическую систему языка лишь через посредство конкретной терминологической системы (терминологии). Еще А.А. Реформатский отметил, что «терминология – это свойство науки, техники, политики, т.е. сфер интеллектуально организованной социальной действительности» [129, с. 47]. В свою очередь, терминология как составная часть лексики является особым образом организованной системой, в которой отсутствует единый семантический показатель членения. Каждая группа терминов, входящих в состав определенной терминологии, объединяется на основе интегральных элементов и одновременно обладает дифференциальными признаками в каждом из своих членов. «Парадигмы слов организуются на основе общих (интегральных) семантических признаков и различаются семантическими дифференциальными признаками, которые противопоставляют друг другу члены парадигмы» [154, с. 67].

В статье Б.Н. Головина «Типы терминосистем и основания их различения» данные номинации используются в качестве синонимов, т.к. автор статьи считает, что любая терминология системна, поскольку системна мир [40, с.4].

По мнению В.М. Лейчика, терминология как совокупность терминов определенной отрасли знания складывалась стихийно, в отличие от терминосистемы, которая формировалась сознательно. Автор монографии «Терминоведение: Предмет, методы, структура» четко определяет статус рассматриваемых номинаций: «...понятие терминологии находится на грани лингвистики и терминоведения, тогда как понятие терминосистемы – это собственное понятие терминоведения» [89, с.107]. Исходя из этого, мы принимаем точку зрения В.М. Лейчика относительно того, что термины, входящие в терминологию, могут и не обладать признаком системности.

Итак, терминология – «языковое образование парадигматического типа, представляющее собой стихийно сложившуюся совокупность лексических единиц, обладающих семантической общностью и сходством (близостью) формальной структуры, которые совместно функционируют в одном из языков для специальных целей, обозначая общие понятия области знаний или деятельности, обслуживаемые данным языком для специальных целей» [там же, с.175]. В отличие от терминосистемы – строго упорядоченной терминологии, которая отражает определенные теории области знаний или производственной деятельности, – терминология характеризуется некоторой избыточностью наименований, что свидетельствует о том, что терминология обладает лишь частичной

упорядоченностью: «терминологии обладают связностью, но не обладают цельностью» [там же, с.177].

Следует отметить, что всякая терминология стремится стать терминосистемой, т.е. все терминологии стремятся к полноте отражения предметной области знаний, упорядочению терминологических единиц, устранению избыточности средств выражения, к наиболее точному отражению понятия. Таким образом, для образования терминосистемы необходим высокий уровень развития науки, техники, производственных технологий, наличие научной литературы и т.п. Терминология обычно складывается стихийно, а для формирования терминосистемы необходимы сознательные усилия специалистов по упорядочиванию терминов.

Понятия «термин» и «терминология» так же историчны, как и другие понятия языкознания. По мнению Ф.П. Филина, «в более ранние эпохи истории языка разница между словом и термином по сравнению с современной речью была менее значительной» [168, с.62] Чтобы определить содержание понятий «термин» и «терминология» в древнерусском языке, следует обратиться к их определениям в синхронном плане.

До начала XVIII в. не было науки в нашем понимании, но развивались отрасли в различной деятельности общества – административной, экономической и др., в каждой из которых возникали понятия, специфичные для данной области, и это требовало четкой дефиниции. Такие слова в современной лингвистике принято называть специальной лексикой. Той средой, в которой образовалась и начала свое функционирование русская терминология, является актовая письменность (деловой язык).

Как отмечалось выше, специальная лексика формировалась стихийно по языковым законам, на основе естественного языка. Другими словами, происходил процесс проникновения общенародной лексики в специальную. В целом, терминология старорусского языка – это общеупотребительная лексика в несколько специализированном применении, т.к. новое терминологическое значение всегда опиралось на общеупотребительное значение данного слова.

В донаучный (XI-XVII вв.) период основными единицами специальной лексики являлись прототермины, терминоиды, предтермины и профессионализмы, т.е. такие специальные наименования, которые не обладали достаточной степенью терминологичности [17]. По мнению ряда ученых, термин с его дефинитивным свойством в памятниках русского языка появился в конце XVII – начале XVIII вв. При этом следует учитывать существование в XI-XVII вв. двух отличных функционально-семиотических систем: русской (древнерусской XI-XIII вв.), старорусской (XIV-XVII вв.) и церковнославянской. В цели нашего исследования не входит изучение терминологии последней.

Итак, специальная лексика прошлых эпох обладает особой лингвоинформационной и социокультурной значимостью, т.к. она отражает

состояние и закономерности развития языка. Поэтому ее исследование дает возможность глубже познать особенности жизни русского народа в разные исторические эпохи. Учитывая эти обстоятельства, В.В. Виноградов, О.Н. Трубачев, Ф.П. Филин, П.Я. Черных и др. указывали на первоочередность изучения именно специальной лексики. Так, В.В. Виноградов в 1946 г. призывал лингвистов «исследовать профессиональную лексику... лексику ремесел и профессий... и ее отношений к общелитературному словарю в разные периоды русского литературного языка» [27, с.236].

Во всех историко-терминологических работах на первый план выходят 3 аспекта исследования: историко-культурный, этнолингвистический, динамический. К основоположникам историко-культурного и этнолингвистического подходов к исследованию специальной лексики древнерусского языка можно отнести О.Н. Трубачева, который впервые представил теоретическое и практическое обоснование развития терминологии как системы фиксации культуры, показал «связь плана истории и материальной культуры с языковым планом» [165, с. 85]. Историко-культурный аспект наиболее ярко представлен в работах В.В. Иванова, Г.Ф. Одинцова, Ф.П. Сороколетова и др.

Динамический аспект исследования специальной лексики, предполагающий изучение процесса ее семантической и функциональной эволюции, нашел свое отражение в работах Л.Л. Кутиной, Л.П. Рупосовой, Ф.П. Сороколетова, О.Н. Трубачева и др.

Кроме того, в историческом терминоведении наиболее разработанным с методологической точки зрения является региональное историческое направление, в русле которого работали О.В. Борхвальдт, Е. И. Голованова, И.И. Макеева, Л.Г. Панин, Н.Е. Попова, Г.А. Якубайлик, А.Р. Шовкопляс и др. В центре внимания исследований этих лингвистов – многоаспектный анализ специальной лексики памятников местной письменности XI – нач. XX вв.

В сопоставительном ракурсе исследования, целью которого является сравнительно-исторический анализ специальной лексики родственных славянских языков, работали такие лингвисты, как И.С. Козырев, О.В. Прискока, О.Л. Рижняк и др.

Изучением процессов номинации в сфере специальной лексики XI – нач. XX вв. занимались В.Н. Прохорова, Г.П. Снетова, Л.А. Шкатова и др. Исследование лексической семантики специальных наименований XI – нач. XX вв. представлено работами Л.Л. Кутиной, Н.И. Толстого, Л.П. Рупосовой, О.Ф. Юрчук, М.П. Иванишко и др.

Направление в историческом терминоведении, в задачи которого входит выявление и лингвистическая характеристика источников изучения специальной лексики прошлых эпох, реализуется в исследованиях О.В. Борхвальдт, Л.П. Рупосовой, Г.Н. Стариковой, Л.Ю. Астахиной и др.



Исследованиям особенностей функционирования специальной лексики в памятниках художественной литературы XI-XIX вв. посвящен ряд работ Н.С. Валгиной, А.И. Дубяго и др.

Итак, исследование лексики древнерусского языка показывает, что специальная лексика этого периода не обладает основными признаками термина, такими, как ограниченность сферы употребления, ограниченность сферы номинации, обязательность дефиниции. По мнению В.Н. Прохоровой, специальная древнерусская лексика лишь «...тяготеет к ограниченности употребления группой носителей и сферы номинации» [126, с.56].

Действительно, термины донационального периода существенно отличаются от современных терминов. «В XVII в. технический опыт, знания носили лишь эмпирический характер, – пишет исследователь Н.В. Щеглова, – они еще не обобщались и, следовательно, не оформлялись в виде зафиксированных определений и понятий. Поэтому термин в это время выступал в роли только названия предмета или производственного процесса, отнюдь не являясь «средством логического определения»<sup>1</sup>.

Не случайно само понятие «термин» наиболее внимательные историки языка употребляли с обязательными оговорками: «пользование этими словами (=терминология, термин) продиктовано...в значительной мере соображениями удобства, а не какими-то принципиальными установками» [165, с.61-62]. Об условности употребления понятия «термин» применительно к древнерусской эпохе писал также Ф.П. Сороколетов [146].

Вслед за О.В. Борхвальдт, В.Н. Прохоровой и др., мы считаем, что наиболее поздним в диахронном плане, не присущим специальной лексике древнерусского языка, представляется признак дефинитивности термина. Другими словами, чтобы термин получил однозначное определение, принятое в сфере специалистов, необходимо письменное закрепление этой дефиниции в специальной литературе, чего не могло быть на начальных этапах образования и развития всех областей специальной древнерусской лексики. В связи с этим В.Н. Прохорова считает целесообразным дифференцировать понятия «специальная лексика» (древнерусского языка) и «терминология» (современного языка) [127, с. 107-120].

Действительно, терминологические признаки у специальной лексики древнерусского языка неопределенны, но на каждом новом этапе ее формирования они становятся более четкими. Поэтому подобное различие указанных номинаций многие исследователи не считают необходимым.

Вслед за Г.П. Снетовой, мы считаем, что «противопоставление термина нетермину в старорусском языке по тем же структурно-грамматическим и лексико-семантическим признакам является неправомерным» [141, с.24]. Таким образом, специальная лексика древнерусского языка обозначается как терминологическая.

**Щеглова Н.А.** Терминологическая лексика оружейно-железодельного производства XVII-XVIII вв. (по материалам памятников письменности Тульского края). – М.: Наука, 1964. – 541 с.

Нам представляется необходимым четко разграничить понятие «термин» в современном русском языке и в начальный период создания терминологических систем, т.к. данная номинация имеет различную понятийную наполняемость в современном и донациональном русском языке. Смысловое содержание наименований «термин» и «терминология» определяется не только периодом функционирования, но и «степенью терминованности того терминологического поля, к которому термин принадлежит» [там же, с. 31].

Исходя из этого, Г.П. Снетова выделяет следующие признаки для дефиниции слова «термин» в применении его к сферам донационального языка:

1. Термин – исторически сложившаяся языковая единица, отличающаяся от обычных слов своим назначением.
2. Термин служит для обозначения специального понятия с четко очерченными границами.
3. Термин является составной единицей определенной группы слов, объединенных общим назначением и более узкой сферой функционирования в отличие от общеупотребительных слов.
4. Термин соотносится с другими понятиями в общей терминологической системе и занимает определенное место в этой системе [там же, с.36].

Кроме вышеперечисленных признаков следует отметить такие яркие особенности древнерусской и старорусской терминологии, как вариантность, синонимия, полисемия, омонимия. Рассмотрим подробнее эти явления в русском языке, по отношению к донациональному периоду его развития.

Т.к. в современной лингвистике термин «языковая вариантность» не имеет однозначного определения, в литературе нет еще общепринятой классификации вариантов: в попытках их систематизации учитывается разный набор признаков в соответствии с исходными позициями в понимании данного языкового явления. Как известно, языковая вариантность определяется как способность языка передавать одни и те же значения разными формами. Языковые варианты – это формальные разновидности одной и той же языковой единицы, которые при тождестве значения различаются частичным несовпадением своего звукового состава.

Вслед за К.С. Горбачевичем, Н.С. Валгиной, которые исходят из узкого понимания вариантности и ориентируются на буквальное значение термина «вариант» (лат. *varias* – изменяющийся), будем считать вариантами разновидности слова (фиксированное различие в произношении и в месте расположения ударения) и разные грамматические формы одного и того же слова, тождественные по своей грамматической функции. Другими словами, вариант – это формальная разновидность слова (тождественная данному слову), обладающая тем же лексическим значением и имеющая ту же морфологическую структуру. Следовательно, при таком подходе вариантность ограничивается

словоизменительными возможностями слова, но не словообразовательными [22, с. 27].

Исходя из вышесказанного, мы в данном исследовании используем в качестве основы классификацию вариантов слов в современном русском языке, представленную Н.С. Валгиной, которая по характерным формальным признакам распределяет их на акцентные, фонетические, фонематические, грамматические (морфологические и очень ограниченно – синтаксические) [22, с. 26-30]. Что касается акцентных вариантов слов в языке донационального периода, то их трудно установить гипотетически, поэтому мы остановимся на функционировании в русском языке XVI-XVII вв. фонетических, фонематических и грамматических (точнее – морфологических) вариантах лексических единиц и проиллюстрируем это на материале наименований сельскохозяйственных угодий.

Фонетические (звуковые) варианты обнаруживаются при различном произношении звуков и их сочетаний в словах и формах слов. Например, вариантное произношение возникает в словах **болотко, болотце, болотцо** «некультивируемое угодье», **гуменко, гуменце, гуменцо** «небольшое подсобное угодье с хозяйственными постройками» и др., где суффикс -К-(-Ц-) изменяется вследствие процесса палатализации. Также фонетические варианты появляются при произношении сочетания -ЧН- в словах **кострищное, костричное (место)** «участок с дровами, сложенными кострами», **поляночная, поляношная (земля)** «культивируемое земельное угодье на территории леса» и др., которое зафиксировано в памятниках делового письма указанного периода.

Фонематическая вариантность, по сравнению с современным русским языком, в прошлом была распространена шире вследствие того, что она напрямую связана с орфографией, а последняя в связи с расширением позиций письменной речи стремится к унификации. В старорусском языке фонематические варианты возникают в сильной позиции гласных звуков, например, **езъ, язъ** «рыболовное угодье на месте установки еза», **дуброва, дубрава** «лиственный лес, выросший на заброшенной рощице», **сосняк, сосник** «лесное угодье» и др. Несмотря на то, что фонемы выполняют смыслообразительную функцию в слове, такие варианты лексем содержат одну и ту же дефиницию.

К разновидности фонематических вариантов мы относим так называемые графические варианты слова, связанные с процессом изменения редуцированных гласных Ъ, Ь. Например, **лесокъ, лескъ** «небольшое лесное угодье», **мохъ, мѣхъ** «сенокосное угодье на сухом болоте» и др.

Под морфологическими вариантами мы понимаем формальные модификации слова при сохранении морфологической структуры, лексического и грамматического значения [22]. Колебания чаще всего происходят в формах грамматического рода, числа и падежа имен существительных. Так, в словах **земля, земли** «обобщенное название земельных угодий», **покос, покосы** «сенокосное угодье» и др. формы мн

. числа имеют то же значение, что и формы ед. числа, следовательно, они варианты.

Что касается синтаксической вариантности, то мы придерживаемся точки зрения Н.С. Валгиной, что этот термин нужно употреблять с осторожностью, т.к. синтаксические конструкции чаще всего синонимичны, нежели варианты [там же, с.26], как в применении к современному русскому языку, так и языку донационального периода. Поэтому в данной работе мы считаем необходимым отграничить вариантность от других лексико-семантических явлений, в частности, от синонимии.

Как известно, синонимы различаются либо оттенками значений, либо стилистической окраской, в то время как этимология и морфологическое тождество не принимается во внимание при определении синонимов. В отличие от варианта слова, синонимы могут иметь в морфологической структуре особые словообразовательные элементы, например, приставки (**ПОСКОТИНА**, **ПОДСКОТИНА** «угодье для выпаса скота»), суффикса (**ВОДЕЧНОЕ**, **ВОДНОЕ (МЕСТО)** «водное угодье»). В любом случае синонимы – самостоятельные слова, близкие или совпадающие по значению, но не претендующие на материальное тождество. В деловом языке донационального периода, в частности, при наименовании объектов сельскохозяйственной деятельности, синонимия широко представлена. Так, к однокоренным синонимам можно причислить лексемы **ЗАКРАИНА**, **ЗАКРАЕК** «сенокосное или пахотное угодье на краю основного поля», **ЗИМОВИЩЕ**, **ЗИМОВЬЕ** «место зимнего промысла», **ЛЕТОВИЩЕ**, **ЛЕТОВЬЕ** «место летнего промысла», **БОРТЬ**, **БОРТЬНИК** «угодье, лес или участок леса с бортными деревьями» и др. К разнокорневым синонимам можно отнести наименования **ВЫПУСК**, **ПОСКОТИНА** «угодье для выгона скота», **НИВА**, **ПАШНЯ** «поле, обработанное для посева» и др.

Мы согласны с точкой зрения Л.Л. Кутиной, что «на этапе формирования терминологии ... морфо- и фоноварианты, семантические варианты (синонимы) сосуществуют, не различаясь по значению» [84, с. 12]. На наш взгляд, употребление таких вариантов слова связано с языковыми особенностями их распространения на определенной территории.

Явление полисемии также присуще языку донациональной эпохи. Так, в рамках терминологии земельных угодий слово «земля» применяется по крайней мере в трех терминологических значениях: 1) участок леса, расчищенный под пашню или сенокос; 2) общее название обрабатываемого земельного угодья; 3) участок земли, отдельное владение

Однако следует добавить, что многозначные слова (лексические единицы) довольно быстро распадаются внутри терминологии на семантические омонимы – их значения расходятся и каждое из них закрепляется за одним из понятий. Например, термин охотничьего

промысла ПУТИК в русской письменности XVI-XVII вв. расщепился на 4 семантических омонима: 1) дорожка, тропинка, тропа; 2) охотничий участок в лесу; силки, капканы, ловушки на зверя и птицу; 3) городьба большой протяженности с оставленными в ней проходами, в которых устраиваются западни или ловушки на зверя, птицу; 4) продолговатая полоска, бороздка.

Таким образом, в отличие от современного языка, в донациональную эпоху его развития явления синонимии, многозначности и омонимии внутри одной терминологии были присущи терминам, как и другим лексическим единицам.

Исходя из вышесказанного, вслед за Л.Л. Кутиной, Г.П. Снетовой, мы утверждаем, что в дефиниции термина донационального периода отсутствует признак «научный», т.к. русская наука начинает свое развитие с начала XVIII в., соответственно, к этому времени относится начало формирования многих научных терминологий и языка науки в целом [84, с. 32]. Этой же точки зрения придерживается и Л.П. Рупосова: «Можно говорить о термине только со второй половины XVII в., когда появляются дефиниции аналитического и синтетического типов» [134, с.6].

В конце XX в. широкое распространение получает мнение О. Борхвальдт, которая считает, что нельзя говорить о разном характере «терминов» древнейшей поры и терминов современного русского языка.

Вслед за В.М. Лейчиком, она утверждает, что «термин – это высшая, самая совершенная единица специальной лексики, представляющая собой сложное трехслойное образование, включающее: а) естественный субстрат – материальный (звуковой и (или) графический) компонент структуры термина, а также идеальный (семантический) компонент этой структуры, определяемые принадлежностью термина к лексической системе того или иного естественного языка; б) логический суперстрат – содержательные признаки, позволяющие термину обозначать общее – абстрактное или конкретное понятие в системе понятий; в) терминологическую сущность – содержательные и функциональные признаки, позволяющие термину выполнять функции элемента теории, описывающей определенную сферу человеческой деятельности» [17; 89, с. 26-27].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для терминов всех времен характерны номинативная, дефинитивная и сигнификативная функции. Термины являются средствами обозначения понятий, принадлежат к определенным терминологиям, вступают в системные отношения друг с другом, относительно независимы от контекста, характеризуются отсутствием эмоциональности и стремлением к моносемичности в пределах одной терминологии. Они порождаются на базе дефиниции, которая служит семантическим эквивалентом термина, обеспечивает его толкование в каждом конкретном случае. Дефинитивность – важнейшее отличительное свойство термина, с которым связаны такие особенности термина, как конвенциональность (договоренность об употреблении, согласованность употребления) и

производность [43, с.43] Иными словами, если единица специальной лексики не соответствует перечисленным выше признакам, ее нельзя отнести к разряду терминов.

## 1.2. Пути и способы терминообразования в русском языке донационального периода

В задачи нашей работы входит описание терминологии сельскохозяйственных угодий в деловой письменности XVI-XVII вв. с точки зрения ее образования. В связи с этим мы считаем необходимым проанализировать основные пути и способы терминопроизводства в русской письменности указанного периода.

По мнению П.Я. Черных, Ф.П. Филина, В.Н. Прохоровой и др., пути образования терминологии определенной области знания совпадают с путями создания совокупностей лексем, присущих конкретному языку в целом [176; 170; 127].

Во-первых, это проявляется в совместном обозначении группы тематически связанных объектов и их признаков, что соответствует языковому процессу создания лексико-семантических групп (ЛСГ). Во-вторых, между терминологическими единицами могут устанавливаться отношения частичной синонимии. Так, в русской терминологии лесных угодий XVI-XVII вв. такими единицами являются **борь**, **соснякъ**: в деловой письменности указанного периода «бором» могли называть любой хвойный лес, в том числе и сосновый («сосняк»). В-третьих, явление полисемии также присуще терминам, особенно специальным наименованиям русского языка донациональной эпохи.

Как было указано выше, термин, являясь единицей языка, подчиняется фонетическим и грамматическим законам данного языка; следовательно, специальная лексика древнерусского языка образовывалась теми же способами словопроизводства, что и в современном русском языке, в частности, лексико-семантическим и морфологическим.

**Лексико-семантический способ образования** является исконным в русской терминологии. П.Я. Черных отмечает, что нет такого древнего производства, первичная терминология которого не содержала бы терминов лексико-семантического происхождения [176, с. 227-229]. Не является исключением и рассматриваемая нами терминология сельскохозяйственных угодий. Так, в актовой письменности XVI-XVII вв. термин **перевесье** с семантикой «охотничье угодье» возник вследствие переосмысления исходного значения данной лексемы про «снасти, приспособление для ловли птиц»; наименование **борть** в первичном значении «колода для пчел, дерево с дуплом, в котором водятся пчелы» получило новую терминологическую семантику «угодье, лес или участок леса с бортными деревьями».

Таким образом, с помощью лексико-семантического словопроизводства термины образуются в результате изменений в

смысловой стороне того или иного слова основного лексического фонда, путем расщепления этого слова на омонимы. Такой процесс формирования терминов-омонимов происходит в силу того, что лексема, получая новое терминологическое значение, продолжает какое-то время употребляться и со своей исходной семантикой. Например, в деловой письменности донационального периода термин пчеловодства **бортьникъ** с первичной семантикой «пчельник; тот, кто делает борти, присматривает за ними» употребляется наравне с вторичным значением «угодье бортное»: Далъ язъ, князь Юрьи Дмитриевичь, отцу своему игумену Савѣ бортника Ондрейка Телицына съ деревнею, въ которой живетъ на Рѣпищи, и онъ тѣ борти манастырскіи дѣлаеть (АИ 1, 24. 1404 г.); Село Ясенское и съ бортникомъ и съ землею и съ исгои Святѣи Богородици [205, 1, с. 156].

Как видно из примеров, в первом из них речь идет о человеке, который делает борти и присматривает за ними, а во втором отрывке говорится о лесном угодье.

Кроме того, в терминологии как составной части лексикологии существуют разновидности лексико-семантического способа образования. К ним относятся: сужение значения, метафорический перенос, метонимический перенос. Рассмотрим подробнее реализацию указанных способов словопроизводства терминов в русском языке донациональной эпохи.

**Сужение значения.** Как известно, сужение значения – это процесс, при котором слово, обозначавшее ранее родовое понятие или название целого, становится названием видового понятия или части целого<sup>2</sup>. В нашем случае наблюдаются специфические для русского языка указанного периода особенности терминообразования: первоначальное употребление лексики в качестве специальной, которое характеризуется сочетанием в слове общих и специальных значений. Так, в деловой письменности XVI-XVII вв. слово **болото** употреблялось в значении «угодье», но сохраняло тесные связи со значением «илистое топкое место»; термин водных угодий **озеро**, с семантикой «рыбное угодье» тесно связано с общелитературным значением «водоем».

Сужение значения общелитературных слов при специальном их употреблении характерно и для русской военной [146], дипломатической терминологии XI-XVII вв. [138], терминологическое употребление названий посуды как мер количества и объема [127, с. 5-7] и др.

Для этапа терминологического употребления общелитературных слов характерно использование в качестве специальной лексики (в нашем случае – сельскохозяйственных угодий) **омонимов**. Как было указано выше, при лексико-семантическом словопроизводстве процесс формирования омонимов происходит в результате получения лексемой нового значения при параллельном ее функционировании с первичной

семантикой. Этот факт в очередной раз подтверждает стихийность образования терминологии в отличие от терминосистемы.

Так, термин **НЕВОД** имеет следующие значения в письменности старорусского периода: «окладная оброчная единица», «рыболовный участок», «доля в рыболовном угодье при ловле неводом». Данная номинация, возникшая путем метафорического переноса наименования вида рыболовной сети на участок водоема, порождает ряд терминов-омонимов в различных сферах деятельности (ретерминологизируется). В данном случае мы наблюдаем ретерминологизацию рассматриваемой лексической единицы в промысловой и метрологической отрасли.

То же явление прослеживается в образовании терминов **ОСТОЖЬЕ**, **НИВА**, **ПОКОС**. Так, слово **ОСТОЖЬЕ** в русской письменности XVI-XVII вв. широко бытует в экономической и сельскохозяйственной сфере с терминологической семантикой «земельная мера: покос, дающий стог сена» и «специально оборудованное место для хранения стога сена». Наименование **НИВА** также является принадлежностью двух терминологий – сельскохозяйственной и геометрической (ср. «поле, обработанное для посева; пашня» и «единица площади пахотной земли, величиной в десятину и более»). Лексема **ПОКОС** в указанный исторический период параллельно функционировала в сельскохозяйственной и юридической сферах деятельности в терминологических значениях «сенокосное угодье» и «незаконный выкос сена».

Кроме того, в составе одной терминологии также могут функционировать термины-омонимы. Например, термин водных угодий **ПРУДЬ** в русской деловой письменности XVI-XVII вв. означал следующие понятия: «запруда, плотина; мельничная плотина», «закол», «водяная мельница», «место, заливаемое водой при подпруживании реки», «водоем, устроенный посредством запруживания текущей воды или копанный; пруд»

Можно сделать вывод о том, что в языке древнерусской народности в отличие от узуральности терминологического значения отмечается окказиональность терминологического употребления слов.

Итак, приведенные примеры показывают, что употребление слова в специальном, терминологическом значении осуществлялось при сужении значения исходного слова. В.Н. Прохорова утверждает, что «...явление специализации значения в древнерусском языке не отличалось принципиально от того явления, которое мы характеризуем как сужение значения в современной терминологии» [127, с. 107].

Слово продолжает функционировать и как общеупотребительное, и как результат сужения значения – слово специальной лексики (**НЕВОД**, **ПУТИК**, **ПАШНЯ** и др.). Наконец, слово может остаться общеупотребительным и не функционировать далее в специальном значении, что происходит при неточности его терминологического употребления (детерминологизации). Так произошло с наименованиями водных угодий **ВОДА**, **ЗЕМЛЯ**, **УСТЬЕ**, **ПРУД**, **ИСТОК** и др.



Поскольку профессиональная общность людей в социуме сначала не была отчетливо выражена, дефиниции специальных понятий первоначально не были закреплены письменно – только в устном употреблении не в организованном кругу носителей терминологии. При таких условиях целесообразным являлось сужение значения при помощи формального признака – согласованного или несогласованного определения, т.е. образование устойчивого сочетания-термина. Такое образование в специализированной лексике было также продуктивно на самых ранних этапах образования, как и в настоящее время. Об этом свидетельствуют все лингвисты, изучавшие древнерусскую специальную лексику, а также и материалы нашего исследования. Например, в сельскохозяйственной терминологии: земля - пашенная, непашенная, худая; лес – пашенный, непашенный, черный, озерный езовый и др.

Таким образом, мы наблюдаем гнездовое образование составных терминов: на базе одного слова с суженным значением путем разнообразных определений. Можно привести достаточно много примеров составных специальных наименований при сужении значения общеупотребительного слова, что свидетельствует о большой продуктивности такого способа образования терминов.

В.Н. Прохорова отмечает, что «особую активность синтаксического образования специальной лексики при сужении значения можно объяснить и полифункциональностью согласованного и несогласованного определений: они не только выражают видовые отношения, но и, служа формальным отличием, помогают различить слово общеупотребительное и одно из его значений – специальное, терминологическое» [127, с. 111].

**Метафорический перенос.** Типичным для периода формирования терминологии является языковой факт заимствования термина из сферы неспециальной лексики во вторичном, чаще всего метафорическом, значении. По словам В.В. Петрова, «метафорическое значение – первый этап формирования значения некоторых научных понятий, когда язык исследователя и язык научного сообщества еще не совпадают» [115, с.82]. Л.М. Алексеева доказала, что метафора присутствует на всех этапах формирования терминов и терминологий [1, с.91-105].

Метафоризация, как показывают материалы современной терминологии, – чрезвычайно активно действующий способ образования терминов как в древнерусском, так и в современном языке [177]. Следует отметить, что метафорические переносы наименований наиболее интенсивно затрагивают те группы лексики, которые связаны с актуальными в данный период жизни общества явлениями, процессами. Этот семантический процесс определяется как «...механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п. для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичных данному в каком-либо отношении» [212, с. 662].

Перенос наименования происходит преимущественно по сходству формы, местоположения, функции. Так, термин лесных угодий **ОСТРОВ** «небольшой отдельно стоящий лес; лес среди поля» получил свою номинацию путем метафорического переноса на основании сходства формы объектов, которое актуализируется в этимологической приставке \*о(в)- со значением «вокруг» (ср. первоначальное значение лексемы «участок суши, омываемый со всех сторон водой»). Слово **сежа** с первоначальной семантикой «рыболовная сеть» в деловой письменности интересующего нас периода приобрело терминологическое значение «устройство на реке для рыбной ловли; рыболовное угодье», которое возникло в результате метафорического переноса на основании сходства функции объектов, в данном случае – ловли рыбы.

Кроме того, в старорусском языке отмечены примеры образования промысловых терминов, возникших в результате комбинированных переносов значения по нескольким признакам. Например, слово **ПУТИК** получило терминологическое значение «охотничий участок в лесу» путем метафорического переноса на основании функции и месторасположения объектов (ср. «силки, капканы, ловушки на зверя и птицу; городьба большой протяженности с оставленными в ней проходами, в которых устраиваются западни или ловушки на зверя, птицу»). Как правило, в древнерусский и старорусский период метафоризация как вид образования специальной лексики осуществляется преимущественно на основе конкретной лексики.

В.Н. Прохорова в своем труде «Русская терминология (лексико-семантическое образование)» выделяет следующие факторы, которые способствуют метафорическому переносу: а) активность метафоризации лексики на основе слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами эмоциональной оценки *-к-, -ок-* др.; б) лексикализация форм множественного числа при метафоризации [127, с. 118].

Так, в русской деловой письменности XVI-XVII вв. широко бытовали термины сельскохозяйственных угодий **борок, гривка, заемка, заполок, наволок, пустынка** и др., образованные путем метафорического переноса на основе слов с суффиксами эмоциональной оценки. Также отмечены наименования **воды, бобры, неводы, ловища бобровые, лесники** и др. с интересующей нас терминологической семантикой, возникших в результате лексикализации форм множественного числа при метафоризации.

**Метонимический перенос** названия как средство образования специальной лексики в древнерусском языке так же распространен, как и способ сужения значения [102; 127]. Этот процесс определяется как «...механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию», [212, с.300 ].

В нашем случае вторичное, терминологическое значение возникает на основе близости предметов во времени, в пространстве, на основе ассоциаций между материалом и предметом, изготовленным из этого материала, на основе действия и результата, получаемого от данного действия, на основе ассоциаций между целым предметом и его частью или наоборот.

Материалы нашего исследования позволяют сделать вывод о том, что при образовании терминов сельскохозяйственных угодий путем метонимического переноса наиболее четко проявляется модель «действие (процесс) и место действия (результат действия)». Так, слово **ЗАКОС** в деловой письменности указанного периода приобретает терминологическую семантику «участок сенокоса, покос» на основе метонимического переноса первичного значения «сенокосение» (процесс) на место, где этот процесс производится. Термин рыболовного промысла **ЛОВИЩЕ** с семантикой «место, где ловят рыбу» также возник на основе смежности действия «охотиться, ловить» (первичное значение данной лексемы) и местом, где производится данное действие.

Лексема **ОТЪЕЗД** в общеупотребительном значении «отъезд, выезд» тоже приобретает терминологическую семантику «отдаленное владение, угодье, место промысла»; таким же образом терминологизируется значение слова **ПАШНЯ** «вспаханное поле» путем переноса первичной семантики «пахота, пахотные работы» (процесс) на место действия.

**Морфологический способ терминообразования** представляет собой производство новых слов на базе существующих в языке основ и словообразовательных аффиксов, с помощью которого образуются лексические единицы, являющиеся «новыми», известными русскому языку ранее, комбинациями морфем. Как и в современном русском языке, данный способ терминообразования является наиболее продуктивным.

Основные типы морфологического словопроизводства, существующие в русском языке на данном этапе его развития, – сложение, аффиксация, безаффиксный способ, аббревиация и обратное словообразование. Все эти типы «...представляют собой явление исторически устойчивое и столь же в своем существе характерны для словообразовательной системы русского языка предшествующих периодов его развития, сколь и для современного ее состояния», – считает Н.М. Шанский [178, с.67].

Исследуемые нами термины сельскохозяйственных угодий в деловой письменности XVI-XVII вв. также могли возникать с помощью морфологического словопроизводства, а именно путем аффиксации, сложения и безаффиксного способа. Рассмотрим подробнее этот процесс.

В донациональный период самым богатым видом терминообразования оставалась аффиксация с ее разновидностями – суффиксальной, префиксальной, суффиксально-префиксальной. Так, термины **БОРОК** «небольшой хвойный лес», **ГРИВКА** «поросшая лесом возвышенность», **ГУМНИЩЕ** «место, где было гумно», **ДВОРИЩЕ** «место

расположения двора, усадьба», **землица** «небольшой участок земли»», **поженка** «небольшой покос, нива, пашня», **переложек** «небольшая запущенная пашня», **польце** «небольшое поле», **пустынка** «пустошь» и др. представляют собой суффиксальные образования, возникшие путем присоединения к производящей основе суффикса **-к-, -ок-, -ищ-, -иц-** и пр.

Следует отметить, что наиболее продуктивными при образовании терминов сельскохозяйственных угодий в этот исторический период были суффикс **-ищ-** в пространственном значении (**ловище** «рыбное угодье», **езовище** «вид рыбного угодья», **ржище** «поле, где росла рожь», **огородище** «место, где раньше был огород», **репище** «место, где сеется или сеялась репа», **нивище** «место, где была пашня», **летовище** «место, где летом пасется скот», **зимовище** «место, где зимуют, занимаются каким-нибудь промыслом» и т.п.)», суффиксы **-к- (-ок-, -ек-)** с семантикой уменьшительности (**омуток** «небольшой омут», **мошок** «небольшое сухое болото», **лужек** «небольшое сенокосное угодье» и т.п.).

Суффиксально-префиксальным видом морфологического словопроизводства, также являющимся продуктивным в древнерусской и старорусской письменности, образованы такие наименования, как **заемка** «участок земли вдали от деревни», **закраина** «небольшой участок земли, сенокосного угодья», **заполье** «угодье, земля на краю поля, за полем», **остожье** «место, где складывается стог», **приполек** «участок пашни рядом с полем», **перевесье** «место для ловли птиц» и др.

Лексические единицы – термины сельскохозяйственных угодий, образованные префиксальным способом производства, также широко представлены в деловой письменности XVI-XVII вв.: **затон** «рыбное угодье», **наволлок** «сенокосное угодье в пойме реки», **поскотина** (**подскотина**) «место выпаса скота», **роздерть** «пашня, поднятая из-под леса» и др.

Как известно, в современном русском языке безаффиксный способ словообразования является наименее действенным и распространенным: с его помощью образуются только имена существительные от основ глагола или имени прилагательного. Наши материалы позволяют сделать вывод о том, что данный вид терминопредварения был широко распространен в языке донационального периода. Проиллюстрируем это утверждение следующими примерами: **закос** «сенокосное угодье» (от **закосити**), **залог** «вспаханное и запущенное поле» (от **залегати**), **исток** «источник, ручей» (от **истекати**), **обжа** «участок пахотной земли» (от **обжати**), **перекоп** «канал, соединяющий два водоема» (от **перекопати**), **пожня** «сенокосное угодье на низком месте у реки или озера» (от **пожати**), **покос** «вид сенокосного угодья» (от **покашивати**), **приток** «рыболовное угодье» (от **притекати**), **роздель** «разработанный участок леса» (от **розделити**), **роскось** «лес,

разделанный под покос» (от **роскосити**), **росчисть** «место в лесу, расчищенное под пашню» (**росчистити**), **роща** «небольшой молодой лес» (от **растити**), **село** «участок земли» (от **селити**) и др.

Что касается способа сложения при образовании терминов сельскохозяйственных угодий, то следует отметить его малопродуктивность. Так, с помощью этого вида словопроизводства возникли термины **новотереб** «место, расчищенное из-под зарослей, кустарника» и **сеножать** «сенокосное угодье».

Наряду с рассмотренными видами терминообразования в письменности донационального периода следует отметить **синтаксический способ** образования терминов. Наиболее распространенными моделями являются адъективные сочетания со стержневым компонентом, выраженным именем существительным, и конкретизатором – именем прилагательным или причастием (ср. **ЗЕМЛЯ бортная** «угодье бортное», **лес пашенный** «раскорчеванный лес», **лес дубровный** «вторичный лиственный лес (на заброшенной пашне)») **ловища бобровые** «место охоты на бобров», **ловля неводная** «место, где ловят рыбу неводом» и др.

Таким образом, в древнерусский и старорусский период развития языка слово получало терминологическое значение в результате лексико-семантического способа терминообразования, а именно путем сужения значения слова, метафорического и метонимического переноса наименования. В структурном отношении наиболее продуктивными моделями терминов сельскохозяйственных угодий мы считаем аффиксацию и безаффиксный способ, отмечаем малую продуктивность способа сложения.

### **1.3. Диахронический и исторический аспекты исследования терминологии**

Одна из задач нашей работы – проследить развитие терминологии сельскохозяйственных угодий от момента ее возникновения до настоящего времени. В связи с этим наше исследование предполагает использование исторического либо диахронического подхода.

С сер.80-х годов XX в. в подъязыке лингвистики наблюдается семантическое расхождение прилагательных «исторический» и «диахронический». Так, Ю.Н. Караулов в работе «Русский язык и языковая личность» утверждает, что «диахроническое и историческое ... не являются полными синонимами; диахрония как понятие сугубо логическое начисто лишена национального переживания и тем самым противостоит собственно истории» [66, с.42].

Н.В. Васильева также разграничивает данные понятия, мотивируя свою точку зрения тем, что эти аспекты исследования «обслуживают» различные группы проблем: «...1) все, что связано с историей терминов, терминосистем и терминологических полей (исторический подход) и 2) все

, что связано с историей специальных текстов (диахронический подход)» [25, с.19].

Как известно, факты прошлого могут изучаться как на коротких хронологических срезах, в синхронии, так и в диахронии. По мнению Г. Гийома, диахронический подход к истории специальной лексики предполагает изучение «диахронии синхронных состояний» [35, с.56].

При данном подходе к изучению специальной лексики учитывается, что любая синхронная система является следствием предыдущей, что в каждый отдельно взятый момент истории того или иного подязыка мы имеем дело с начавшимися изменениями предыдущей системы. Р.А. Будагов отметил: «В самой синхронии как бы присутствует диахрония, каждое синхронное состояние языка обусловлено предшествующим же синхронным состоянием» [21, с.29].

Таким образом, диахрония – это особый аспект исследования, суть которого заключается в изучении «исторической последовательности развития отдельных языковых явлений и развития системы в целом» [204, с. 97], который дает возможность выявить перспективные средства образования терминов и выходящие из употребления модели.

В последнее время диахронические исследования терминов различных областей знания становятся актуальными в связи с пристальным вниманием специалистов к вопросам теории познания, т.к. изучение истории развития терминологий может явиться одним из наиболее действенных средств исследования исторического развития процесса познания в целом. Другими словами, такое изучение терминологии дает возможность не только повысить надежность рекомендаций по упорядочению терминологий и образованию новых терминосистем, но и установить пути и особенности развития научной мысли, приобретая таким образом большое культурное, социальное и научное значение.

По мнению С.В. Гринева, с помощью диахронических исследований, в том числе с привлечением данных смежных с лингвистикой наук (антропологии, этнографии, истории науки и техники, всеобщей истории), «...можно установить время и особенности зарождения и развития терминологий, поскольку формирующиеся в настоящее время терминологии будут во многом повторять этапы их развития; выявить общие тенденции развития терминологий и факторы, определяющие это развитие, а также тенденции в отношении к специальной лексике и попытках ее упорядочения» [47, с.106].

В.М. Лейчик утверждает, что «на основе диахронического подхода к термину, объединяемого с логико-гносеологическим подходом, выделяются этапы номинации (обозначения) специального понятия, включающие: а) период первоначального обозначения того понятия, когда фигурируют предтермины, в которых преобладают признаки языкового субстрата; б) этап терминологизации – вовлечения нетерминов в лексику языка для специальных целей; в) период адекватного обозначения понятия

в системе понятий, когда фигурируют собственно термины, в которых признаки языкового субстрата ослаблены» [89, с.27].

Исходя из вышесказанного, мы считаем, что такой подход предполагает необходимость подробного анализа по крайней мере двух синхронных срезов, сопоставление которых даст возможность диахронического представления объекта.

В связи с тем, что исследуемые нами специальные наименования донационального периода не обладали такими свойствами современного термина, как дефинитивность, строгая системность, кодифицированность, стилистическая нейтральность, нам не представляется возможным в полной мере использовать данный аспект изучения терминов сельскохозяйственных угодий.

Поэтому в нашей работе мы ограничимся историческим подходом к изучению специальных наименований, который предполагает «...рассмотрение явлений с точки зрения их возникновения и развития в связи с конкретными условиями их существования» [202, с.690-691].

Такой подход к изучению специальных наименований в отличие от описания истории значений общеупотребительных лексем предполагает определение особенностей начальных этапов формирования различных терминологий, выявление закономерностей развития специальных подязыков, изучение процессов специализации общеупотребительной и диалектной лексики, определение в составе специальной лексики русского языка различных генетических пластов, этимологическую характеристику специальных наименований и др., что входит в задачи исторического терминоведения.

Не вызывает сомнений тот факт, что данная лингвистическая отрасль тесно связана с исторической лексикологией. Их основное отличие заключается в объекте исследования: историческое терминоведение изучает становление и развитие тех системных отношений, которые складываются в процессе формирования специальной лексики, а также историю отдельных терминов. Другими словами, эта отрасль знаний ограничивает сферу своих интересов исключительно рамками специальных подсистем языка, в состав которых входят особым образом организованные специальные наименования, в то время как объектом исследования исторической лексикологии является словарный состав всех типов и форм языка прошлых эпох.

По мнению Н.В. Васильевой, проблематика исторического терминоведения также близка к исторической лексикологии, т.к. обе научные отрасли языкознания устанавливают «биографии слов-терминов». Однако, в отличие от исторической лексикологии, для терминоведения более актуальным является логико-понятийный и социокультурный аспекты исследования [25, с. 19-20].

Следует отметить, что историческая лексикология и историческое терминоведение поначалу развивались синкретично, лишь к 80-м годам XX в. четко обозначилась специфика каждой из этих научных отраслей.

Так, специалисты в области исторической лексикологии обращаются к специальной лексике русского языка XI-XVII вв. для решения специфических задач, таких как выявление диалектных зон, определение роли различных генетических пластов лексики в процессе формирования общенационального словаря, решение проблем языкового состояния той или иной эпохи, установление общих тенденций развития словарного состава русского языка, характеристики словарного состава отдельных памятников донациональной письменности различных жанров и т.п.

Раскрытие данных вопросов мы находим в исследованиях В.И. Гончарова, Н.В. Адамчук, Э.Н. Болониной, Н.И. Клыпы, Н.М. Никитенко, Т.В. Стась, Л.Ю. Астахиной, С.С. Волкова, Ю.И. Чайкиной и др. Однако изучение специальной лексики для этих ученых – не цель, а средство для решения поставленных задач.

Появлению первых историко-терминоведческих работ предшествовала публикация ряда фундаментальных историко-лексикологических трудов В.В. Виноградова, Ф.П. Филина, П.Я. Черных, в которых большое внимание уделялось исследованию терминологической и профессиональной лексики русского языка донациональной эпохи. Большой заслугой этих ученых было утверждение взгляда на «терминологическую лексику» прошлых эпох как на функциональные единицы естественного языка, а также постановка проблем, которые стали ключевыми для исторического терминоведения 50-80-х годов XX в.: взаимодействие общего языка и его профессиональных подсистем, сходство и различие общеупотребительного и терминологического слова, роль специальной лексики в процессе становления словарного состава национального языка.

Кроме того, историческая лексикология и историческое терминоведение используют одни и те же методы и приемы исследования материала, т.к. специальная лексика прошлых эпох несет на себе печать общеупотребительных слов. Достаточно обратиться к работам А.С. Герда, Л.Л. Кутиной, Ф.П. Сороколетова, Г.А. Шаповаловой и мн. др., чтобы убедиться в правомерном использовании общенаучного описательного, сравнительно-исторического и сравнительно-сопоставительного методов, а также метода комплексного исторического анализа, который предполагает изучение различных особенностей специальной лексики (характеристика условий и времени появления специальных наименований в русском языке, определение их возможных источников, способов образования; наблюдение за семантическими и функциональными изменениями, структурно-грамматическая характеристика, установление словообразовательной активности и сочетаемости и др.). В историко-терминоведческих работах нередко используется лингвогеографический метод [67; 70], методы математического моделирования [2], а также комбинаторная методика [2].

В последние годы все большую актуальность приобретает историко-ономазиологический метод [183], метод полевых исследований [17]. По



мнению В.М. Лейчика, в историческом терминоведении формируются собственные способы исследования – методы анализа темпов развития терминологий и терминосистем, причин, факторов и путей реализации этих процессов в том или ином естественном языке [89, с.97].

Необходимо подчеркнуть, что все эти направления исторического терминоведения тесно связаны с соответствующими отраслями исторического языкознания.

Итак, диахронические исследования терминологий русского языка предполагают исследовательский подход, который предусматривает изучение развития каждого из элементов специального подязыка, изменений профессиональной подсистемы в целом. Суть исторического подхода к изучению специальной лексики заключается в описании становления и развития тех системных отношений, которые складываются в процессе формирования специальной лексики, а также в рассмотрении истории отдельных терминов.

### **Выводы к главе 1.**

Понятие «термин» в современной лингвистике и в донациональный период развития языка имеет различную семантическую наполняемость.

Вслед за Л.Л. Кутиной, Г.П. Снетовой, мы утверждаем, что в дефиниции термина донационального периода отсутствует признак «научный», т.к. русская наука начинает свое развитие с начала XVIII в., соответственно, к этому времени относится начало формирования многих научных терминологий и языка науки в целом. Для терминов всех времен характерны номинативная, дефинитивная и сигнификативная функции. Дефинитивность – важнейшее отличительное свойство термина, с которым связаны такие его особенности, как конвенциональность (договоренность об употреблении, согласованность употребления) и производность. Если единица специальной лексики не соответствует перечисленным выше признакам, ее нельзя отнести к разряду терминов.

Терминология сельскохозяйственных угодий в русском языке донационального периода не имеет современных признаков термина (ограниченность в области использования, ограниченность сферы номинации, обязательность дефиниции), т.к. в эту эпоху развития языка термин выполнял роль наименования объекта, предмета, действия, которое не является средством логического обозначения.

Мы согласны с мнением Г.П. Снетовой о признаках дефиниции слова «термин» при использовании его в сфере донационального языка (термин как историческая единица языка, которая отличается от общеупотребительных слов своим назначением; термин – это специальное понятие с четко очерченными границами; термин соотносится с другими понятиями в общей терминологической системе и занимает в ней определенное место).

Кроме указанных свойств терминов, функционирующих в донациональный период развития языка, мы обращаем внимание на такие яркие особенности старорусской терминологии сельскохозяйственных угодий, как вариативность (фонетическая, фонематическая, графическая, морфологическая), синонимия, многозначность, омонимия, что подтверждает мнение В.М. Лейчика о стихийном образовании терминологии, в отличие от терминосистемы, которая формируется сознательно.

Что касается путей терминологизации слова в древнерусский и старорусский период, то такое значение оно получало в результате лексико-семантического способа образования (сужение значения слова, метафорический и метонимический перенос наименования). В структурном отношении наиболее продуктивными моделями терминов сельскохозяйственных угодий мы считаем аффиксацию и безаффиксный способ, отмечаем малую продуктивность способа сложения.

Для того чтобы проследить развитие терминологии сельскохозяйственных угодий от момента ее первичного отражения в русской письменности до настоящего времени, в нашей работе использован исторический подход к исследованию наименований, с элементами диахронического анализа слова.

## ГЛАВА 2. КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕРМИНОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УГОДИЙ В РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVI-XVII ВВ.

Терминология проходит длительный путь формирования, становления. При анализе формирующихся терминосистем перед исследователем стоит ряд сложных проблем лингвистического, логического, классификационного характера. Одна из важнейших задач – найти единое основание выделения однородных объектов.

Анализ лексики деловых документов XVI-XVII вв. связан с рядом проблем, среди которых важной является проблема классификации лексики. В работах по исторической лексикологии и историческому терминоведению исследователи наиболее часто классифицируют лексический материал по тематическим группам, т.к. несмотря на определенные недостатки такого распределения лексических единиц, эта классификация позволяет в достаточной степени полно и разносторонне установить связи между наименованиями и обозначаемыми ими понятиями.

В качестве рабочего в нашей работе используется определение, согласно которому тематическая группа представляет собой лексическое объединение с общей темой, в данном случае это признак местоположения сельскохозяйственных угодий. В тематических группах на основе лингвистических критериев выделены лексико-семантические группы. Термином такой группы может быть обозначен любой семантический класс слов, объединенных, по терминологии Д.Н. Шмелева, хотя бы одним общим семантическим множителем [185].

В лексико-семантической группе может присутствовать доминирующее слово (гиперсема): опорное, наиболее общее понятие, родовое по отношению к другим словам, видовым в этой группе.

Лексико-семантическая группа выделяется на основе семантики, наличия для всех слов дифференциального признака, более частного по отношению к тому, на основе которого выделена тематическая группа. Однако этот частный признак также является существенным в характеристике значения слова.

Таким образом, в нашей работе проводится исследование терминологии водных (рыбных) и земельных угодий по тематическим и лексико-семантическим группам.

Следует различать слова, обозначающие реалии со строго фиксированной функцией, и названия объектов многофункционального назначения. У первых в основе лексического значения лежит указание на функцию обозначаемого предмета. К таким словам можно отнести следующее утверждение Д.Н. Шмелева: «Функциональное назначение предмета, действительно, часто представляет собой тот элемент в семантике слова, который наиболее устойчив исторически. Он является стержнем, который обеспечивает лексико-семантическое тождество слова

при его самом разнообразном реальном применении» [185, с. 234-235].

Мотивирующим признаком таких слов чаще всего является указание на *предназначенность для определенного процесса*, как правило, это отглагольные существительные («пашня» от глагола «пахать», «зимовище» от «зимовать», «ловище» от «ловить», «подсека» от «подсекать», «пожня» от «жать» и др.), *освоение в определенных условиях месторасположения* («вода», «земля» и др.), *указание на степень обработанности* («пустошь», «росчисть» и др.).

У названий угодий многофункционального назначения в семантическом объеме учтены одна или несколько наиболее характерных особенностей внешнего вида реалий; это слова, как правило, с комбинаторной семантикой, к которым относятся наименования сельскохозяйственных угодий, образованные путем *метафорического переноса* (борть, ез, кол, перевесище и др.).

Применительно к таким словам справедливо высказывание Б.А. Ларина о том, что «для некоторых идей и представлений, связанных со словами, зрительный образ вещи является их основным, бесспорным или даже единственным содержанием...» [85, с.19].

Таким образом, конкретный референт и (или) его зрительный образ – основа семантики предметно-бытового слова, что необходимо учитывать при анализе слов древнерусского и старорусского языка: реалия, ими обозначаемая, могла в старину иметь внешний облик, не совпадающий с современным представлением о предмете.

## **2.1. Термин *угодь*е как ключевое понятие в классификации сельскохозяйственной терминологии.**

В русских памятниках письменности лексема *УГОДЬЕ* и ее фонетический вариант *ВЪГОДИЕ* была полисемичной. В «Материалах...» И.И. Срезневского выделено 6 значений данного наименования: «произволение, воля», «угождение», «удовлетворение», «удовольствие», «благо», «доходная земельная статья» [205, 3, стлб.1134]. В своей работе мы ограничимся рассмотрением семантики «*угодь*е, доходная земельная статья».

Исследуемые нами материалы свидетельствуют о том, что слово *угодь*е называло любой земельный участок, пригодный для хозяйственного использования. Так, в Купчей Григория Васильевича, в XV в. отмечено: *А даль Григорей на тои земли и на всихъ угодьехъ Григорью Семенови .л. сороковъ бѣлкѣ да корову пополонка* [205, 3, стлб.1134].

По происхождению лексема «*угодь*е» является восточнославянским наименованием (укр. *ugiddja*, блр. *ugoddze*), образованным от слова *угода* «все, что дает доход» с помощью суффикса *-j-e*, и восходит к общеславянскому *\*godъ*, развившемуся из индо-европейского *\*ghedh-/\*ghodh-*, что буквально значило «соединять, объединять» (ср. др.-в.-нем.

*begatōn* «составлять»; ср.-в.-нем. *gaten* «соединять»; др.-инд. *gadh* «крепко держать») [207, 1, с.426].

Г.П. Цыганенко считает, что праславянское *\*godь* первоначально имело пространственное значение «нечто подогнанное, тесно соединенное» [208, с.86].

Впервые данная лексема с семантикой «доходная статья» зафиксирована в Жалованной грамоте Суздальского великого князя Бориса Константиновича Спасскому монастырю в 1393 г.: **И архимариту Ionh съ братьею въ thxъ водахъ рыба ловити и всякими угодьи владѣти къ себѣ на монастыри** [205, 3, стлб.1135].

Г.Е. Кочин регистрирует слово **угодьѣ** с семантикой «составная часть земельного владения, хозяйства, доставляющая выгоды и доходы владельцу или лицу, пользующемуся им: озера, реки, луга, леса, борти и т. п.» [189, с.372], которая в русской письменности является терминологической не только в актовой письменности донационального периода, но и в настоящее время.

С терминологической семантикой «доходная земельная статья» наименование **УГОДЬѢ** широко распространено на всей языковой территории Руси в деловой письменности XIV-XV вв.: **А опришныи люди у нихъ въ th рыбныи ловли и въ бобровыи гоны и во всякѣи угодьи не вступаютъ никто ничѣмъ** (Жал.гр.Сузд.в.к.Бор.Конст.Сп.м. 1393 г.); **А даль Григоре на тои земли и на всихъ угодьехъ Григорію Семенови Л сороковъ бѣлкъ да корову пополонка** (Купч. Григ. Вас. XV в.). В этом же значении оно прослеживается в XVI-XVII вв.: **А продалъ есми язъ Василеи то угодиѣ отца своего и свое, что въ сеи купчеи писано...** (Купч.гр.Кир.м. 1568 г.); **А заложили есмя ему в тех денгах отца своего и свое лук угодьи в Кеми реки, водяную ловлю в заборех в Подемской четверти** (А. Солов.мон. № 467, 1572 г.); **отдѣлил... земли паханой... со всѣм угодиам** (Отказн.кн., 9-10. 1616 г.); **И ему велено на своем угодѣи и къ чюжимъ землямъ наводныи приволоки дѣлати** (ДАИ, 2, 120. 1629-1639 гг.); **И th мѣста, кому которые достались на Камѣ рѣкѣ и въ малыхъ рѣчкахъ, и въ озерахъ...неводныи и оханныи...и всякѣи угодьи, которые кому достались** (там же).

В лексикографических источниках XVIII-XIX вв. данная лексема сохраняет свою семантику. В современном русском литературном языке она представляет литературную норму.

В севернорусской письменности донационального периода наряду с термином **УГОДЬѢ** употребляется его абсолютный однокоренной синоним **сгодѣ** (згодѣ), образованный безаффиксным способом словопроизводства от основы (сгод-) глагола **сгодитися** и присоединения суффикса -j-.

По «Материалам...» И.И. Срезневского, впервые он представлен в Новгородских купчих XIX-XV вв.: **А купили thми кунами th земли**

и всякіе сгодья [205, 1, стлб.690] и прослеживается с такой семантикой в письменности XVI-XVII вв.: А кто выложыть иную купчую или закладную кабалу на сн сгодья и на дворъ и намъ очищати своими денгами (Купч.Ив.Межн. 1568 г.); Взяли есмья... на тои всеи земли, и на дворѣ, и на всемъ сгодьи тѣхъ деревень сорокъ рублевъ денегъ Московскую (там же, 1571 г.); (А отъ) купчихъ и отъ закладныхъ кабалъ то е полуночи росолу со всемъ згодьемъ въ снимкѣ и въ о(чи)щеньи язъ, Морозъ, своими денгами (Арх. Стр. 1, 485. 1583 г.); А взяли есмья у Ивана на той... со всеми варничными згодьи (АХУ 2, 244. 1617); [Царь] велел тое реку свои...сгодья отдавать, кому мы похотим (Мат.ист.Кольск., 67. 1626 г.); А продажи сннам и отдачи на оброк тѣмъ сннным згодьямъ у насъ не бываетъ (Арх. Перт.м.Сказ. 1699 г.).

Наши материалы позволяют отметить параллельное употребление в одном и том же памятнике деловой письменности термина угодьѣ и его варианта сгодьѣ (згодьѣ). Так, в «Актах Соловецкого монастыря» второй половины XVI в. зафиксировано: Се яз, Фома Микулин сын Соляникова, варзужанин, продал есми...два лука угодья своего...А денги взял есми на том своем згодьи казенные (№ 823. 1582 г.); А что у меня осталось згодья своего полпята луку...и мне угодьѣм своим и жениным владети (№ 867. 1583 г.).

Данная лексема сохраняет свое значение в современных севернорусских говорах [188, 4, с.270]. В современном литературном языке слово «сгодьѣ» относится к пассивному словарному запасу.

В памятниках письменности донациональной эпохи отмечено активное функционирование бинарных терминомоделей, в которых слово угодьѣ является стержневым компонентом. В качестве конкретизатора в составном наименовании, как правило, выступают имена прилагательные, семантика которых указывает на разновидность угодья по различным признакам.

Так, адъективный компонент в словосочетаниях водные угодья, лесовые угодья, островные угодья указывает на местоположение объекта сельскохозяйственного использования: А сверх вышеписанного...погоста под перечнем лесовых угодей и рыбных ловель ничего не писано (Кн.п.Обон.пят., 9. 1496 г.); Поедут отца нашего Игнатия патриарха Московского всеа Руси из Нижнего Новгорода...съ его угодий водныхъ его Благовещенского монастыря (А. феод. землевл., 3, 83. 1605 г.); И с тѣмъ старостою и цѣловалники Софѣйского дому приписного Николаевского монастыря... и въ деревнехъ и по пустошамъ сннные покосы, и островныя ..... и всякия угодья дозрили (АЮБ 2, 52. 1684 г.).

На разновидность промысла в бинарных наименованиях рыбные угодыя, бортные угодыя, варничные угодыя указывают адъективные компоненты «рыбные», «бортные», «варничные»: со всеми варничными згодыи (АХУ 2, 244. 1617 г.); а сенныи покосы и лес и з бортным угодыемъ ... с памещики сы Иваном да с Павлом да с Онреям по дачем (Отказн. кн., 9-10. 1616 г.); Поедутъ отца нашего Игнатия патриарха московского всеа Руси и Нижнего Новгорода съ его угодий рыбныхъ его Благовещенского монастыря (А. феод.землевл. 3, 83. 1675 г.).

В терминомоделях сенное угодые, пахотное (пашенное) угодые конкретизаторы «сенное», «пахотное» служат указанием на способ использования сельскохозяйственного объекта: [Царь] велел тое реку свои...пахотные сгодыя отдавать, кому мы похотим (Мат.ист.Кольск., 67. 1626 г.); А продажи сннам и отдачи на оброкъ тнмъ снннымъ згодыямъ у насъ не бываетъ (А. гражд. распр. 2, 360. 1699 г.).

На способ культивации сельскохозяйственного объекта использования в двусоставном словосочетании угодые посекирное указывает адъективный компонент, актуализируя дополнительную семантику «обработанный при помощи секиры»: И с тнмъ старостою и цнловалники Софнйского дому приписного Николаевского монастыря... и въ деревнехъ и по пустошамъ сннные покосы, и островныя и посекирныя и всякия угодыя дозрили (АЮБ 2, 52. 1684 г.).

В составных наименованиях монастырское угодые, княжье угодые адъективный компонент конкретизирует принадлежность объекта сельскохозяйственного использования: А владеють они теми монастырьскими угодыи изстари (А. гражд. распр. 2, 307. 1668 г.); А отделял бы еси обоим в поле...сена и лесу княжих угодей по пашне (АСЗ, 1 № 34, с. 34. 1609 г.).

Когда речь шла о рыбных угодыях, в роли конкретизатора могли выступать имена прилагательные с общей семантикой «приспособление для лова рыбы», которая реализуется в терминомоделях угодые оханное, угодые неводное: И тн мнста, кому которые достались на Камн рнkh и въ малыхъ рнчкахъ, и въ озерахъ...неводные и оханные и мережные и переметные подолнишные и кереводные и бережные и всякие угодыя, которые кому достались (ДАИ 2, 120. 1629-1639 гг.).

Следует отметить, что в XVIII-XIX вв. терминологическая семантика лексемы «угодые» сохраняется. Так, в энциклопедическом словаре под редакцией Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона дано следующее определение понятия «угодые»: «...отднльные доходныя статьи сельскихъ имннй, не стоящія въ святи съ обработкой земли путемъ пахоты» [210, с. 499-500].

Авторы словарной статьи отмечают, что на первых порах экономического развития общества пользование угодьями, вследствие их обилия, составляет свободное достояние всех, однако не каждый мог ими воспользоваться в силу их неодинаковой доступности. Когда обработка земли становится главным средством жизни, эксплуатация угодий переходит в руки специалистов-промышленников, поэтому «права на угодья часто отделяются от прав собственности на землю» [там же].

В современном русском языке лексема «угодье», являясь многозначной, принадлежит активному словарному запасу. Так, В.И. Даль дает следующее толкование этому понятию: «угодье – удоба, удобство, все нужное, полезное в обиходной жизни, все, что дано природой или приспособлено человеком, для насущной потребности, для вещественной пользы... В сельском быту всякая доходная статья: поля, пажити, луга, леса, реки, озера; каменоломня, борть в лесу и др.» [188, 4, с. 768].

Более современное определение понятия «угодье» представлено в Большом энциклопедическом словаре: «...земельные участки (массивы), планомерно и систематически используемые для производства сельскохозяйственной продукции. К угодьям относятся: пашня, многолетние насаждения (сады, ягодники, виноградники, цитрусовые... плантации, хмельники, тутовники, плодопитомники и др.), залежи, сенокосы и пастбища»<sup>3</sup>.

## **2.2. Лексико-семантическая группа терминов земля, мѣсто, собина, ужожеи (уходъ) с общим значением «сельскохозяйственное угодье»**

Исследованные нами памятники древнерусской и старорусской письменности свидетельствуют о широком распространении наименований земля, мѣсто, собина, ужожеи (уходъ) с общим значением «сельскохозяйственное угодье», что позволяет нам рассматривать данные номинации в качестве относительных разнокоренных семантических синонимов термина УГОДЬЕ. Проанализируем терминологическую семантику каждой из названных лексических единиц.

**Земля.** Общеславянское слово \**zemja* (ср. русск. укр., блр. земля, болг. земя, сербохорв. земља, словен. zemlja, чеш. země, слвц. zet, польск. ziemia, в.-луж., н.-луж. zemja) [207, 2, с.93], являясь полисемичным наименованием, широко бытовало на языковой территории Руси XI-XVII вв.

В своих «Материалах...» И.И. Срезневский выделяет 10 значений данной лексемы, среди которых отмечена семантика «земля обрабатываемая» [205, 1, с. 972-975]. Следует отметить, что ряд

Большая советская энциклопедия: В 30 т. / Советская энциклопедия. – М., 1977. – Т. 26: Тихоходки-Ульяново. – С. 460.



исследователей-лингвистов неоднократно обращались к рассмотрению этого слова с указанной семантикой, что позволяет нам не проводить специального детального анализа данного наименования.

Подробный анализ употребления данной лексемы в значении «земля обрабатываемая» в открытых незамкнутых рядах, включающих несколько компонентов (ЗЕМЛИ и ПОЖНИ, и ЛОВИЩА, и ВОДЫ и др.), провела Л. И. Кислик в своем диссертационном исследовании на базе лексического материала, извлеченного из актовой письменности северо-восточной Руси XIV-XVII вв. [68].

Т.В. Стась в своей работе проиллюстрировала это значение слова ЗЕМЛЯ на материале деловой письменности северо-западной Руси XIV-XVI вв., отметив, что данное наименование с указанной семантикой может выступать и как «...эквивалент ряда названий пахотных земель и иметь значение «общее название обрабатываемых земель» [152, с.89].

В.С. Цаценко в диссертационной работе «Лексика землепользования и землевладения в южной Руси XVII в.» произвел анализ бинарных наименований с главным компонентом ЗЕМЛЯ с помощью описательного и сопоставительного методов исследования языковых единиц (ЗЕМЛЯ ОТХОЖАЯ, земля пустая, земля рощистная, земля полевая и др.) [172, с.6-10].

Наши материалы позволяют дополнить семантический объем рассматриваемого наименования, а также проиллюстрировать его на базе общерусских источников актовой письменности XVI-XVII вв.

Так, И.И. Срезневский регистрирует слово ЗЕМЛЯ с семантикой «земля, имение» в сочетаниях земля и вода (земля вода, вода земля), которое впервые отмечено в Грамоте великого князя Изяслава Мстиславовича Новгородскому Пантелеймонову монастырю в 1148 г.: А въ то~ земли, ни въ пожъни, ни въ тони не вступатися ни князю, ни епискоупоу, ни боярину, никому [205, 1, стлб. 974].

Вслед за И.И. Срезневским, Г.Е. Кочин в своих «Материалах...» фиксирует слово ЗЕМЛЯ в значении «угодье, владение», иллюстрируя его реализацию в бинарных наименованиях (земля лешая, земля пашенная, земля непашенная, земля орамая, земля ролейная и др.) [189, с.126].

Следует отметить, что в период XI-XVII вв. данная лексема употреблялась с терминологической семантикой «обобщенное название земельных угодий в составе одного владения, имения» и «обработанное земельное угодье», которая возникла в результате сужения значения общеупотребительного слова.

Впервые слово ЗЕМЛЯ в значении «обобщенное название земельных угодий в составе одного владения, имения» отмечено в Грамоте данной Варлаама Спасо-Хутынскому монастырю на землю с угодьями, челядью и скотом, ок. 1192 г.: вхоуже тоу землю хоутиньскоую въдале святому спасу и съ съ челядию м съ скотиною [188, 1, с.974].

Как правило, при употреблении термина **земля** с этой семантикой в тексте могло быть указание на принадлежность этого угодья кому-либо (митрополичья земля, церковная земля, княжа земля, монастырская земля, крестьянская земля, владычня земля, своя земля, чюжа земля и др.): Отвель есмь село Спасское игумену Леонтью митрополичю земли, и воды, и селища, и пустоши (Купч. 1453 г.); А стоит та ловля у них на владычней земле (Писц. кн. Обон. пят. XVI в.); и меж княжеи земли Горелово бору старю межою по гранем и по ямом (Писц. мат. Яросл. у., XVI в. л.149 об. с.120); И ему велено на своем угодьѣ и къ чюжимъ землямъ наводные приволоки дѣлати (ДАИ 2, 120. 1629-1639 гг.); Те земли ... церковные и крестьянские извѣчно старинного владенья, а не соловецкие и не новоросчисти (Гр. Дв. 2, 265. 1691 г.).

Следует отметить, что когда речь шла об угодьях в составе одного владения, писцы перечисляли ниже их разновидности: Се купи... землю и воду. и пожни и бобровые ловища. и вс#кыи оугодь" и до взера. и на вшре ловл# рыбна" (Гр. Дв. 1, до 1397 г.); Продаль есми... землю свою... и съ путики, и съ перевѣсьи и съ рыбными ловищы (АЮБ 2, 431. 1652 г.).

С терминологической семантикой «обрабатываемое земельное угодье» рассматриваемая лексическая единица была также широко распространена на всей языковой территории Руси начального периода формирования русской нации, о чем свидетельствуют работы перечисленных выше авторов.

Уточнить терминологическое значение, конкретизировать потенциальные семы позволяет широкое контекстное окружение, а также его реализация в бинарных наименованиях, в которых адъективный компонент служит указанием на обработанность земельного угодья (земля орамая, земля ролейная, земля пашенная, земля страдная и др.), способ его возделывания (земля топорная, земля плужная и др.), способ использования (земля поженная), местоположение (земля запольная, земля лешая, земля полевая и др.), принадлежность (земля церковная, земля своя).

В нашей работе мы ограничимся рассмотрением некоторых двусоставных наименований с целью уточнения их терминологической семантики.

Указанием на местоположение сельскохозяйственного объекта использования (географический признак) являются адъективные компоненты в бинарных наименованиях **земля лешая** «угодье на территории леса», **земля лесопорослая** «земельный участок, поросший лесом в составе угодья», **земля полевая** «основное угодье на открытом, безлесном, пространстве», **земля островская** «угодье, находящееся на острове»: **Володѣти Матфѣю Ивановичю тою**

шестою частью, темы селы Фенютины и Книковы, тыхъ сель полевыми землѣ и лѣшими, и хмелищами, и ловищами, и бортищами в томъ ободѣ, по Дмитрѣеву рукописанию (Гр. Новг. и Псков., 180. XV в.); Заложил Сафонтеи... село земли отчину свою на Косткове горѣ горние орамые земли и островские земли и пожни того села (Гр. Дв. 70. XV в.).

Таким образом, конкретизаторы лѣшая, лесопорослая и полевая в данных сочетаниях состоят в антонимичных отношениях по признаку закрытости-открытости пространства деревьями.

Мы считаем, что наименования земля лѣшая и земля лѣ сопорослая не являются абсолютными синонимами, т.к. адъективный компонент лѣшая указывает на то, что разработанное угодье находится на территории леса<sup>4</sup>, а конкретизатор лѣсопорослая в сочетании с ядерным компонентом земля актуализирует дополнительное значение «поросший лесом»: Заложили вотчину свою... с крестьяны съ пахотными и не съ пахотными, и съ лѣсопорослою землею, и съ рѣчки и съ озерки (ДАИ 2, 140. 1629 г.).

Синонимичным сочетанием к модели земля лѣсопорослая по признаку открытости-закрытости пространства деревьями следует отнести бинарное наименование земля садовая «земельный участок с выращиваемыми на нем плодовыми деревьями в составе угодья»: Пашеть онъ Якимъ наши Троицкие земли силно, своимъ насилствомъ, безъ делу... и садовые земли, и наволоки, и заполными землями и санные покосы и всякими угодья владѣть силно (АХУ 3, 295. 1658 г.). В рамках нашей классификации, по функциональному признаку, мы относим данное наименование к лексико-семантической группе подсобных угодий.

По признаку культивируемости угодья в письменности донационального периода широко распространены общерусские терминомодели земля пашенная (пахотная), земля непашенная, в которых конкретизатор служит указанием обрабатываемость (необрабатываемость) земельного участка: пашонныхъ и непашонныхъ земель и всякихъ угодей и рыбныхъ ловель и бору (АЮБ 2, 145. 1391 г.); лучие и средние люди владели... пашенными землями... и всякими тяглыми угодья (АПД №25. л. 3, с.132. 1681 г.); Да пашенная земля у нас в пожнях досталась – жеребей Федору на треть на пожни на Костине, земля пашенная (АПД № 53. л.15, с. 227. 1681 г.).

К наименованиям обрабатываемых угодий мы относим составные терминомодели земля орамая (ораная), земля обежная, земля страдная, которые являются северо-западными локативами и общерусскую номинацию земля распашная (распашь): се купи Самъсонъ Перьхурьевич у Степана Ондрѣевич(а)... на

маломъ островѣ орамую землю и ездѣца по дворомъ на Емъчи и пожни (Гр. Дв. (доп.), 7. XV в.); Вымѣнилъ...дворъ и дворище, орамыя земли и пожни съ рыбными ловищи (АХУ 1, 1. 1528); Велено... наугороцкие ямские слободы московские дороги охотникомъ околородная десетинная пашня и обежные земли... межъ ими поверстати и росписати те земли и угодыя за ними всемъ поровну (Кн. ям. новг., 24. XVI в.); А тѣхъ сель пожни и страдная земля, и паства, а то по селамъ (Гр. Новг. и Псков., 170. XVII в. – 1435 г.); То, господине ...леса и роспаши и рожь Гриди Черепа съ товарищи (Арх. Стр. 1, 231. 1534 г.); Ораные земли по Тулвѣ рѣкѣ (Строг.п. кн., 126. 1624 г.); подрядился есми...на ихъ монастрьскую вотчину на розчищную и на ропашную землю, что прежде сего розчищаль и роспахиваль я ж Маркел (Колл. Зинченко, № 140, сст.1. 1693 г.).

Синонимичным сочетанием к модели земля пашенная по признаку обрабатываемости сельскохозяйственного объекта также можно отнести составной термин земля новоросчистная «вновь расчищенный из-под леса земельный участок в составе угодыя», в котором конкретизатор актуализирует временной семантический компонент, заключенный в корне *-нов-*: Лѣсу непашенного десятине ла новоросчистныя земли от ручья отъ Бобровца по Черной горѣ къ Малетину до ворги (АИ 3, 293. 1631 г.); А новоросчистную землю росчистили они без нашего великихъ государей указу (Гр. Дв. 2, 265. 1691 г.).

Следует отметить, что в старорусском языке в результате семантической конденсации возникает однокомпонентный термин-дублет новоросчисть (новоросчищъ): Да пониже того у Ивашка Михайлова новоросчищъ, отмерено вдоль веревка до сосны, а поперек веревка ж (А. Свир. м. № 111. сст.2. 1649 г.); Те земли ... церковные и крестьянские извѣчно старинного владенья, а не Соловецкие и не новоросчисти (Гр. Дв. 2, 265. 1691 г.). Мы согласны с мнением С.В. Репневской, которая считает, что возникновение подобных однокомпонентных и двусоставных терминов-синонимов связано «...со стремлением языка преодолеть синкретизм древнерусских слов, закрепить терминологическую однозначность» [128, с.9].

Кроме перечисленных составных терминов членами данного синонимического ряда являются модели дубровные земли, поляношные земли, с общим значением «разработанное угодые на территории леса», в которых адъективные компоненты актуализируют дополнительные значения «находящийся в лесу», «культивируемый», что указывает на месторасположение пахотного угодыя: И всего смерено дубровные земли и вогульские роспаши в трех полях и с перелогом...290 десятин (Гр. Сиб. Милл. 2, 245. 1618 г.); А по

левую сторону сенные покосы и дубровные пахотные земли смежны к Усть-Ирбитцкой слободе (АЮБ 1, 479. 1679 г.); А строятца тн церкви божию отъ прикладныхъ и отъ покупныхъ отъ розчищенныхъ поляношныхъ оброчныхъ земель (Кн. п. Уст., 78. 1683 г.).

В свою очередь, по признаку месторасположения угодья этот составной термин синонимизируется с описательными номинациями земля запольная «земельный участок, находящийся за основным полем», земля раменная «земельное угодье на заброшенной пашне»: Пашеть онъ Якимъ наши Троицкие земли силно, своимъ насилствомъ, безъ делу...и садовые земли, и наволоки, и заполными землями и сенные покосы и всякими угодьи владѣть силно (АХУ 3, 295. 1658 г.); пустошь Мишука Толмуева...съ заполешною землею...на 50 лѣтъ владѣть ему дьячку и пахать тое землю къ церкви божию (АЮБ 3, 71. 1686 г.); Тое пустошь велено ему досмотрити...и в книги написати подлинно: сколько будетъ раменные земли, которая под пашню пригодитца (А. гражд. распр. 1, 335. 1632 г.).

Согласно нашей классификации, бинарное наименование земля раменная относится к терминологии бросовых угодий по признаку освоенности, т.к. адъективный компонент раменная актуализирует значение «заброшенный участок».

Следует отметить, что в русской письменности донационального периода земельное угодье часто номинировалось с учетом актуализации семантического компонента «способ обработки земли». Так, в диссертационной работе Стась Т.В. на материале, извлеченном из актов письменности северо-западной Руси XIV-XVI вв., произвела лексико-семантический анализ составных наименований земля топорная, земля посекирная, земля плужная, в которых конкретизатор делает семантику словосочетания прозрачной: земля в лесу подготавливалась с использованием топора (секиры, сокры, плуга). Согласно нашей классификации, данные составные термины, возникшие в результате метонимического переноса наименования, по признаку обрабатываемости относятся к культивируемым угодьям.

По способу использования сельскохозяйственного объекта можно выделить синонимичные бинарные наименования земля покосная и земля поженная с общим значением «культивируемое сенокосное угодье», которые состояли в антонимичных отношениях с терминомоделями с общей семьей «земля пашенная»: Владеетъ де тотъ Омелка его Архангелской деревни въ поле и въ ободу орамою и покосною землею силно (АЮБ 3, 67. 1649 г.); пожалуй меня, сироту своего...к моей деревнишке Завасевской вместо сносные пашенные и поженные земли...новые отдать мне... на оброк (АПД, № 56, л.223, с.237. 1681 г.).

В рамках нашей классификации, по указанному выше функциональному признаку, также можно выделить двусоставные номинации **земля дворищная** «угодье на месте расположения двора, усадьбы» и **земля гуменничная** «участок земли с хозяйственными постройками в составе угодья», определив их в группу подсобных угодий: **А дворищные земли у насъ Ивана и Михайла... сровняны и уставлены межи и гуменничные земли такъ же сровняны пополамъ поровну же и уставлены межи** (АЮБ 1, 678.1682 г.).

Таким образом, родовое понятие **земля** служило стержневым словом для образования составных наименований сельскохозяйственных угодий в русской письменности донационального периода. Следует отметить, что при номинации угодий в бинарных моделях основную роль играл адъективный компонент.

В современном русском языке данная лексема принадлежит активному словарному запасу [203, 4, с.1201-1204; 199, 11, с.256-257], сохраняя терминологическую семантику. В.И. Даль выделяет 10 значений этого слова, среди которых «участок поверхности земли нашей, по природным отношениям своим, или по праву владенья, составляющий особняк; угодья, леса, пашни, покосы в совокупности, как одно целое: *купил землю, буду селиться...*» [188, 1, с.1121].

**Мѣсто**. Древнерусская лексема «место» (из о.-с. \**město*) является общеславянской по своему происхождению (ср. укр. *місто* «город», «рынок», *місце* «место», блр. *месца* «место», болг. *място* «место», с.-х. *město* «место», «городок», словен. *mesto* «город», чеш. *místo*, слвц. *miesto*, польск. *miasto* «город», в.-луж. *město* «место», «город», н.-луж. *městno* «место», «город») [209, 1, с.525-256; 207, 2, с.607-608].

Впервые в значении «место» она зафиксирована в Остромировом евангелии XI в.: **И вы г(агол)ете, яко въ Иероусалимѣ есть мѣсто, идеже кланятися подобаеть** (Io. 4. 20. Остр. ев.) [205, 2, стлб. 245]. Следует отметить, что данное наименование в древнерусский период развития языка было многозначным. Так, по материалам И.И. Срезневского, оно имело следующий семантический объем: «место», «вместилище», «должность, пост», «поле, открытое место», «площадь», «город», «земля», «область, государство», «старшинство», «время» [205, 2, стлб.245-248].

Г.Е. Кочин в своих «Материалах...» определяет значение этого слова как «усадебное место, место торговое, территория» [189, с.189]. Наши материалы позволяют уточнить семантический объем данного наименования.

Проанализировав контекстное окружение слова **мѣсто** в памятниках актовой письменности донационального периода и учитывая толкование этого наименования Г.Е. Кочиним и И.И. Срезневским (значение «земля»), мы пришли к выводу, что рассматриваемая лексема имела терминологическое значение «угодье различного назначения», в котором впервые отмечена в 947 г. в Архангельской летописи: **Иде Олга к**

Новугороду и устави помосты и погосты, и дань и ловища ея суть по всей земли, и знаменья, и места, си сани ея суть во Пскове и до сего дне [200, 9, с.114].

С этой семантикой термин мѣсто прослеживается в письменности XV-XVII вв.: А что н(а)ши люди делены ловчане, и они свои мѣста и ужожаи вѣдают по старине, и городские рыболове... и гончары, неводчики и бобровники (ДДГ, 334. 1496 г.); а ловят на них на всякую весну в Борутицах с осми мест, в Березовском с осми мест, в Дерну з дву мест, в Вареницах с четырехнацати мест... (Писц.кн. Обонеж. пят. 1550-1551 гг. л.55 с.19); И все те тони царя великого князя и места ловят Троицкого ряду посажане с Ысаду Иванко Захаров да Степанко Игнатов...а дают с тех Тонь и с мест оброку в цареву великого князя на Дворец пять Рублев ноугороцкую (Писц.кн. Обонеж. пят. 1550-1551 гг. л.56 об. с.19); И тѣ мѣста, кому которые достались на Камѣ рѣкѣ и въ малыхъ рѣчкахъ, и въ озерахъ...неводные и оханные...и всякие угодыя, которые кому достались (ДАИ 2, 120. 1629-1639 гг.).

Таким образом, рассматриваемая терминологическая семантика слова мѣсто возникла в результате сужения значения наименования.

Следует отметить, что в письменности рассматриваемого исторического периода были распространены производные наименования мѣстишко «небольшой участок земли», мѣстище «участок земли, на котором раньше было поселение, хозяйственные и др. постройки», которые также объединяла гиперсема «угодые». Дополнительную семантику актуализируют структурные элементы этих лексем. Так, в слове мѣстишко суффикс *-ишк-* указывает на то, что угодые было небольшим: Под нами, сиротами твоими, земли нѣтъ ни одной чети, только наши дворовые местишка (Писц. д. 2, 255. 1635 г.).

В слове мѣстище суффикс *-ищ-* актуализирует пространственную семантику: Се язъ...продаль есми...варницу съ мѣстищемъ и съ кострищи (АХУ 2, 314. 1579 г.); Да от Гремячего ручья островки и берегъ до Ваксалова мѣстища дворище (Гр. Кольск., 474. 1609 г.).

В письменности донационального периода следует отметить широкое распространение бинарных терминомоделей с ядерным компонентом «место», в которых конкретизатор указывает на разновидность сельскохозяйственного угодыя по различным признакам.

Так, в составных наименованиях мѣсто водечное (водяное) «угодые водное», мѣсто земное «угодые земельное» адъективный компонент актуализирует географический признак (местоположение) объекта сельскохозяйственного использования: Се купиль игумень ... гаровнии места и водечны и тонѣ (Сев. гр., 145. 1480 г.); Продаль есми Соловецким старцамъ... половину мелницы...

а продал есми и с мѣстом с водяным и з земным и со всею снастью мелничною (Кн. Солов. вотч. креп., 398. XVII в. – 1568 г.).

На признак принадлежности угоды в терминологическом сочетании мѣсто монастырское указывает имя прилагательное «монастырское»: и оброк имъ с тѣхъ со всякихъ угодей платити по писцовымъ книгамъ, а на переобработку таких монастырскихъ мѣсть...никому отдавать не велено (Гр. Дв. 2, 112. 1679 г.).

В словосочетаниях мѣсто гаровное (харовное) «участок водоема, в котором ловят рыбу гаровнями, в составе угоды», мѣсто ѣзовое «участок водоема, в котором ловят рыбу с помощью еза, в составе угоды», мѣсто коловое «участок водоема, в котором ловят рыбу с помощью кола, в составе угоды» конкретизаторы указывают на используемое орудие лова рыбы: Да у монастыря ихъ рыбная ловли в Кольской губѣ тоня Саваня от устья Тювского да от устья Средня рѣки съ гаровными мѣсты (ДАИ 4, 38. 1675 г.); Се яз, Семенов Огуронов с. слободчик керецкой продал есми.. тою Кузокотку да и з харовными мѣсты (АСМ 1, 66. 1544 г.); Да в той Череповской волости построить на рѣкѣ Шекснѣ государевъ Цѣлинский ѣзъ на прежнем ѣзовом мѣстѣ (ДАИ 9, 213. 1682 г.); А угоды у них по Юрьеву писму Костентиновича Сабурова кол. А ныне кола нет, и на том коловом мѣсте ловят старцы в осень одним неводом лососи и сига (Писц. кн. Обон. пят. л. 60, с. 94. XVI в.).

Адъективные компоненты в бинарных наименованиях мѣсто варничное (соловарное), мѣсто мельничное, мѣсто бортное служат указанием на вид промысла: Продам... да мѣсто варничное ...и з двором варничным (АСМ 2, 125-126. 1578 г.); Се яз, князь великий, пожаловал есми двинянина Федка Микулина Рычкова соловарными мѣсты и рыбными ловлями (АСМ 1, 61. 1543 г.); Дьякъ Рахманинъ Вороновъ взялъ въ государеву казну...съ мельничного мѣста и съ ѣзу, что подъ ярком... пошлинъ... противъ прошлаго 115-го году...; да съ ѣзу з боярского, Григорьевского то жъ, да съ пустыхъ ѣзищовъ (Арх. Стр. 2, 146. 1607 г.); а сеньи покосы и лес и з бортным мѣстомъ и всякая угода вопче с памещики сы Иваном да с Павлом да с Онреям по дачем (Отказн. кн., 9-10. 1616 г.).

В сочетаниях мѣсто елуйное «земельный участок, оборудованный для вяления рыбы и сушки сетей»«», мѣсто кострищное (костричное) «участок, на котором располагались дрова, сложенные кострами», мѣсто гуменное «участок для сушки зерна», мѣсто поскотинное «участок для выпаса скота», мѣсто огородное «освоенный участок с выращиваемыми плодовыми и овощными культурами» конкретизаторы актуализируют дополнительную семантику



«оборудованный участок, с хозяйственными постройками», что позволяет нам отнести данные номинации к подсобным угодьям: Продаль есми ...станъ свои: избу, и сени, и поварню ... и елуй и елуйные мѣста (Гр. Кольск., 550. 1692 г.); Продали и с варничным местом, и с костричными месты (АСМ 1, 114. 1552 г.); А в тех есми денгах заложил в Пияле усолья своего шестую ночь росолу ... и с варницею по той доли, и с кострищными месты, и чем сам владел, и с тем (там же); А владѣль де тотъ попъ Иванъ на Воронежѣ гуменнымъ мѣстомъ (Ворон. а., 38. 1644 г.); Поскотинное мѣсто межъ собою по крѣпостямъ своимъ размежевали (А. черд., 147. 1695 г.); Продаль есми огородное мѣсто (Калуж. а., 65. 1688 г.).

В письменности XVI-XVII вв. также широко распространены бинарные наименования мѣсто пашенное «угодье, расчищенное под пашню», мѣсто кошебное «сенокосное угодье», в которых адъективный компонент указывает на способ обработки земельного участка: А кругом, государь, тѣхъ пашенныхъ мѣсть прилегли лѣсы темные и мѣста крѣпкие и болотные (ДАИ 4, 153. 1659 г.); владеем мы, сироты, кошебным местом – санным покосом по указу...великого государя (АПД № 50, л. 360, с. 209 1680 г.).

В словосочетании мѣсто дубровное, кроме значения «разработанное угодье под пашню», актуализируется дополнительная сема «местоположение», в результате чего можно уточнить терминологическую семантику данного наименования как «разработанное земельное угодье в лесу»: Отъ ... Чюсовской слободы на западъ къ Кунгуру дубровные мѣста под березникомъ, пахоты отъ слободы смежно на 5 верст (ДАИ 10, 319. 1693 г.).

В бинарных моделях мѣсто новинное «впервые распаханное земельное угодье», мѣсто новоросчистное «вновь расчищенный из-под леса участок земли в составе угодья» мѣсто новоприсадное «наносная земля по берегу реки в составе угодья» с общим значением «обрабатываемое земельное угодье» адъективные компоненты актуализирует дополнительные семы «время обработки», «периодичность обработки» объекта сельскохозяйственного использования: Новоросчистное место выгарка – репища средние, санные покосы на 14 копен. Владеет Дроковановы Кулиги деревни Васьковской Ивашко Рогатых, оброку платит по семи денег (АПД № 50, л.367, с.212. 1680 г.); Новоросчистное место лоскут – репище на восемь копен. Владеет Андронко Сидоров Курицыных, оброку платит четыре денги (там же); А продаль есми ... половину полъ и перевѣсья и лешевныхъ лѣсовъ, и половину новинныхъ мѣсть и всякихъ угодей (АЮБ 2, 380. 1682 г.); Есть, государь, в той же Уфтюжскеой волосте

новоприсадное место – старые речки Уфтюги подошва, изголове той подошвы под моею Притеребского луга землю (АПД № 56, л. 224, с.237. 1681 г.).

По функциональному признаку использования сельскохозяйственного объекта, в рамках нашей классификации, можно выделить двусоставные номинации место дворовое «угодье на месте расположения двора, усадьбы», место садное «земельный участок с выращиваемыми на нем плодовыми деревьями, в составе угодья», определив их в группу подсобных угодий: И вотчины соляные...и садные места, и пашенные полянки, и сенные покосы покупали рублев по тысяче и больше (АПД № 25, л. 5. 1681 г.); А велели ему взять с собою тамошних и сторонних людей... чем они владеют, велели переписать...пустоши и селища... и места дворовые, и пашню, и сено, и лес и всякие угодья (там же, № 76, л. 215. 1686 г.).

Исследованные нами материалы актовой письменности позволяют сделать вывод о том, что данные сочетания полностью совпадают в значении с моделями земля дворищная, земля садовая (см. выше), т.е. состоят в синонимичных отношениях.

Таким образом, в приведенных примерах речь идет о сельскохозяйственных, промысловых угодьях с возведенными на них постройками, приспособлениями для ведения того или иного вида хозяйства, следовательно, согласно нашей классификации, данные терминомодели можно отнести к номинациям культивируемых земельных угодий.

Следует отметить, что свою номинацию угодье могло получить в результате метафорического переноса наименования сезонных работ, проводимых на каком-либо промысловом объекте, на адъективный компонент, о чем свидетельствует широкое распространение бинарных моделей место вешнее «промысловое угодье», место зимнее «промысловое угодье»: А та соль отваривати с варью, как налью црен на зимнем месте в Вид-наволоки (АСМ 1, 114. 1550 г.); Да на озере на Ладожском царя великого места вешние, ловят на них лещи и всякую рыбу, а ловят на них на всякую весну в Борутицах с осми мест, в Березовском с осми мест, в Дерну з дву мест, в Вареницах с четырехнацати мест... (Писц . кн. Обон. пят. 19, л.55. 1550-1551 гг.).

Итак, анализируя контекстное употребление слова место в древнерусской и старорусской письменности, мы пришли к выводу, что главная роль в составных наименованиях с данным субстантивом отводится адъективному компоненту, который уточняет разновидность сельскохозяйственного угодья по различным признакам (см. выше).

В последующие периоды развития литературного языка данное наименование не претерпело особых семантических изменений, однако рассмотренное нами его терминологическое значение к XVIII в. было

утрачено [196, 4, с.414; 192, с.118].

В словаре современных русских народных говоров рассмотренная лексема зафиксирована в 16 значениях. Так, в архангельских говорах она отмечена с семантикой «лесной участок для ловли птиц, зверей», в свердловских, рязанских, южно-уральских говорах – в значении «земельный участок отдельного хозяйства, усадьба» [199, 18, с.128-131].

В современном русском литературном языке слово «место» в качестве термина сельскохозяйственных угодий принадлежит пассивному словарному запасу [203, 6, с.884-891; 188, 3, с.527-528].

**Собина.** Слово **собина** представляет собой суффиксальное образование от **собь**: соб+ин(а) и является собственно русским по своему происхождению. Мотивирующее имя существительное **собь** «собственность, сущность» образовано от древнерусской формы местоимения **собѣ** в дательном-местном падеже единственного числа [207, 3, с. 703]. Впервые оно со значением «разработанное угодье» упоминается в Новгородских грамотах XIV-XV вв.: **А игумену и чернцемъ, живуци въ монастырѣ святаго Іоанна Богослова, собинѣ имъ не держати**» [205, 3, стлб. 455]. Г.Е. Кочиным лексема **собина** трактуется как «собственность; отдельное владение; разработанное угодье» [189, с.332].

В русской письменности XV-XVII вв. она широко распространена с семантикой «то, что принадлежит кому-либо; собственность, имущество»: **И сверхъ монастырские казны да еще крадемъ, и всяко себѣ въ собину собираемъ** (Беседа Вал., 172. XVII-XVI вв.); **сняты с него драгие порты...все слуплено, и вся собина у его ограблена** (Горе Зл. 33. XVIII-XVII вв.). Однако в севернорусской деловой письменности указанного исторического периода данная лексема остается термином сельскохозяйственных угодий в значении «участок земли». Так, в Правой грамоте по спорному делу между Ферапонтовым монастырем и крестьянами Южской волости отмечено: **Се язъ... купиль еси...деревню Сарьскую...съ хлѣбомъ и съ сѣмяны, опрочъ половничьи половины да ихъ собины**» (АСВР 2, 309. 1493 г.); **А игумену и чернцем, живуци в манастыре святаго Іоанна Богослова, собинѣ имъ не держати** (Гр. Новг. и Псков. 281. XVI в.).

В «Опыте областного великорусского словаря» слово **собина** отмечена с иной семантикой. Так, в архангельских говорах оно означает «одно из ласковых имен, то же, что и дорогой, милый», в костромских – «лен, высеянный где-либо на счастье», в иркутских – «домашняя скотина» [192, с.210].

В современных русских народных говорах данная лексема сохраняет свою многозначность. Так, в волгоградских, рязанских, тамбовских, калининских говорах она означает «...пожитки, достоянье\скот», в пермских – «приданое», в вятских – «приплодный, вскормленный дома теленок», в костромских говорах – «присевок, польце, засеянное на чье-

либо счастье, или отданное... в собь...» [188, 4, с.424]. В современном русском литературном языке с пометой «устаревшее, областное» она сохраняется в значении «собственность, имущество» [203, 14, с.15].

**Ухожеи (уходъ).** В «Материалах...» И.И. Срезневского и Г.Е. Кочина лексемы **УХОЖЕИ** и **УХОДЪ** являются абсолютными синонимами, представленные семантикой «угодье». По своему происхождению они являются собственно русскими наименованиями, образованные путем безаффиксного словопроизводства от основы –*уход-* глаголов **УХОДИТИ**, **УХАЖИВАТИ**, которые восходят к общеславянской форме *\*xadjati*. В результате изменения сочетания *\*dj* в Ж развилось **ХАЖАТИ**, давшее последующие образования **ХАЖИВАТЬ** «ходить» и **УХАЖИВАТЬ** «ходить за кем-либо», «заботиться» и производные от них.

Впервые слово **УХОЖЕИ** зафиксировано в 1399 г. в Данной грамоте Саввы Дмитриевича Сюзева Нижегородскому Благовещенскому монастырю (в сп. XVI в.): **Даль еси въ домъ светаго Спаса и светаго Благовѣщенія архимариту Малафнѣю съ братіею свою вотчинную пустошь селища Спасское на рѣчкѣ на Кулюлсермѣ, въ Курмышскомъ унздѣ, со всѣмъ, покамѣсть плугъ ходиль и коса, и съ бортнымъ ухожеемъ [205, 3, с.1330]. Первая фиксация лексемы **УХОДЪ** также относится к XIV в.: **Отходя сего свѣта записалъ есмь къ... Лаврашову манастырю человѣка, на имя Крѣчю, и дѣти его, и (съ) землю, и со всеми УХОДЫ**» [там же].**

В недифференцированном значении «угодье» данные наименования широко представлены в памятниках деловой русской письменности донационального периода: **А что н(а)ши люди деленыи ловчане, и они свои мѣста и ухожаи вѣдают по старине, и городские рыболове... и гончары, неводчики и бобровники (ДДГ, 334. 1496 г.).**

Следует отметить широкое распространение на всей территории Руси бинарных терминомоделей **бортные ухожеи** «угодье бортное», **животинные ухожеи** «угодье для выпаса скота», **лесные ухожеи** «лесные угодья», в которых адъективный компонент указывает на разновидность участка, приносящего доход его владельцу: **Даль есмь свѣти Богородици на Солодшу Савицкои островъ... с бортными ухожьи и съ бобровыми ловли и съ рыбною ловлею**» (Жал. гр. 1497 г.); **Лѣшіе ухожеи, что изстарь потягло къ тои земли (АЮ № 18. 1571 г.); Язь князь великий Олегъ Иванович придал есмь стьи бци на Солодшу Савицкои остров с Холкавсою лукою перекопью з бортными ухожьи (Пам.Ряз., 81. сп.XVII в.); А межа тѣм сѣнным покосамъ учинена ... по заполку и по животинному ухожею (АЮБ 2, 137. 1667 г.).**

В «Опыте областного великорусского словаря» слово «ухожья» представлено семантикой «лесные угодья, находящиеся в отдалении от

жилья» [192, с.242].

В современных русских народных говорах данное наименование и его варианты известны с той или иной семантикой. Так, «ухожьями» в сибирских говорах называют «места, где ловится зверь, белка», а также «угодье». Лексико-семантический вариант «ухожа» в новгородских говорах означает «угодье под паству; пастбище, выгон, удаленный от жилия» [188, 4, с.869-870].

В современных лексикографических источниках лексема «ухожь» с пометой «областное» сохранилось в значениях «лесное или полевое угодье; пастбище, выгон для скота», «хозяйственное строение». Лексико-семантический вариант «ухожье» с семантикой «место, где находятся ульи или водятся пчелы» с пометами «устаревшее» и «областное» [203, 16, с. 1127].

Таким образом, в письменности донационального периода общерусское наименование УГОДЬЕ характеризовалось вариативностью номинаций. Лексико-фонетические варианты СГОДЬЕ (ЗГОДЬЕ) были распространены в Северной и Северо-Западной Руси. К этому же ареалу распространения мы относим термин СОБИНА в интересующем нас значении. Лексико-семантические члены группы мнсто, земля, уХОЖЕИ с общим семантикой «угодье» активно функционировали на всей общерусской языковой территории.

### **2.3. Основные признаки распределения терминов сельскохозяйственных угодий в письменности донациональной эпохи**

В своих «Материалах для терминологического словаря древней России» Г.Е. Кочин выделяет 198 простых и 116 составных наименований тематической группы «угодья». В нашей работе проанализировано 203 простых и составных терминов.

Семантическим центром, объединяющим всю лексику сельскохозяйственных угодий в терминосистему, является гиперсема «сельскохозяйственное использование». Кроме нее в объем лексического значения терминов входят в большей или меньшей мере 3 основных показателя конкретных свойств реалии: особенности месторасположения объекта (ландшафтный признак), назначение (функциональный признак), степень обрабатываемости (признак культивируемости-некультивируемости); к дополнительным семантическим признакам можно отнести «время», «способ обработки» (для культивируемых угодий) и др.

По нашему мнению, проанализированные наименования можно поделить на две подгруппы, объединенные тесной семантической близостью по ландшафтному признаку (местоположению): **УГОДЬЯ ВОДНЫЕ** и **УГОДЬЯ ЗЕМЕЛЬНЫЕ**.

В свою очередь, по характеру использования земельного владения обе эти подгруппы можно распределить по признаку обрабатываемости на *культивируемые, некультивируемые и бросовые* угодья.

Такое распределение терминов мотивировано тем, что не все виды сельскохозяйственных угодий были подвержены специальной обработке, например, **болото, мох, печище** и др. В современных лексикографических источниках слово «обработать» зафиксировано в основном значении «подвергнуть выделке, отделке, сделать готовым для чего-нибудь» [191, с. 422]; «отделать, выделать\ \ улучшить работой, уходом» [188, 2, с.1007], в данном случае актуализируется сема «произвести над объектом определенное действие». Принимая во внимание эту точку зрения, мы распределяем сельскохозяйственные угодья на *культивируемые и некультивируемые* (от фр. культура – «обработка и уход, возделывание») [188, 2, с 353-354].

Произведенный анализ терминологической семантики лексических единиц со значением сельскохозяйственных угодий позволяет сделать выводы о том, что, к культивируемым земельным угодьям в период XVI-XVII вв. относятся **перелог** «запущенная пашня (пашня, оставленная под паром)», **пашня** «вспаханное поле, земля, годная под пашню», **пожня** «сенокосный участок на росчисти или бывшей пашне» и др. В подгруппу некультивируемых земельных угодий входят лексемы **мох** «сенокосное угодье на болоте», **сосняжок** «молодой сосновый лес» и др.

Следует отметить, что наша классификация угодий по признаку обрабатываемости содержит промежуточное звено – *бросовые угодья* «оставленные на неопределенное время», к которым относятся наименования **печище** «земельное угодье, относящееся к деревне, где проживала община», **селище** «угодье на месте бывшего селения», **пустошь** «пустующее угодье».

Таким образом, водные и земельные угодья подразделяются по признаку обрабатываемости на культивируемые, некультивируемые, бросовые участки земной поверхности, приносящие доход их владельцам.

Итак, предлагаемая классификация основана на разделении угодий по признаку местоположения, а также характеру и способу их использования.

1. **Водные угодья** – участки водного пространства, используемые для ловли рыбы, орошения, накопления воды и т.п., распределяются по признаку обрабатываемости: некультивируемые (**река, озеро, вода** и др.) и культивируемые (**пруд, невод, сежа** и др.).

2. **Земельные угодья** – участки поверхности суши, пригодные для хозяйственного использования.

2.1. *Лесные угодья* (**борть, дубрава, сосник, ольшаг** и др.) – части суши, покрытые лесом, могут быть как культивируемыми (**дуброва пашенная, борть, бортник**) так и некультивируемыми (**бор, сосняк, лесец**).

2.2. **Прибрежные угодья** (исада, наволоок и др.) – участки земли, приносящие доход, расположенные вблизи водоема (реки, озера, моря).

2.3. **Ландшафтные угодья** (болото, мох и др.) – части суши, которые не имеют определенного назначения их использования, следовательно, они относятся к некультивируемым угодьям.

2.4. **Бросовые угодья** (пустошь, печище и др.) – такие участки земли, которые в настоящий момент не пригодны для хозяйственного использования (некультивируемые).

По признаку «способ использования» сельскохозяйственные угодья подразделяются на подсобные, промысловые, сенокосные, пашенные:

1. **Подсобные угодья** (гумнище, дворище, зимовище и др.) – участки земельного владения, используемые для временного проживания или хранения сельскохозяйственного сырья и выпаса скота. Данные наименования в полном объеме по признаку обработанности земельных участков являются культивированными.

2. **Промысловые угодья** (ловище, перевесище, путики и др.) – места, отведенные для мелкого ремесленного производства или занятия каким-нибудь промыслом – охотничьим, рыбным и др. По степени обработанности такие угодья могут быть как культивируемыми (путики, перевесище и др.), так и некультивируемыми (тоня, омут и пр.).

3. **Сенокосные угодья** (пожня, сенные покосы и др.) – участки земли, предназначенные для сенокосения, как правило, обрабатываемые.

4. **Пахотные угодья** (нива, орамица, пашня и др.) – территории, пригодные для разведения различных сельскохозяйственных культур, следовательно, относящиеся к категории культивируемых.

Данную классификацию можно проиллюстрировать в виде следующей схемы (см. приложение А).

## **Выводы к главе 2.**

При анализе формирующихся терминосистем исследователь решает ряд проблем лингвистического, логического, классификационного характера. В целях систематизации лексики сельскохозяйственных угодий мы опираемся на единое основание для выделения однородных объектов, которым является тематическая группа, представляющая собой лексическое объединение с общей темой «местоположение» (угодья водные и угодья земельные). В свою очередь, эти группы подразделяются на лексико-семантические объединения, в которых актуализируются доминирующие понятия.

Представленная нами классификация терминологии сельскохозяйственных угодий по лексико-семантическим группам предполагает рассмотрение каждого ее элемента по трем основным дифференциальным признакам: местоположению, характеру и способу использования, каждый из которых может проявляться в значении слова одним из своих конкретизаторов, при этом каждый из выделенных

семантических компонентов может быть интегральным и объединять слова в микротерминосистемы. Меняющийся семный конкретизатор интегральной семы и его отношения с конкретизаторами других компонентов значения слова определили выделение двух микротерминосистем по географическому признаку: лексики водных и земельных угодий, которым противопоставлены системные группы лексем по особенностям выражения семантических компонентов «способ обработки» и «способ использования». К дополнительным семантическим признакам можно отнести «время», «способ обработки», «периодичность обработки участка» (для культивируемых угодий) и др.

В памятниках письменности донациональной эпохи нами выявлено активное функционирование терминомodelей, в которых общерусское наименование **УГОДЬЕ**, характеризующееся фонетической вариативностью, является стержневым компонентом. Нами произведен анализ 18 таких наименований, в которых в качестве конкретизатора выступают имена прилагательные с семантикой, указывающей на разновидность угодья по признакам: местоположение (**угодье водное, угодье островное** и др.) разновидность промысла (**угодье бортное, угодье варничное** и др.), способ освоенности (**угодье пахотное, угодье кереводное** и др.), принадлежность (**угодье монастырское** и др.). В качестве относительных разнокоренных семантических синонимов к слову **УГОДЬЕ** нами рассмотрены наименования **земля, место, собина, ухожей**, а также 56 бинарных терминомodelей с этими лексемами по указанным выше признакам.

Проведенный анализ наименований позволяет сделать вывод о том, что их терминологическая семантика возникла в результате сужения значения слова; в составных терминах главная роль в уточнении семантики отводится адъективному компоненту (конкретизатору). Дальнейшая судьба этих лексем свидетельствует о том, что их терминологическая семантика утрачивается; многозначные слова **ЗЕМЛЯ, МЕСТО** принадлежат активному словарному запасу русского народа, лексемы **СОБИНА, УХОЖЕЙ** находятся на периферии лексического состава современного языка.



### ГЛАВА 3. ТЕРМИНЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УГОДИЙ В ПИСЬМЕННОСТИ СТАРОРУССКОГО ПЕРИОДА

Данная глава посвящена изучению двух тематических групп: 1) названия водных угодий и 2) наименования земельных угодий, которые распределены по лексико-семантическим группам, объединенным по интегральным признакам местоположения, обрабатываемости и способа использования.

#### 3.1. Характеристика наименований водных угодий

В данной части нашей работы проанализировано 18 однословных наименований водных угодий, широко распространенных в актовой письменности XVI-XVII вв. (вода, заводь, озеро, озерко (озерок), озеречко, озерина, озеринка, река, речка, тоня, исток, устье, сежа, ез, езище, невод, пруд, прудец) и 15 составных терминомоделей (тоня сиговая, тоня снетная, тоня зимняя, тоня осенняя, пята езовая, части езовые, кол нижней, кол сетной, кол рыбной, коловая пожня, невод игумнов, невод монастырский).

Объединенные в данную лексико-семантическую группу однословные и составные наименования по признаку «местоположение» имеют интегральную сему «рыбное угодье». Многообразие их форм характеризует определенный момент становления рыболовецкой терминологии – накопление лексических средств, что характерно для всей системы языка донационального периода.

**Вода.** По своему происхождению слово «вода» является общеславянским наименованием (ср. укр. *вода*, блр. *вода*, болг. *вода*, польск. *woda*) \**voda* и имеет индоевропейскую базу \**aued-*: *ud-*; им. ед. \**uedor*: *uodo(r)* [> о.-с. \**voda*] (ср. локатив ед. *uden(i)*, род. ед. *udnes*), сохраняя первичное значение «бесцветная прозрачная жидкость, соединение водорода с кислородом» [209, 1, с.159]. В древнерусской письменности оно фиксируется с XI в., в Остромировом евангелии: **Азъ оубо крыщ@ вы водо\** (Мф. 3. 11. Остр. ев.) [205, 1, стлб.276].

В русском языке донационального периода данная лексема известна с такой семантикой: 1) «вода», 2) пространство, покрытое водой; водоем». В «Материалах...» Г.Е. Кочина она отмечена с недифференцированным значением «угодье» [189, с.48], с которой прослеживается до XVIII в. На всей русской языковой территории: **Оброky великы на оброчныя воды и пожни и на мельницы наложиша** (Псков. лет. 2, 235); **а да~мъ. и дали есмо всѣми. оужитки. с лесомъ съ дубровами . с водою. и съ зѣмлею** (Гр. 1394 (ю-р); **И мнѣ Онѣкнѣю с товарищи от токной мѣжи Никольскаго Корельскаго монастыря, от наволока внизъ на своей воде за двадцать**

сажень курмы немъ нн бити и ннводы не ловити (Гр. Дв. 1, 215. 1577 г.); Тои... монастырской дворовой и огородней земли длиннику з берегу от воды в гору к олешнику сто 30 сажень (Гр. Дв. 2, 398. 1697 г.).

В рамках нашей классификации название «водные угодья» можно считать синонимичным наименованию «рыбные угодья» по признаку «способ использования»: Въ томъ же приказе вѣдомы... и рыбные угодья, и бобровые гоны, и бортные ужожи (Котош., 88. 1667 г.); Ловить въ тѣхъ водахъ рыбу казанской посацкой человѣкъ Купряшка Оковановъ частикомъ и мордами и всякою мелкою ловлею (Кн. прирасх. Синб, 132, 1667 г.); а буди кто рыбные ловцы какими снастями ни есть на себя рыбу въ тѣхъ заповѣдныхъ водахъ ловятъ (ДАИ, 7, 174. 1677 г.); ...и о тагасной зимней рыбной ловлѣ нынешнего 189 году въ заповѣдныхъ Киснемскихъ водахъ допрашиваны (ДАИ 7, 186, 1677-1682 гг.).

В русской актовой письменности указанного исторического периода следует отметить широкое распространение устойчивого сочетания *земли и воды* при перечислении различных видов угодий. Кроме того, наблюдается активное употребление лексемы «вода» в открытых незамкнутых рядах, включающих 2-4 компонента в письменности XIV-XVI вв. (*земли и воды, и ловища и пожни, воды и лѣсы* и др.), в которых данное наименование используется с семантикой «общее название любых водных угодий», которая противопоставлена значению «общее название угодий земельных»: Ихъ угодия монастырские святаго благовѣщания изстарины въ Нижнемъ Новѣгородѣ да и на Сурѣ земли и воды и лѣсы бортные... (АЮБ 1, 123. 1489 г.); и купи Филипъ Григорьевъ...и по Кудмѣ въверхъ землю и воду, и пожни, и бобровые ловища, и всякыи угодья и до озера... (ГВНП, 185, нач. XV в.); се купи филипъ григорьевъ. оу "ковли(х) дѣтеи оу нефедь". и оу смена. корельско наволокъ землю. и воду. и пожни. и рыбныи ловища (Гр. Дв., 133. XV в. (1557 г.)).

В лексикографических источниках XVIII в. слово «вода» в значении «угодье» не зафиксирована. Однако в архангельских, астраханских говорах XIX в. оно отмечено с семантикой «речной, озерный или морской участок для рыбной ловли, принадлежащий определенному лицу, а также пай в рыбной тоне» [199, 1, с.333-334].

В современном русском языке рассматриваемая лексическая единица и ее дериваты принадлежат активному словарному запасу. В интересующем нас значении она употребляется в форме мн.ч. «воды» и реализуется в составных наименованиях типа «внутренние воды», «территориальные воды»: *В особенности усилилась тревога после мадагаскара, а еще больше – после аннамских вод* [203, 2, с.496].

**Заводь.** В «Материалах...» Г.Е. Кочина данное наименование зафиксировано в значении «рыбное угодье» [189, с.117]. Собственно русское слово **ЗАВОДЬ**, образованное путем присоединения продуктивного префикса **за-** к производящей основе **–ВОД-**, впервые отмечено в Жалованной грамоте великого князя Бориса Константиновича Спасскому монастырю 1393 г.: **Всѣ озера отъ рѣчки отъ Курмышки внизъ сурою, источные и глухѣе, и роздерти, и заводи, и пески, и съ падучими реками** [205, 1, стлб.902].

В.И. Даль уточняет семантический объем лексемы как географического объекта: «речной залив; мелкий, открытый залив, обычно на плесу, где колена; заворот реки насупротив огибаемой ею косы; залив меж двух мысов, глухой рукав...» [188, 1, с. 929].

В письменности XVI-XVII вв. данная лексема отмечена с семантикой: 1) заводь; 2) залив; 3) род рыболовного закола из кольев и плетня [200, 5, с.289].

В качестве термина рыболовных угодий, образованного путем метафорического переноса наименования, она прослеживается с XV в.: **Даль есми... перекопъ, что перекопаль Юрьи стольникъ, ... да заводь Шуренбенскую** [205, 1, с.902]; **И онъ въ монастырскихъ озѣрахъ и въ заводяхъ на меня рыбы не ловятъ** (АИ 1, 126, после 1462 г.); **Купиль...Озерко Софоновское съ истоки и зъ заводьми** (Ряз. п. кн. 2, 457. 1567 г.); **А река Пьяна добра, омуты и заводи есть** (Арз. а., 107. 1595 г.); **На берегу Рознѣжские заводи** (АЮБ 1, 69. 1643 г.); **Заводи и заплави крѣпить накрѣпко добро и безоухлно** (Колл. Зинченко, № 101. 1677 г.).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что данное наименование в актовой письменности имело терминологическое значение «разновидность водного угодья».

В XVIII в. оно сохраняет интересующую нас семантику на языковой территории русского Севера. Так, материалы «Опыта областного великорусского словаря» с пометой «архангельское» фиксируют данную лексему со значением «род забора в реке, у которого ловят семгу» [192, с. 60].

Слово «заводь» и его производные широко представлены в русских народных говорах. Так, в архангельских, вологодских говорах оно означает «род закола для ловли семги, который состоит из заводных ног или кольев и плетенных из хворостняка щитов, к ним подвязываемых» [188, 1, с.929], в новгородских, брянских, олонекских говорах заводью называют «глубокое место в реке, омут» [199, 9, с.328] и др.

**Озеро//.** По своему происхождению слово **озеро** является общеславянским наименованием (ср. укр. *озеро*, блр. *возера*, болг. *езеро*, с.-хорв. *jězero*, словен. *jezero*, чеш. *jezero*, словац. *jazero*, польск. *jezioro*, в.-луж. *jmzoraty*, н.-луж. *jazor*), со значением «естественный природный водоем», восходящее к праславянскому \**jezero* (: \**jezerъ*: \**ozero*) с

индоевропейской основой \*eg'h-er-o: \*og'h-er-o [211]. Исследователи в области этимологии Мейе, М. Фасмер, П.Я.Черных считают, что индоевропейский корень \*eg'h- сближается с древнерусским езь – «рыболовная застава» [205, 1, стлб. 821].

Впервые данная лексема отмечена Повести временных лет 6524 г.: Бы снча зла, и не бн лзн взеромь Печеннгомъ помагати [205, 1, стлб.635]. По «Материалам...» Г.Е. Кочина, в деловой письменности XI-XV вв. рассматриваемая лексическая единица имеет дифференцированное терминологическое значение «озеро, рыбное угодье»: Вси погосты съ землями съ бортными и съ поземомъ и съ озеры (Грамм. Олег. Ряз.п. 1356 г.); придалъ ~смь ~му взера рыбна# за дннстромъ (Гр. после 1349 г. ю.-р.); Ото князя Михаила Андреевича на Бнло озеро рыбникомъ моимъ: кто отъ мене рыбникъ ни буди, чтобы еси давалъ...по два осетра живыхъ (ААЭ 1, № 66. 1460 г.); И онъ въ монастырскихъ озернхъ и въ заводяхъ на меня рыбы не ловятъ, и невода у нихъ и ихъ людей монастырскихъ на ловлю не емлютъ (АИ 1, 126. после 1462 г.); Кого присылаеть владыка озера волочить тымъ страву даютъ, а конемъ сно и овесь, а озеро волочать владычины своим людми (Мух.сб., 47, 1488 г.).

Эту семантику она сохраняет в актовом письме XVI-XVII вв.: Озеро Волган(ь) неводом волачивали и в том истоке рыбу лавливали и бобры бивали (Пам.ряз., 25, 1530 г.); А угодия Семену озеро Карбутово... да на Семена ж косят в Заозеретцких болотех у трех речек 2 пожни (Писц. кн. Новг з. 5., л. 21 об., с. 231. 1550-1560 гг.); А угодья к тем деревням в озере в Котопине 2 участка, в озере в Клитне 2 жеребья...(там же); А угодия было у князя Семена у того поместья озер: в озере в Черном да в озере в Уклеике, в обеих по половине, да в озере в Ужине четвертой жеребей, да в озере в Белом 2 тони (там же); А угодия у Михайла у того поместья... в озере в Боровенце 3 тони, в озере в Белом 4 тони. (там же); У Туринских у пашенных крестьян у наво(д)чиковъ съ озера и (съ) старицы... взято в государеву казну денегъ трицеть алтын (АЮБ 2, 295, 1622 г.); А которые озера имнють въ чь пустыни, и коли придутъ къ тнмъ озерамъ зимою, рыбу волочить имъ волно (Доп. Суд., 80. XVII в.).

Следует отметить широкое распространение в деловой старорусской письменности указанного периода ряда суффиксальных производных наименований от мотивирующей основы –*озер-*. Так, деминутивы озерко, озерцо, озерокъ, с семантикой «небольшое озеро», образованные путем присоединения к производящей основе суффикса –*к(-ц-, -ок-)* в уменьшительном значении, также имели указанное терминологическое значение: А в тых денга(хъ) заложила есми ему владенье

свое...и в озерцахъ (в рукоп. озорецах) истокъ (Сев. гр. 163. 1493 г.); Что роздель манастырьская...пустошь Шортина, и с лесом, по Бебишкин озерок, да по Палшему по речку...ино то к манастырю (АСВР 2, 33. XVI в. – 1423-1428 гг.); И тн мнста, кому которые достались на Камн рѣкѣ и въ малыхъ рѣчкахъ, и въ озеркахъ...неводные и оханные...и всякие угодыя, которые кому достались (ДАИ 2, 120. 1629-1639 гг.); И монастырские всякие угодыя, которые по Кодимѣ рекѣ и вверхъ и внизъ, и озерка, и рѣки, и заѣздки, досмотрити и отписати (Гр. Важ., 723 . 1632 г.); Против Стюденог<о> верха стоитъ дубъ...а с тог<о> дуба на иваваи кустъ, а в немъ озерцо (Отказн.кн. южновеликорус., 95. 1642 г.). В уменьшительно-ласкательном значении в отказных южновеликорусских книгах употребляется суффиксальное производное озеречко: Да той жа Густои дубровы пряма на-зеречка, а с того азеречка пряма через старую Новасилскаю дорогу (Отказн.кн.южновеликорус., 104. 1642 г.).

Наряду с указанными мотивированными именами существительными в памятниках деловой письменности XVI-XVII вв. употребляется суффиксальное производное озерина, образованное с помощью присоединения суффикса *-ин-* в значении единичности к производящей основе *-озер-* и деминутив озеринка: [Межа] отъ дуба за рѣку Воронежъ къ дубу, стоитъ на берегу...а тоъ дуба къ дубу жъ, стоитъ у озерины (Вып. из кн. стр. Тамб.арх. XXV, 51. 1636 г.); И розъехал Михайло Юрьев... митрополичю землю...от Шолоховы земли...да через изгороду на поле направо по ямам к озеринке, да к старым воротцам по ямам (А. феоd. землевл. 1, 58. XVI в. – 1486 г.); Да отъ города жъ проѣзжихъ воротъ есть озеринки узкие...и тн озеринки мелки, лѣтомъ и зимою высыхаютъ (ДАИ XI, 188. 1684 г.).

В терминологическом значении «высохшее озеро; место, где было озеро» в актовом письме указанного исторического периода употребляется суффиксальное производное озерище: Межа...отъ пустова озерища къ березе (Ворон. меж. кн., 213. 1629 г.); И пустошь Медынку на Быковском отвершку под Золотовским лесом против дву озерищ стоянцов отказал Родивону Григорьеву сну Деханову (Отказн. кн. южновеликорус., 127. 1643 г.); Межа къ церковному лѣсу и землѣ с правой стороны Желтокуровъ врагъ по обѣ стороны большой Кцынской дороги до озерища (Гр. Крут. еп., 273. 1688 г.).

В лексикографических источниках XVIII в. наименование «озеро» и его дериваты в интересующем нас терминологическом значении не отмечены.

В современном русском языке данная лексическая единица принадлежит активному словарному запасу. В.И. Даль, отмечая ее

грамматические варианты «озерцо, озерко, озерища, озеришко, озерок» определяет значение данной лексемы как «водная котловина в окружающих берегах» [188, 2, с.1080].

**Река.** Общеславянское слово *\*шека* (ср. укр. *ріка*, блр. *рака*, болг. *река*, с.-хорв. *река*, словен. *reka*, чеш. *шека*, словац. *rieка*, польск. *rzeka*, в.-луж. *шека*, н.-луж. *шека*) восходит к индоевропейскому *\*roikā*. Корень *\*(e)rei-*: *\*or-*: *\*r-* означает «приходить в движение», «устремляться» (ср. латин. *rīvus* (<*\*reiços*) – «ручей», «поток», «течение»; ср. ирл. *rīan* – море; др.-ирл. *riathor* (и.-е. *\*rijatro*) – «водопад»; др.-инд. *raya-h* – «поток», «бег» [211].

Впервые в значении «водный поток» оно зафиксировано в «Слове философа, чесо ради Богъ сниде на землю», в 986 г. (Пов. врем. лет 1872, с. 56-71): Кладеземъ и рѣкамъ жрѣ и не познаша бога [205, 3, с.221].

В «Материалах...» Г.Е. Кочина данное наименование отмечено с недифференцированной семантикой «угодье» [189, с.300]: Коупил... село и землю... доубровы. и лѣсъ и рѣкоу (Гр. 1368 (ю-р)); Далъ въ домъ Святаго Спаса... свои рыбные ловли по Сурѣ рѣкѣ... (Жал.гр.Сузд.в.к.Бор.Конст.Сп.мон.1393 г.); Се купи Вахромѣи Гаврилович у Ивана в Олѣксѣва... другую половину Юры рѣкы большеи от Пачевскаго ручья до верховья по обѣ стороны Юры рѣкы (Гр. Дв.(доп.), 8. XV в.).

В письменности донационального периода данная лексическая единица отмечена в следующих значениях: 1) «река, поток»; 2) «о Доне и его казачьем населении»; 3) мн. «вид узора на дорогих тканях» [200, 22, с. 189]. Исследованные материалы позволяют расширить семантический объем рассматриваемой лексемы. Проанализировав тексты актовой письменности данного периода, можно предположить, что наименование «река» отмечено именно в терминологическом значении «рыболовное угодье»: А заложили есмя ему в тех денгах отца своего и свое лук угодья в Кеми реки, водяную ловлю в заборех в Подемской четверти (А. Солов.мон. № 467, 1572 г.); съ сенныхъ покосовъ, и съ пустошей, и съ рѣкѣ, и съ рыбныхъ ловель, и съ тонеи самоядцкихъ, и с пустошнаго оброку съ рѣкѣ съ Колоколки и съ Пещаницы... оброчныхъ денегъ на 123-й годъ 25 р. 13 ал. (Кн. прих.-расх. Моск., 223. 1614 г.); Ловцы же ловятъ въ рѣкахъ саками съ заѣзкъ моль, и съ тѣхъ оброку имано напередъ сего по алтыну съ сака (ДАИ 5, 648, 1665); ...в моей откупной рѣкѣ ловятъ рыбу бродниками и неводками (АМГ 1, 261. 1629 г.); И монастырские всякие угодья, которые по Кодимѣ рекѣ и вверхъ и внизъ, и озерка, и рѣки, и заѣзки, досмотрити и отписати (Гр. Важ., 723. 1632 г.); ...а оброку съ тоѣ реки въ нашу казну никто не платитъ (АИ 3, 357. 1639 г.).

Наряду с лексемой «река» с интересующей нас семантикой в деловой письменности XVI-XVII вв. употреблялось производное рѣчка, образованное суффиксальным способом словопроизводства путем

присоединения суффикса –к- к производящей основе -рhк-\-рhч-: а в тех речках и в реке Варзуге в заборех ловят красную рыбу семгу (т.ж., № 566, 67. 1575 г.); И заводь монастырской, что на тои рhчке построено для рыбной ловли, заборы и сhти и ловчие избы ломають и секуть (Гр.Дв. 2, 127. 1681 г.); И та речка лежит в пустее, что он, Сенька, умре лет с тритцеть, и после того речкою не владеет никто, и в оброк никому не отдана ж...(АПД №57. л. 211, с.240. 1681 г.)

В лексикографических источниках XVIII-XIX вв. данное наименование в этом значении не зарегистрировано. В современном русском языке слово «река» относится к активному словарному запасу. В русских народных говорах в значении «рыбное угодье» оно не фиксируется.

**Тоня.** По своему происхождению слово **ТОНЯ** является общеславянским наименованием (ср. укр. *тоня* «место, где закидывается невод; опасное место глубокое», словен. *tonja* «глубокое место, лужа, болото», чеш. *tunm* – то же, польск. *ton, tonia*, н.-луж. *ton* «бездонное место в болоте») восходит к праславянскому *\*topnъ* или *\*topnia*, связанное с «топить» [207,4, с.77].

В.И. Гончаров в своем труде «Историческая лексикология русского языка» относит данную лексему к тематической подгруппе «место ловли рыбы» [43, с.155]. Наши материалы позволяют расширить семантику данного наименования.

Слово **ТОНЯ** в период русской народности употреблялось в значениях «рыбное угодье», «место ловли рыбы» [189, с.363]. По «Материалам...» И.И. Срезневского, впервые данное наименование отмечено в «Грамоте игумена Антония монастырю, им основанному, до 1147 г.»: И се възвѣщаю: да егда сѣдохъ на мѣстѣ семъ, даль есмь на землю и на тони 70 гривень, на селѣ есмь даль гривень сто [205, 3, стлб.949].

В терминологическом значении «рыбное угодье» данная лексема отмечается с XII в.: А въ то~ земли, ни въ пожьни, ни въ тони не вступатися ни князю, ни епискоупоу, ни боярину, никому (Грамм. кн. Из.Мст. 1148 г.): А даль...на тои полуполовини тони на Великои С#рѣти... поль четверьта сорока бѣ(л)кѣ (Купч. Ив. Чевак. XV в.); Которые противъ ихъ земель тони въ озерѣ, и язъ ихъ тѣми тонями пожаловалъ (Отводн.кр.Кив.вол. 1482 г.); Продалъ... четверть тони стуму Вѣскрнью и в вѣкы (Купч.на зем. XV в.).

С этой семантикой она прослеживается в деловой письменности XVI-XVII вв.: То, господине, тоня великого князя, а сидимъ, господине, мы на тои тони шесть лѣтъ [205., 3, стлб.891]; А угодиа было у князя Семена у того поместья озер: в озере в Черном да в озере в Уклеике, в обеих по половине, да в озере в Ужине четвертой жеребей, да в озере в Белом 2

тони (Писц. кн. Новг. з., 5., с. 161 л. 21 об. 7059 г.); А угодия у Михайла у того поместья...в озере в Боровенце 3 тони, в озере в Белом 4 тони (там же, л. 242 об. 1550-1560 гг.); А угодья к тому поместью в озере в Лутцком тоня (там же, с.212, л. 387 об.); съ сенныхъ покосовъ, и съ пустошей, и съ рѣкъ, и съ рыбныхъ ловель, и съ тоней самоедцкихъ, и с пустошного оброку съ рѣкъ съ Колоколки и съ Пещаницы...оброчныхъ денегъ на 123-й годъ 25 р. 13 ал. (Кн. прих.-расх. Моск., 223. 1614 г.) а оброку съ тѣхъ тонь старого рубль 10 алтынъ, пошлинь 2 алтына 1 денга (ДАИ X, 305, 1683-1686 гг.).

В значении «место, удобное для ловли рыбы» данная лексема также широко распространена в актовом письменно-старорусском периоде: Се купи...въ Внчѣви тони оучастокъ...(Купч. Мел.Еф.Чев. XV в.); Да омуток их в Суворши, три тони, да селище (АСВР 2, 522. XIX в. – 1485 г.); А ловятъ въ тѣхъ тоняхъ мелкую рыбу ряпуши неводами, а кардегами и кереводами палыи и сиги (АЮБ 2, 252, 1671 г.); Дано за вѣтчику Ивану Марину ловцу лѣтнево наиму, что на тони ловил и въ заводе был, четыре рубли (Кн. Ивер.м., 1, 38, 1665 г.).

Наряду с однословным наименованием в северо-западных памятниках делового письма XVI-XVII вв. следует отметить активное употребление составных терминомоделей тоня сиговая, тоня снетная, тоня зимняя, тоня осенняя на территории Северо-Западной Руси. Атрибутивные компоненты сиговая, снетная указывают на вид рыбы, которая водится в рыболовном участке: Тоня Середняя сиговая Федоровская Остафьева да Михайловские Берднева да Матфиевские Телятева да Офромеевская Курьяникова царя великого князя (Писц. кн. Новг. з. 3. л. 53 об. 1550 г.); Тоня Лоза сиговая ж, что была Юрьевского монастыря полтони да Марковская Панфильева четверть (там же); Да тоня сиговая ж великого князя Костентиновская Ношкина да Григорьевская Тучина да Михайловские да Гридинская Усова три части, а четверть тое тони своеземцом да Ивашку да Васюку Борисовым детям Валгомского (там же); А под колами тоня снетная ж, половина царя великого князя, что была Марковская Панфилова, а другая полтони своеземцова Левкова Козынского, а дает ей ис пятыя рыбы (там же); А под дубком на Велеша тоня снетная Дмитриевская да Семеновская Наволоцкого; да их же тоня снетная под наволоком на Коленцы, обе царя великого князя (там же, л. 54).

В терминологических сочетаниях тоня зимняя, тоня осенняя конкретизаторы зимняя, осенняя указывают на время рыбного



промысла: Тоня Меженская зимняя, что была Юрьева монастыря Костянтиновская Ношкина, вся тоня вся царя великого князя (там же, л. 53 об.); Тоня Каменка осенняя и зимняя, что бывала Кузминская Киприянова да Марковская Панфилова, вся царя великого князя (там же, л. 54); Тоня Хотовая зимняя Васильевская Гущина да Васильевская Бабкина, а ловят в ней всякую рыбу, вся царя великого князя (там же, л. 53 об.); А против Кузмодемьяна на наволоке тоня зимняя, и в той тоне Андреевская Иванова сына Клементиева половина... четверть той же тони Федоровские Победицкого...(там же, л. 54).

В современном русском литературном языке слово «тоня» в значении «участок водоема с расчищенным дном для ловли рыбы закидным неводом; прилегающая к нему часть берега с различными производственными сооружениями» представляет литературную норму [203, 15, с.629].

В современных русских народных говорах данная лексема в интересующем нас значении также относится к активному словарному запасу. Так, В.И. Даль с пометой «северное» отмечает значение «ватага, рыбалка»; пометой «южное» им зафиксирована семантика «рыболовня, рыбачий стан, притон, становище, промысел; рыбная ловля, неводное рыболовное заведение, и самое место это» [188, 4, с.688].

**Исток.** Имя существительное «исток» возникло путем усечения основы от глагола **истекати**, из *ис-* и *-ток-* (теку, течешь, течь). Корень *-ток-*/*-тек-* имеет общеславянское происхождение (ср. укр. *тікати* «бежать», др.-русск. *теку, течи* «течь; двигаться; бежать», ст.-сл. *ТЕК@, ТЕШТИ*, болг. *тека* «теку», сербохорв. *течкм*, словен. *teui, teuet* «течь, бежать», чеш. *teku*, слвц. *tiect'*, польск. *ciekk*, в.-луж. *сес, секу*, н.-луж. *сас, секу*), восходящее к праславянскому *\*teko, \*tekti* (лит. *tekme* «русло», *іь-така* «устье реки», лтш. *tkks, teka* «пешеходная тропа») [207, 4, с.37].

Впервые данная лексическая единица в значении «источник, поток, ручей» отмечена в Майской служебной минее XI в. (Путятин) Софийской библиотеки: **Из истока почръпати** (Мин. Пут. XI в. 55). Кроме указанного значения, в русском языке донационального периода она представлена с семантикой «исток, начало чего-либо, в т.ч. реки», «протока, рукав, соединяющий два озера или озеро с рекой» [205, 1, стлб. 1149].

В «Материалах...» Г.Е. Кочина она зарегистрирована с недифференцированной семантикой «угодье»: **И пожаловал есмь ...и в том истоке в моем великого князя... ловить рыба вообще с его людьми с домовными святого воскресения и заемки им держать...**[189, с.137]; **Даль въ домъ Святаго Спаса и святаго Благовѣщення свои рыбные ловли по Сурh рhкh, озеро Пашково съ истокомъ...** (Жал.гр.Сузд.в.к.Бор.Конст.Сп.мон. 1393 г.); **Се купиль Филипеи Семеновиць... всю свою треть Икшина**

острова и Пусевиць истокъ (Новг.купч. XIV-XV вв., 28); Се купиль Яковъ Степановъ сынъ...хмелники, и гумнище, и истоки (там же, 25).

Наши материалы позволяют уточнить семантику, данную Г.Е. Кочиным. Так, приведенные микротексты из грамоток XIV прямо указывают на то, что речь идет о рыболовном и охотничьем угодье: Болшим людемъ изъ монастырскихъ сельъ...на бобры имъ въ осенинѣ поити, а истоки имъ забивати (Уст.гр.м. Кипр. Конст. мон. 1392 г.); Инѣ ми тѣ рѣчи сказали и о озрѣхъ, и о истокѣхъ, и о бобровой ловлѣ (там же). Таким образом, термин некультивируемых промысловых угодий ИСТОКЪ прослеживается в русской деловой письменности XV-XVII в.: А в тых денга(хъ) заложила есми ему владенье свое...и в озерцахъ (в рукоп. озорецах) истокъ (Сев. гр. 163. 1493 г.); Озеро Волган(ь) неводом влачивали и в том истоке рыбу лавливали и бобры бивали (Пам.ряз., 25, 1530 г.); За Красным Бором на истоке четыре остожища (Д. опричн., 447. 1569 г.); Велено владѣть Черногорсково монастыря игумену Макарью..от нижные стороны дворища вверхъ...до верхные стороны Велоручья... и Лапозерскими лѣсными озерки и истоки из оброку (Гр.Дв. 1, 837. 1648 г.).

В лексикографических источниках XVIII в. в интересующем нас терминологическом значении не отмечается.

В современном русском литературном языке слово «исток» в значении «начало течения реки или водного источника» относится к активному словарному запасу. В переносном значении «начало, зарождение чего-либо» оно также широко распространено. Следует отметить, что в пермских, сибирских говорах данная лексема сохраняет значение «протока, рукав, связывающий два озера или озеро с рекой» [188, 2, с.95-96; 203, 12, с.257-258].

**Оустье.** Общеславянское по происхождению слово устье «конечный участок нижнего течения реки», «место впадения реки в другую реку, притоком которой она является, в море, озеро» (ср. укр. *устя* (чаще *гурло*), блр. *вусце*, болг. *устие*, с.-хорв. *яуће*, словен. *ustje*, чеш. *usti*, откуда *ustiti* «впадать» (о реке), словац. *ustit*, польск. *ujscie*) восходит к индоевропейскому *\*aus-t-iĵ-om* > *\*ustyje*. где и.-е. корень *\*ōus-*: *\*aus-* с расширителем *-t-*, как и в о.-с. *\*usta* «рот» (ср. лит. *uosta* «устье реки», латыш. *osta, ousta* «гавань», латин. *ōstium* «устье» [209, 2, с.293].

В «Материалах...» И.И. Срезневского наименование оусть отмечено с семантикой «устье реки», «исток реки», «выход из бухты» [205, 3, стлб.1292]. Впервые в значении «устье реки» оно отмечено в Ипатьевской летописи 6654 г.: Поиде оу верхъ Wкы и пришедъ ста на оусть Поротве (Ип.л. 6654) [там же].

В «Материалах...» Г.Е. Кочина данная лексема отмечена с семантикой «рыбное угодье» [189, с.377], с которой она широко

распространена в деловой письменности XV-XVII вв.: Се купи... игумен Лука...усть кури остров да наволокъ (Купч. Арх.м.Гавр. Нос. XV в.); За коль, что колили на усть Водосы рѣчки, давали гривну (Кн. пер. Водск. пят. 1, 447. 1500 г.); Въ прошломъ де въ 118 году приехали...въ Корельское устье... ловити красной и белой рыбы (АЮ, 62, 1610 г.); Ловить намъ рыбнымъ ловцомъ рыба въ томъ устьѣ рѣки Шексны и во всемъ Бѣлѣ озерѣ.. мережными и удными переметы, и кереводы и поѣздами (ДАИ 6, 275, 1673 г.); Се купил...два села два села земли...и в лѣтнине курьи езы и рыбная ловля.. и за курьею.. орамые земли и пожни.. и пониже устья лѣсники и у курьи полтони (Гр. Дв., 75, XVII в.).

Данный термин возник в результате сужения общеупотребительного значения.

В современном русском языке данная лексема принадлежит активному словарному запасу, сохраняя первоначальную семантику.

**Сѣжа.** Общеславянское слово сѣжа (ср. сербохорв. *сјеѣа* «приспособление для ловли рыбы», в языке прибалтийских славян \**sēdza*, нем. *Zeese* «закол») возникло из праславянского \**sēdiā*. По мнению М. Фасмера, этимология данной лексемы связана с общеславянским «сидеть», а не с «сеть» [207, 3, с.591].

В «Материалах...» Г.Е. Кочина она представлена с семантикой: «снасть для рыбной ловли; в сежах обозначается размер рыбного угодья, доля в общем рыболовном участке» [189, с.316].

Впервые слово «сежа» упоминается в Уставной грамоте митрополита Киприяна Константиновскому монастырю, в 1392 г. в значении «рыболовная сеть»: А лень дасть игумень въ села и они прядуть, сѣжи и дѣли неводные наряжаютъ [205, 1, стлб.891], которое сохраняется и в деловой письменности XVI-XVII вв.: ...продаль сежу езовую рыбную, цена полтора рубля (Там. кн. 2, 598. 1654 г.).

С семантикой «устройство на реке для рыбной ловли...» данное наименование также представлено в актовом документе указанного исторического периода: Въ воротѣхъ кладуть на лѣто по три сѣжи (Вып.Белоз.пис.кн. 1585 г.); А ловятъ рыбу сѣтми, и курицами, и бродники, а веснѣ бьют сежи, а рыбы въ немъ щуки, и лещи, окуни...бьют сежи по залоямъ (Псков. п. кн., 341. 1587 г.).

Следует отметить, что в Словаре русского языка XI-XVII вв., кроме вышеуказанных значений слово сѣжа имело терминологическое значение «рыболовное угодье, где ловят рыбу сежами», возникшее в результате метафорического переноса: Да у тое жѣ деревни угодья на рѣкѣ на Ловоти сежа (Кн.пер.Шелон.пят. 1, 332. 1539 г.) [200, 24, с.34]; Да съ малого омутца... по нижней берегъ рѣки Ласоки 2 сѣжи (Псков.п.кн., 104. 1587 г.). Данная семантика отмечается в старорусских текстах, когда речь идет об участке на реке, где имеется устройство для

рыбной ловли «в виде деревянного помоста с отверстием посередине для сети, концы которой с колокольчиками привязываются к пальцам рыболова, сидящего на помосте» [200, 24, с.34]: иногда же преподобны испросивъ у нѣкоего князя на Олѣ три дни точию на ловитвѣ рыбѣ, на единой сѣже пребыти (Ж.Пафн. Бор., 140, XVI-XVII вв.).

Как отмечалось выше, данный термин культивируемых рыбных угодий в старорусский период был подвержен процессу ретерминологизации; в метрологической сфере слово **сежа** с семантикой «размер рыбного угодья» было распространено на Северо-Западной территории Руси.

В «Опыте областного великорусского словаря» рассматриваемая лексическая единица не отмечена в интересующем нас терминологическом значении и зарегистрирована как «перегородка в реке из кольев и прутьев» [192, с.224].

В современном русском литературном языке слово «сежа» принадлежит активному словарному запасу. С пометой «областное» оно зафиксировано с первоначальной семантикой «сеть; сооружение (перегородка) на реке для ловли рыбы» [203, 13, с.571]. В волжских говорах оно также отмечено как «устройство снасти для рыбной ловли» [188, 4, с. 309].

**Һзъ (язъ)**. По своему происхождению слово **Һзъ (язъ)** «запруда, закол для ловли рыбы, ставная сеть» является общеславянским наименованием (ср. укр. *яз, язок*, наряду с *їз* «запруда, плотина», *заїз* «запруда, шлюз»), блр. *яз* – то же, цслав. *язъ*, болг. *яз* «запруда, шлюз», сербохорв. *јВз* «отводной канал рядом с мельничной запрудой», др.-чеш. *jęz*, чеш. *jez* «запруда», словц. *jaz, jez*, польск. *jaz*, полаб. *jaz* «канал»), которое восходит к праславянскому *\*jęзь*, которое, по мнению ряда исследователей (Мейе, Френкель, Беркнер, Фортунатов и др.), рассматривается как расширение и.-е. корневого имени *\*ēgh-*, *eġh-* [207, 4, с.549].

Впервые данная лексема в значении «рыболовная застава» представлена в «Жалованной грамоте польского короля Казимира» после 1340 г.: **Даль есмь и Һзы на Днѣстрѣ..., а ту не надобѣ ни одному чаиковцю собѣ Һза чинитъ** (205, 1, стлб.821).

С семантикой «сооружение для рыбной ловли, угодье» ее регистрирует Г.Е. Кочин в «Материалах для терминологического словаря древней России» [189, с.109], которая сохраняется и в письменности XVII в. По нашему мнению, терминологическое значение «рыболовное угодье» возникло в результате метафорического переноса названия сооружения для ловли рыбы на место в реке для его установки: **ез** на реке на Соробе, а оброку с того **езу** шло в государеву цареву и великого князя казну рубль ноугороцкой (А. Солов. мон., 202. 1582-1583 гг.); по Двинѣ рѣкѣ во многихъ мѣстѣхъ въ **язѣхъ** литовские люди рыбу ловятъ (АМГ 1, 233. 1628 г.); И монастырские всякие

угодья, которые по Кодимѣ рекѣ и вверхъ и внизъ, и озерка , и рѣки, и заѣзки, досмотрити и отписати (Гр. Важ., 723. 1632 г.).

Следует отметить, что в донациональную эпоху данный термин водных культивируемых угодий был также принадлежностью терминологии метрологической, означал он «единицу исчисления времени в процессе рыбной ловли» [189, с.109], что подтверждает факт ретерминологизации данного наименования в указанный исторический период.

В XVI-XVII вв. на Руси ез являлся самым распространенным приспособлением для рыбной ловли, представляющим собой частокол поперек всей реки, состоящий из вбитых кольев, переплетенных прутьями, в дно этой реки. Поэтому в деловой письменности донационального периода наименование ѣзъ (язъ) и его дериваты (езище, езовище, езовый и др.) широко распространены на всей русской языковой территории.

Словарь русского языка XI-XVII вв. фиксирует суффиксальные образования ѣзище «то же, что ѣзъ» и ѣзовище «место установления еза». По нашим материалам, в деловой письменности данные лексические единицы являются однокоренными абсолютными синонимами с терминологической семантикой «место установления еза; рыболовное угодьѣ», в которых суффикс -ищ- употребляется в пространственном значении: Се азъ, Харламъ Мортка, даль есмь в домъ преч(и)стыи богородици старую Кирилу свою поженку и свою землицю у ѣзовища, что моя чища (АСВР 2, 18. 1397-1427 гг.); се купи Самъсонъ Перъхурьевич у Степана Оньдрѣевич(а)... на маломъ островѣ орамую землю и езѣща по дворомъ на Емъчи и пожни (Гр. Дв. (доп.), 7. XV в.).

С этой же семантикой они активно употребляются в актовой письменности XVI-XVII вв.: Диакъ Рахманинъ Вороновъ взялъ въ государеву казну...съ мельничногог мѣста и съ ѣзу, что подъ ярком... пошлинъ... противъ прошлого 115-го году...; да съ ѣзу з боярского, Григорьевского то жъ, да съ пустыхъ ѣзищовъ (Арх. Стр. 2, 146. 1607 г.); А что изстари ѣзовище бывало на Яйвѣ рѣкѣ, межъ Новотеребомъ и межъ Санниковымъ, и будетъ мы и впредь похотимъ на томъ мѣстѣ ѣзъ бити черезъ Яйву..... (ДАИ 2, 102. 1629 г.).

В деловой великорусской письменности указанного исторического периода широко распространена составная субстантивная терминомодель пята ѣзовая, в котором атрибутивный компонент является производным от основы -ѣз- с помощью суффиксального способа словообразования путем присоединения суффикса -ов-, а субстантивный компонент «пята» актуализирует значение «основание, опора» [200, 21, с.91].

В «Материалах...» Г.Е. Кочина данное бинарное сочетание зафиксировано с недифференцированной семантикой «угодьѣ» [189, с.291

]. Наши материалы позволяют расширить его семантический объем.

В письменности донационального периода словосочетание «пята езовая» употреблялось в значении «укрепленная от размыва опорная часть еза; угодые» [200, 21, с.92]. Данная терминомодель является диалектизмом, т.к. все тексты, в которых оно употребляется, относятся к местностям на реке Шексне: Даль есми в дом пречистой Богородици... об ону сторону Шохсны Ломъ и с Пищалиным селищом, а вниз по езовую пяту (АСВР 2, 160. XVI в. – 1482 г.); Князь Михайло жъ даль въ Кириловъ игумену Касьяну з братьею на речѣ на Шекснѣ противъ Шатрецкого ѣзу, на пяте пожню косити (Арх. Стр. 1, 395. 1556 г.); На рѣкѣ на Шекснѣ, на пятѣ Цылинского ѣзу, что къ селу Богословскому, мая со 8 числа, ѣзъ битъ почали (Чел. Никона, 657. 1666 г.).

Кроме того, в письменности указанного периода отмечено функционирование синонимичной бинарной терминомодели части *н зовые* «часть водного угодыя, занимаемого езом»: Се яз Нелидко... отвел есмь село Спасское игумену Леонтью земли и воды, и селища, и пустоши и части езовые (А. фео. земл. 1, 257. XVI в. – 1453 г.).

С XVIII в. слово «езъ» с терминологической семантикой «рыболовное угодые» в лексикографических трудах не отмечается. В современном русском литературном языке оно принадлежит пассивному словарному запасу. Что касается современных русских народных говоров, то оно широко распространено с первоначальной семантикой «сооружение для ловли рыбы», однако в интересующем нас значении данное наименование не употребляется. Так, в северовосточных русских говорах *ез(яз)* – «плетень поперек реки», «закол, задерживающий ход рыбы» [188, 1, с.461].

**Коль.** Древнерусское слово **КОЛЬ** (ср. укр. *кіл*, блр. *кол*, болг. *кол*, словен. *kol*, с.-хорв. *колац*, чеш. *kul*, словац. *kpl*, польск. *koi*, в.- и н.-луж. *koi*) восходит к праславянскому образованию \**kolъ* [209, 1, с.410]. М. Фасмер связывает этимологию этого имени существительного с глаголом «колоти» [207, 2, с.285].

По «Материалам...» И.И. Срезневского, данная лексема в значении «закол, место на реке, огороженное вокруг кольями для ловли рыбы» впервые отмечена в Грамоте Варлаама Спасо-Хутынскому монастырю на землю с угодыями, челядью и скотом, ок. 1192 г.: Се въдале Варлааме стому спасу землю и огород и ловища рыбная и гоголиная... рьль противу села за волхвомъ .в. на волхевци коле [205, 1, стлб.1259].

В отличие от еза, кол в качестве сооружения для ловли рыбы представляет собой приспособление на реке в виде ограждения из кольев с промежутками, в которых устанавливались рыболовные орудия: сети, верши, морды и т.п.

Г.Е. Кочин фиксирует данное наименование в значении «сооружение для ловли рыбы, рыбное угодье», «мера» [189, с.148]. Наши материалы позволяют уточнить семантику данного наименования, представленную И. И. Срезневским и Г.Е. Кочиним.

В письменности донационального периода слово КОЛЬ имело следующий семантический объем: 1) шест, заостренный с одного конца; толстая палка, дубина, род оружия; 2) колышек, деревянный гвоздь; 3) приспособление для ловли рыбы на реке, закол. [200, 7, с.231].

В интересующем нас терминологическом значении «рыболовное угодье», возникшем в результате метафорического переноса наименования приспособления для ловли рыбы на название места в реке, занимаемого этим сооружением, слово КОЛЬ и его деминутив КОЛОКЪ преимущественно были распространены на Северо-Западе Руси: Да въ той же волости пол кола на рѣцѣ на Сестрѣн... а другая половина того кола нѣметцкая (Кн. пер. Водск. пят. 2, 202. 1500 г.); А угодья у них по Юрьеву писму Костентиновича Сабурова – кол (Писц. кн. Обон. пят. XVI в.); А въ Машковѣ болотѣ, в пожняхъ, и в колу, и в малом колцу, мнѣ з братомъ з Григорьемъ осмая чясть (Гр. Новг. и Псков., 167. XVII в. – 1393 г.).

Следует отметить, что слово КОЛЬ в донациональный период развития русского языка наряду с рассмотренной терминологической семантикой имело метрологическое значение «мера рыболовного участка»: Купиль...четверть кола рыбные ловли (СГКЭ 1, 213. 1577 г.).

Кроме однословных наименований водных культивируемых угодий коль, колокѣ в русской письменности XV-XVII вв. отмечены бинарные терминомодели коль рыбной, коль нижней, коль сетной, в которых конкретизаторы указывают на разновидность рыбного угодья по различным признакам. Так, описательная номинация коль рыбной является дублетной к КОЛЬ в значении «рыбное угодье»: Да на усть-Выга реки на Соробе реки у моря кол рыбной, сетми ловят нюхчане. Да на Выгу же у моря в Суме реке кол рыбной, сетми ловят мижанцы (АСМ, 22. 1496 г.).

В архангельской письменности XV в. отмечено описательное наименование Коловая пожня в терминологическом значении «рыбное угодье», в котором субстантив подвергся метафорической лексикализации (пожня – сенокосное угодье), а конкретизатор несет основную семантическую нагрузку: Се купи Кюприянь Павловъ сынъ...усть Ижми рекѣ коль рыба ловити, и коловая пожня и путики (Арх. Стр. 1, 17. XV в.).

Рыболовное угодье могло получить свое название по месту своего расположения в реке, о чем свидетельствует функционирование составного термина коль нижней: Отъ нижного кола от Лаврентия старца дошло во всѣ лѣто .si. рубл. /i. алтын (ГААО, ф. 191, оп. 1, т. 1, д. 147).

Если кол в качестве промыслового сооружения представлял собой заграждение, в котором для ловли рыбы устанавливались сети, водное угодье в результате метафорического переноса наименования получало название коль сетной: А оброку положено с царевых великого князя участков за рыбную ловлю и с колов с сетных 5 рублей (АСМ, 173. 1563 г.); С рыбной ловли с колов с сетных с Марфинских Исаковы со штинатцати участков оброку платить в цареву казну 4 рубли 4 денги в московское число (АСМ, 109. 1551 г.).

В лексикографических трудах XVIII-XIX вв. данная лексема не регистрируется в интересующем нас терминологическом значении. В.И. Даль в «Словаре живого великорусского языка» отмечает суффиксальное образование «колова» с пометой «астраханское» – «учуг, забойка, закол, для ловли рыбы» [188, 2, с.220]. Следует отметить, что метрологическое значение слово «кол» сохраняет в ярославских, калининских, заволжских говорах [199, 14, с.109-110].

В современном русском языке номинация «кол» в качестве термина рыболовных угодий принадлежит пассивному словарному запасу [203, 5, с. 1136].

**Невод.** По своему происхождению слово **НЕВОД** (ср. укр. *невод*, бел. *невад*, польск. *nievod*, чешск. *nevod*, словац. *nevod*, в.-луж. *nawod*, н.-луж. *nawod*) является общеславянским наименованием. По мнению М. Фасмера, оно возникло из \**vodъ* с отрицанием по мотивам табу, «чтобы рыбы не узнали опасного для них приспособления» [207, 3, с.55]. Впервые со значением «рыболовная сеть» оно отмечено в русском изводе Остромирова евангелия XI в.: Подобно царствие небесьное неводу въвржену въ море [205, 2, стлб.361]. Это значение слова **НЕВОД** прослеживается по настоящее время.

В период XIV-XVII вв. семантический объем данной лексемы расширяется: по «Материалам...» Г.Е. Кочина, она употребляется также в значениях «окладная оброчная единица», «рыболовный участок», «доля в рыболовном угодье при ловле неводом», которые являются вторичными, возникшими на базе первоначальной семантики «рыболовная сеть» [188, с. 206].

Данный термин некультивируемых рыбных угодий имеет омонимичную семантику «окладная оброчная единица» в экономической сфере деятельности.

С терминологической семантикой «рыболовный участок» данное наименование прослеживается в актовой письменности указанного исторического периода на всей территории древней России: **Болшимъ людемъ изъ монастырьскихъ сель ...монастырь и дворъ тынити..., на неводу ходити, пруды прудити** (Уст.гр.м.Кипр. Конст.мон. 1392 г.); **Большим людем ...Игумнов жеребей весь роли орать взгоном..сады оплетать, на невод ходити, пруды прудать** (А. феод.землевл. 1, 180. XVI в.); **А ловять рыбу де**



крестьяне однимъ лѣтнимъ неводомъ...а называютъ Идеи тотъ неводъ монастырскимъ неводомъ (Пам. Сузд. Влад. сб., 138 . 1631 г.); Для невода зимних третей малой что по глушицам ловят (А. Ивер.м. сст. 3. 1665 г.); Да в Тройникѣ Песку Михайлову участокъ въ неводѣ шестая доля (АХУ 2, 34); Да напередъ сего Бѣлозерского посадские и уездные ловцы давали в почестъ денегъ съ невода по 3 алтына по две денги (ДАИ 7, 171. 1677 г.).

Термин рыболовства «невод» в русских памятниках являлся стержневым в бинарных наименованиях невод игумнов, невод монастырский, где прилагательные указывают на то, кому принадлежат рыболовные участки: Что ходятъ его неводы на Белозерѣ, и яз его пожаловал: мои рыбники с ыгумновых неводов и съ его людеи неводов...за рыбное емлютъ с невода по двадцети бѣлъ (АСВР 2, № 236. 1476-1482 гг.);

В лексикографических материалах XVIII в. слово невод с указанной терминологической семантикой не зарегистрировано. В современном литературном языке и народных говорах данная лексема в первичном значении «рыболовная сеть» принадлежит активному словарному запасу русского народа.

**Прудъ.** По своему происхождению слово прудъ является общеславянским наименованием (ср. укр. *пруд* «быстрое течение», блр. *пруд* «мельничная запруда», сербохорв. *prod* «отмель, дюна», словен. *prod* «галька, отмель», чеш. *proud* «поток, течение»), которое восходит к праславянской форме *\*prodь* /*\*predь* [207, 3, с.388].

Данная словоформа образована путем безаффиксного способа словопроизводства от древнерусского глагола **прудити** в значении «запруживать, подпруживать (реку)», «возводить (запруживающее устройство) на пути текущей воды», путем отсечения тематического гласного *-и-*.

Впервые данное наименование отмечено в значении «поток, напор; стремление» в Новгородской минее XII в.: **обрете въздание подвигомъ и проудомъ твоимъ** [205, 2, стлб.1613].

В «Материалах...» Г.Е. Кочина слово прудъ зафиксировано с недифференцированной семантикой «угодь» [188, с.287]. Наши материалы позволяют расширить семантический объем данной лексемы, которая в донациональный исторический период была многозначной.

Так, в актовой письменности XV-XVII вв. ее семантический объем представлен значениями: «запруда, плотина; мельничная плотина», «запруживание», «закол», «водяная мельница», «место, заливаемое водой при подпруживании реки», «водоем, устроенный посредством запруживания текущей воды или копаный; пруд», кроме того, в литературном языке книжнославянского типа она отмечается с семантикой «янтарь или электрон (сплав золота и серебра)» [200, 21, с.16].

Данное наименование и его деминутив **прудецъ**, образованные путем присоединения к производящей основе *-пруд-* суффикса *-ец-* в терминологическом значении «закол», относящимся к лексико-семантической группе «рыболовное угодье», распространено в письменности XV-XVII вв. на всей территории древней России: На Порожкѣ же колятъ пруды да ловятъ лохыи, и съ того Ондрею шло половина, а другая половина крестьянамъ, которые колятъ пруды и лохы ловятъ (Кн. Водск. пят. 2, 123. 1500 г.); А что, г(о)с(поди)не, в том вражке заплотины, а тут были два прудца: ловил, г(о)с(поди)не, архимандрит Варламей рыбу в рекѣ и в озерках неводом, да в тѣх прудци сажал себѣ на ѣжу (АСВР 3, 221. 1495-1497 гг.); Да въ селѣх прудецъ, а въ немъ рыба кораси (Сотн. 3, 184. 1595 г.); Пустошь Максимкова на суходолѣ, на ней прудецъ, заросло 3 мѣста дворовыхъ (Гр. мен., Ш., 35. 1692 г.).

В письменности исследуемого исторического периода следует отметить распространение широкого ряда производных наименований от основы *-пруд-*: прудокъ, прудишко, прудище, прудина, прудость, прудчикъ, прудчиковъ, прудовой, прудцовый, прудкий (пруткий) и др., а также субстантивную терминомодель пруды прудити в значении «сооружать запруды, плотины»: Болшимъ людемъ изъ монастырскихъ сель...на неводъ ходити, пруды прудити, на бобры имъ въ осенинѣ поити, а истоки имъ забивати (А.феод.землевл. 1, 180. XVI в. – 1391 г.), которое в современном русском языке приобрело иную семантику. В сочетании (*хоть*) *пруд пруди* актуализируется периферийное значение «много», так говорят, когда речь идет о ком- чем-либо, имеющимся в большом количестве: *Прятелей, друзей завелось, хоть пруд пруди!* (А. Остр., Бедн.не порок, 1, 12).

В XVIII-XX вв. слово «пруд» утрачивает первоначальную семантику, сохраняя значение «водоем» [196, 4, с.1129], «водяная мельница» [192, с. 182; 199, 33, с.62].

Таким образом, большинство рассмотренных общерусских наименований водных угодий имеют общеславянское происхождение. Собственно русскими являются производные номинации **озерко**, **озеречко**, **озерище**, **заводъ**, **езище**, **прудец**.

Данные терминомодели вошли в терминологию водных (рыболовных) угодий в результате метафорического переноса наименования (заводъ, сежа, невод, ез, кол и др.) или сужения общеупотребительного значения (вода, озеро, река, исток, пруд, устье и др.). Следует отметить, что лексемы **КОЛ** и **ЕЗ** являются принадлежностью двух терминологий – рыболовных угодий и метрологической.

В рамках предложенной классификации номинаций сельскохозяйственных угодий из 33 проанализированных слов и

словосочетаний с точки зрения обрабатываемости (освоенности) рыболовного участка лексемы **ЗАВОДЪ**, **СЕЖА**, **ЕЗЪ**, **КОЛЬ**, **ЕЗИЩЕ** и др. обозначают культивируемые водные угодья. По функциональному признаку (способу использования) данные наименования можно отнести к промысловым угодьям.

Дальнейшая судьба рассмотренных номинаций различна: слова, имеющие общеславянское происхождение (**РЕКА**, **ИСТОК**, **УСТЬЕ** и др.), продолжают функционировать в современном русском языке, однако их терминологическая семантика утратилась; некоторые наименования сохраняют свое терминологическое значение в современном русском языке (**ТОНЯ**, **ТОНЯ ЗИМНЯЯ** и др.); часть слов утрачивает терминологическую семантику, оставаясь в современном языке в первоначальном значении (**ИСТОК**, **УСТЬЕ**, **СЕЖА** и др.); постепенно выходят из употребления терминомодели **КОЛ НИЖНОЙ**, **КОЛ РЫБНОЙ**, **НЕВОД ИГУМНОВ** и др. с указанным выше значением; в ряд диалектизмов вошли наименования **ЗАВОДЪ**, **КОЛОВАЯ ПОЖНЯ**, **ЧАСТИ ЕЗОВЫЕ**.

### **3.2. Номинации земельных угодий по географическому признаку (местоположению)**

Лексико-семантическую группу земельных угодий представляет общий географический признак «земля как поверхность суши». Она представлена следующими семантическими объединениями: лесные угодья («земельный участок на территории леса, приносящий доход владельцу»), прибрежные угодья («участки земли на берегу водоема»), собственно ландшафтные угодья («земельные некультивируемые участки»), бросовые угодья («некультивируемые участки земли, оставленные на неопределенный срок»).

Семантическим центром, объединяющим лексику лесных, прибрежных, собственно ландшафтных угодий, является «общий вид местности»; подгруппа «бросовые угодья» противопоставлена предыдущим по особенностям выражения семантического компонента «характер использования».

#### **3.2.1. Лесные угодья**

В данной части нашего исследования рассмотрено 12 однословных и 18 составных наименований, объединенных семантической темой «земельный участок на территории леса, приносящий доход владельцу»: **Л ѡсъ**, **лѡсок**, **лесец**, **лесишко**, **боръ**, **борокъ**, **соснякъ**, **дуброва**, **ольшникъ**, **островъ** и др.

**Лѡс.** Общеславянское слово «лес», сохраняющее свое первоначальное значение «деревья; пространство, обильно поросшее деревьями», фонетически развилось из древнерусского **лѡсъ** вследствие изменения **ѡ** в **е** и утраты слабого редуцированного **ъ**.

Праславянское \*lesъ считается словом этимологически неясным. Большинство исследователей сходятся в том, что значение «лес» является вторичным. Так, А.И. Соболевский предположил, что слова \*lesъ, \*lesa, \*leska генетически связаны, ту же мысль высказал Брюкнер, который считал, что исходным значением слова \*lesъ было «срубленное дерево» [207, 2, с. 485]. Во многих славянских диалектах данная лексема обозначает «лиственный лес, ветки, листья, побеги». О.Н. Трубачев вслед за Марваном сопоставил это слово с лит. *laiskas* «лист» [там же].

Можно предположить, что современное значение слова \*lesъ является конечным результатом длительной эволюции, и это затрудняет его этимологизацию. Следует учитывать, что словом \*lesъ называют лиственный лес, кустарник, орешник, ветки, побеги. Представляется, что первоначально слово \*lesъ не входило в географическую терминологию, а было термином подсечного земледелия, т.к. на месте бывшей вырубki при подсечном земледелии вырастает только лиственный лес (ср. н.-луж. *leso* «неудобная для обработки земля», ст.-польск. *lasa* «небольшое поле, раскорчеванное в лесу») [211, 14, с.252]. Отход от подсечного земледелия привел к исчезновению древних значений. Слова, обозначающие подсеку, обычно производны от исходных значений «рвать, драть, рубить, чистить», ср. \*dor, от \*dъrati, \*terbъ от \*terbiti, \*seca, \*paseka от \*sekti и др. Многие из этих терминов развивают значения «кустарник», «мелкий лес», «лиственный лес» (ср. русск. диал. *драка* «густой мелкий кустарник», польск. диал. *pasieka* «часть поля, заросшая кустарником» и т.д.) [там же].

Впервые лексема лһсъ упоминается в Житии преподобного отца Феодосия, игумена Печерского, написанном черноризцем Нестором, до 1093 г.: И водоу нос" и дрѣва из лһса на сво~ю плещю [205, 2, стлб.75].

Материалы Г.Е. Кочина фиксируют данную лексическую единицу с семантикой «строевой и дровяной лес; угодь» [188, с.170], которая отмечается в русской письменности с XIII в.: въ жага" и чюжь лһсѣ. и сһкыи дрова о(т) него. в соугоубиноу повиненъность (Зс 1280, 339 в); дали есмо со всһми оужитки. с лесомѣ съ дубровами (Гр. 1394 (ю.-р.)); Дворы пожилые платятъ въ полһхъ за дворъ рубль, а въ лһсһхъ полтина (Судебн. 1497 г. 155) [205, 2, стлб.75] и прослеживается русской актовой письменности XVI-XVII вв.: А нам, Григорью да Ивану, досталось деревня Поддубное да деревня Совино с пашнею и с сеном и с лесом и со всеми угодьем (АСЗ, 1. с.168. 1577-1578 гг.); Да лһсу болота убережь у Оки рһки 5 десятинь (Ряз.п.кн. 1, 263. 1598 г.); Усада по рһчкһ Плетеной...да лһсѣ дубровной въ ево поляхъ съ помһщикомъ зь Григорьемъ Подымовымъ вопчһ (Ряз.п.кн. 2, 567. 1629 г.); А по наказу велено ему в тех селех...пашню, и сенные покосы, и леса, и всякие угодья описать и измерять (АПД № 74, л.1. с. 285 1680 г.); Церковной лһсѣ изъ лһсу на монастырь вывожен (АХУ 1, 114. 1694 г.).

Слово «лес» в значении «угодье» является вторичным, возникшим в результате переосмысления общеупотребительного значения «заросли, кустарник», которое в письменности указывает на объект чьей-либо принадлежности и использования.

В рамках семантического поля лексема *лес* в терминологическом значении «участок земли, обильно поросший деревьями» противопоставлена *полю* как «безлесному пространству» по признаку «открытости-закрытости местности»: Дворы пожилые платят в полях за двор рубль, а в лесех полтина [200, 16, с.205]. Также отмечено активное употребление данной лексемы в открытых незамкнутых рядах, включающих 2-4 компонента (лѣсъ – мохъ, лѣсъ – пожня, лѣсъ – ловище и др.), в которых лѣсъ используется с семантикой «угодье; пространство, покрытое растущими и рослыми деревьями». Так, в Жалованной Новгородской грамоте Соловецкому монастырю 1459-1470 гг. отмечено: Никому... же не вступатися... ни въ пожнѣ, ни въ тонѣ, ни въ ловища, ни череновъ не наряжати, ни лѣсовъ не полѣсовать [205, 2, стлб.75].

Слово «лес» с семантикой «лес, заросли, кустарник», «срубленные деревья, очищенные от сучьев...» в XI-XVII вв. входило в активный словарь русского народа. Об этом свидетельствует широкий круг производных слов от этой лексемы. Так, существительные лѣсъць (лѣсець), лѣсъкъ (лѣсокъ), лѣшишко, образованные от производящей основы -лѣс- посредством суффиксов – ьц(-ец-), -ък(-ок-), актуализирующих значение «небольшой», в Словаре русского языка XI-XVII вв. зафиксированы с пометой «уменьшительное» к лѣсъ.

Слово лѣсъкъ (лѣсокъ) в значении «небольшой лес» также широко бытовало в древнерусской письменности с XII в.: И есть же по сеи странѣ рѣцѣ купели тоя яко лѣсокъ малъ, дровие много по берегу Иерданову превысоко (Дан. Иг. Нор. 55. 1113 г.). С терминологической семантикой «небольшое лесное угодье» оно отмечается с XV в.: За лѣсомъ, што зовуть Стрыювъ Рогъ и съ Куликовыми лѣски (Жал. гр. Вит. 1383 г.); Да пошодъ дорогою да налѣво старою межею къ Климовѣ деревнѣ на вымоль, да поперекъ болотця лѣскомъ старою межею къ Еуртовской огородѣ (АЮБ 1, 247. 1567 г.). Суффиксальное образование лѣшишко в значении «небольшое лесное угодье» характеризуется уменьшительно-уничижительной семантикой: Попъ Изстома съ товарыщи, послушествовали на насъ лживо...а норовячи имъ, и хотячи у насъ вотчинное лѣшишко отвести напрасно (А. гражд. распр. 1, 178. 1558 г.).

Деминутив лѣсъць (лѣсець) с указанной выше семантикой отмечен в памятниках XII-XV вв.: И приидоша и сташа у Коднова лѣсъця, пришедшее Стракъвъ (Переясл. лет., 60. 1149 г.); Б#ше близъ лѣсець и долина (Прол. Тр. XIV в.). Данное наименование

вышло из употребления с XV в., в отличие от суффиксального образования лһсокъ с той же семантикой, которое в настоящее время принадлежит активному словарному запасу русского народа. Слово лесишко с пометой «разговорное уничижительное» к «лес» также зафиксировано в современных лексикографических трудах.

Особо следует отметить употребление имени существительного лһсники в форме множественного числа, образованного суффиксальным способом словопроизводства путем присоединения к основе *-лесн-* суффикса *-ик-*. А.А. Шахматов в «Исследованиях по русскому языку» [179], изучая Двинские грамоты XV в., расширяет семантику данной лексемы, определяя ее как «вид угожья»: Се купил...два села земли... и в Лһнине курьи езы и рыбная ловля... и за курьею...орамые земли и пожни...и пониже устья лһсники и у курьи полтони (Гр.Дв. 75, XVII в= XV в.).

В современном русском языке рассматриваемая лексическая единица с семантикой «вид угожья» относится к пассивному словарному запасу.

В лексикографических материалах XVIII-XX вв. слово «лес» и его дериваты в интересующем нас терминологическом значении не регистрируются.

В памятниках деловой письменности с XV в. употребляется собственно русское субстантивное прилагательное лһший, представляющее собой суффиксальное производное от лһшь (лһсь). Впервые оно отмечено в Псковских судебных грамотах XIV-XV вв. в значении «относящийся к лесу»: о лһшеи земли будет судъ [205, 2, стлб.81]. О неоднозначности толкования семантики словосочетания «лешая земля» в письменности XIV-XVII вв. упоминает Т.В. Стась в своем диссертационном исследовании, определяя значение данного бинарного наименования как «поросшая лесом земля» [152, с.108-110].

В.И. Даль толкует это словосочетание как «пустошь, необработанную, лежащую впусе землю, в противоположность страдной, растродной земле, ниве, пашне» [188, 2, с.406-409]. Так, в грамоте новгородского архиепископа Феофила Соловецкому монастырю находим: Се язъ преосвященный архіепископ Великого Новагорода и Пскова владыка Феофілъ далъ есмь в домъ святаго Спаса и Успенію святѣи богородици... четіре селца, и землю, и воду, и полһшіи лһсь и страдомый лһсь, и водные ловища (ГВНП №99, XV в.). В данном контексте адъективные компоненты противопоставлены по признаку «обработанности земли».

Чтобы лешая земля стала пригодной к сельскохозяйственному использованию, требовалось полһсовати (лһсовати) лһс, т.е. «разрабатывать, расчищать лес»: А боярам новгородчкым,... ни иному никому ж в тои острова не вступатися... ни лесов не полесовати [188, с.170, с. 252].

В Двинских грамотах XV в. дериват лһсовати отмечен также в значении «охотиться, промышлять (птицу или зверя)»: попу Онтону

досталось на лѣтней сторонѣ рѣка Яреньга, и на морѣ тonya рыбы ловити, и пожнѣ в Яреньгѣ, и озера, и лѣсы лѣсовати, и всякии угодыя, ловища, или солoварное место будет... (ГВНП № 204. XV в.). С указанной семантикой это слово прослеживается в великорусской письменности до середины XVII в.: Ни бѣлки лесовати, ни рыбы не ловити, ни ягодъ, ни губъ не носити (Арх. Стр. 1, 672. 1590 г.); И в той же вотчине их живут и лесуют зверь лoся и соболи и лисицы (Гр. Сиб.Милл. 2, 475. 1640 г.).

Суффиксальным способом морфологического словопроизводства от основы -лѣс- с семантикой «относящийся к лесу» образованы прилагательные лѣсныи (лѣснои), лѣсистый, лѣсебный (лешебный). Впервые лексема лѣсныи в значении «лесистый, тенистый» зафиксирована в Синайском Патерике Московской синодальной библиотеки, в XI в.: мѣсто лѣсно [205, 2, стлб.77]. Так же как и в современном русском литературном языке, в памятниках письменности XVI-XVII вв. лексико-семантический вариант лѣснои в значении «относящийся к лесу, расположенный в лесу» имеет широкое распространение: А за земляную распашку, и за лѣсную росщѣку, и за сѣнную роскосу... взять ему Ондрыяну по своей сказкѣ (АЮБ 2, 374. 1657 г.).

С семантикой «лесистый, покрытый лесом» рассматриваемая лексическая единица и ее однокоренной синоним лѣсистый также входят в активный словарь русского языка указанного исторического периода: Воровские люди со скотомъ выбѣжали изъ лѣсных мѣстъ на степь на прежняя свои кочевья (ДАИ 4, 313. 1673 г.); Галандия латинскимъ языкомъ имя имѣет от лѣсовъ, потому что тамъ мѣста лѣсистые бывали (Козм., 222. 1670 г.) [200, 8, с. 212]. В современном русском языке данная лексема сохраняет свое значение.

Лексема лѣсопорослый, представляющая собой объединение в одно словесное целое основ -лѣс- и -поросл- с помощью интерфикса О, выступает с терминологической семантикой «поросший лесом» в памятниках актовой письменности XVI-XVII вв: [Заложили] вотчину свою...со крестьяны съ пахотными и не съ пахотными, и съ лѣсопорослою землею, и съ рѣчки и съ озерки (ДАИ, 2, 140. 1629 г.); А оброку и пошлинъ с тое оброчные и лѣсопорослые земли платить имъ въ государеву казну против писцовых книг (А. Свир.м., № 49. 1637 г.).

В памятниках деловой письменности XVI-XVII вв. широко распространены адъективно-субстантивные модели составных наименований, где в качестве стержневого слова выступает лѣсъ с семантикой «лес, заросли, кустарник». Адъективный компонент в данных словосочетаниях служит определением видов леса по различным признакам.

К составным терминологическим наименованиям, объединенным по признаку смежности с каким-либо объектом, относятся именные сочетания *лѣсъ озерникъ* («рядом с озером»), *лѣсъ болото* («на болоте»). Так, в Московских писцовых книгах отмечено: *Къ селцу къ Петрову лѣсу озерника 5 четьи* (Кн. п. Моск. 2, 132. 1540 г.)... *Да лѣсу пашенного болотного во всѣхъ трехъ полѣхъ на 15 четьи* (там же, 51.).

Особо следует отметить широкое распространение в актовой письменности указанного периода терминомодели *лес раменье* (*раменный*), возникшей в результате объединения специальных наименований *лѣс* и *раменье* «заброшенная пашня», которая бытовала с семантикой «густой, труднопроходимый лес, выросший на заброшенной пашне»: *лѣсу пашенного семдесят четыре чети, да непашенного лѣсу тритцать четвертеи, да лѣсу ж раменного в длину на полверсты* (А.гражд.распр. 1, 335. 1632 г.); ...*Да поперстного лѣсу рамени и бору.....въ длину на версту, а поперегъ на полверсты* (там же, 1, 786.1593 г.); *Пустошь, что бывальъ Никола на Вилешеме...пашенные середние и худые земли и раменного лесу в разныхъ мѣстахъ 45 десятинь, а четвертною пашнею 90 чети* (А.гражд.распр. 1, 335. 1632 г.). В данном случае конкретизатор *раменный* характеризует разновидность лесного угодья по признаку «густой», независимо от происхождения и протяженности.

По признаку состава древесных пород можно выделить субстантивные бинарные наименования с общим значением «лесное угодье» *лѣсъ боръ* (хвойный), *лѣсъ дуброва* (лиственный), *лѣсъ кустарь* (кустарниковый), *лѣсъ черный* (лиственный), *лѣсъ роца* (небольшой молодой лес).

Так, терминомодели *лѣсъ дуброва*, *лѣсъ черный* объединяет сема «лиственный». Однако рассматриваемые лексические сочетания не являются синонимичными. В материалах Словаря XI-XVII вв. составной термин *лѣсъ черный* зафиксирован с семантикой «лес лиственный»: *ѣхали лѣсами черными и степьми* (Спафарий. Сибирь, 129. 1675 г.) [200, 8, с.211]; *А угодья к тем деревням в озере в Котопине 2 участка... Да у Пятых ж поместей промеж их деревень лес черной постарше к их деревням* (Писц. кн. Новг з. 5, л.418 об. 1550 г.).

В.И. Даль отмечает термин «чернолесье» с указанной семантикой, возникший в результате процесса компрессии двухсловных наименований в односложное (черный лес=чернолесье) [188, 4, с. 980]. Можно предположить, что данный составной термин возник в результате метафорического переноса названия по признаку качества почвы (чернозем), на которой произрастает лиственный лес.

Отсюда следует, что атрибутивный терминологический элемент *черный* данного составного наименования уточняет значение стержневого



компонента лһсь, указывая на состав древесных пород (лиственных).

В деловой письменности XVI-XVII вв. лесъ черный с указанной выше семантикой противостоит лесу бору «участок леса с произрастающими на нем хвойными деревьями», лһсу кустарю «участок леса с кустарниковой растительностью» по признаку состава древесных пород, на что указывают зависимые субстантивные компоненты данных наименований: За Романом за Михайловым... лесу кустарю по болоту 2 десетины... (Писц. мат. Яросл. у. XVI в. 223, л. 342. 1568-1569 гг.); За Осипом за Никитиным сыном Ершовского... лесу бору 5 десетин (там же); А будет на межеванье тех дворцовых сел...и со крестьяны их в землях и в сенных покосах, и в бортничьих и в черных лесах, и в рыбных ловлях, и во всяких угодьях...и в том давать суды (АПД № 74, л.2., с. 285. 1680 г.).

Составной термин лес дубровный в указанный исторический период употребляется в значении «вторичный лиственный лес (на заброшенной пашне)». Так, в Рязанских писцовых книгах 1629 г. отмечено: Лһсь дубровный въ ево поляхъ съ помѣщикомъ зъ Григорьемъ Подымовымъ вопчѣ [200, 4, с.371]. Семантическая спаянность терминологических элементов в составе данного наименования указывает не только на состав древесных пород (лиственных), но и на актуализацию периферийного компонента значения – повторного произрастания.

В бинарном наименовании лһсь роца зависимый компонент актуализирует дополнительное значение «молодой лес», в результате чего можно уточнить терминологическую семантику рассматриваемого словосочетания как «небольшое лесное угодые с преимущественно лиственными молодыми деревьями»: И всего за Овдотьей лесу роци 3 десетины (Писц. мат. Яросл. у. л. 198., с. 137. 1568 г.).

По характеру использования лесных угодий можно выделить адъективные сочетания лһсь пашенный, лһсь непашенный. Лес, выросший по старой пашне или непригодный для расчистки под пашню, называли непашенным. Так, в Писцовых документах 1627 г. находим: А сенные покосы и лһса пашенные и непашенные мѣрители въ десятины жъ (1, 547.1627); Лесу пашенного поросли и десетины, а непашенного две десетины (Писц. Мат. Яросл. у., с. 51 л.56 об. 1568-1569 гг.); Деревня Хвалишино: 1 дв. пашни в полѣ 21 четв., сѣна 40 коп., лһсу пашенного заросли во всѣхъ трехъ полехъ на 11 четви [200,8, с.210].

Следует отметить, что в памятниках письменности донационального периода зафиксированы трехкомпонентные терминомодели лһсь роца непашенный, лһсь роца пашенная, в которых адъективные компоненты указывают на обрабатываемость (необработанность) угодыя, что позволяет нам классифицировать данные наименования по признаку освоенности сельскохозяйственного объекта: За Прасковьей за

Третьяковою женою лесу роци непашенные 10 десетин ( Писц. мат. Яросл. у. XVI в. № 65, л. 61 с. 53. 1568-1569 гг.); За Васильем за Осокиным сыном Железникова.. лесу роци пашенные десетина (там же); За Романом за Михайловым... лесу кустарю по болоту 2 десетины...лесу роци пашенный 3 десетины, а непашенного 2 десетины (там же).

В великорусской актовом письменности XV-XVII вв. широко распространена терминологическая модель лхсь лзовый в значении «участок леса, отведенный для строительства и ремонта еза»: А к тому езу лесу езового по реке Шексне вверх от порогу от Кривца ...в длину на 3 версту а поперег от Шексны по дороге по большую по Быковскую ж на 2 версты (Ез.кн.К.-Бел.м. 1586, л. 1560 г.); Велель имъ въ Милобудицахъ и на Словенке, и на Иванове Бору и на Берескомъ в черныхъ лесхъ, а не въ лзовыхъ усччи хоромново лхсу и тесу утесати и скаль снятии въ черныхъ лесхъ, а не въ лзовыхъ безъявочно, который лхсь к лзомъ не приписанъ (Арх. Стр.1, 208. 1559 г.).

Терминологическое сочетание лхсь бортный, в соответствии с нашей классификацией, является промысловым угодем, на что указывает адъективный компонент «бортный»: Которые бортные леса в прежних писцовых книгах написаны за помещики и вотчинники из оброчных бортных лесов, а даны им те леса до указу великих государей на льготу (АПД 4 №35, 1685 г. л.247, с.330); Которые угодные бортные леса преж сего были на оброке и с помесными и с вотчинными землями смежны...те земли и бортные леса как писать и мерить и межевать (там же, л. 249).

Наши материалы позволяют отнести, кроме указанного наименования, к промысловым (охотничьим) угодем двусоставную номинацию лхсь островъ, в которой зависимый компонент актуализирует периферийное значение «небольшой отдельный лес»: За р лкою за Окою сннные покосы и лхсь островъ Махинъ (Ряз. п. кн. 2, 733. 1629 г.). Причем такой лес мог находиться среди поля: У той же деревни великого князя заповлдной лхсь островъ Телятники межъ поль... 3 десетины (Кн.п. Моск., 2, 361. XVI в.).

Следует отметить активное функционирование терминомоделей лес княж(ий), лес монастырский, в которых конкретизатор служит уточнением принадлежности угодем: направе земля и луги и лес княж Иванова вотчина Федоровича Мстисловского деревни Татаринова...(Писц. мат. Яросл. у. XVI в., л. 141, с. 116); Шкли де лхсь всякои дрова и бревна, и столбы въ их монастырском ободном лхсу въ ихъ роци (там же).

Таким образом, семантический центр рассмотренных составных терминов смещен в сторону зависимого компонента, который указывает на

виды лесных угодий по характеру рельефа и почвы, по составу древесных пород, по характеру их использования, а также по признаку принадлежности.

В русской письменности XVI-XVII вв. слово *лѣсъ* могло употребляться в составе фразеологического единства: *въ лѣсъ глядѣти* (помышлять о бегстве). Так, в Исторических актах деловой письменности 1684 г. находим: *Поляки на отпоръ хотятъ ставитца, а литыв совершенно въ лесъ глядѣтъ; и такъ смятение не малое сами межъ себя чинятъ* (ДАИ 11, 173, 1684 г.). В современном русском литературном языке «в лес смотреть (глядеть)» означает «тяготиться данным местом, намереваться его покинуть»: *Сначала поступай в секретари управы, благо нынешний секретарь в лес глядит... Салт. Мелочи жизни* [203, 6, с.167-168].

В качестве сравнения, имеющего целью подчеркнуть, что речь идет о множестве людей или предметов, в памятниках деловой письменности XVI-XVII вв. широко были распространены обороты *яко лѣсъ, аки лѣсъ темный*, что великие *лѣса темные*. Например: *Гдѣ у насъ была степь чистая, тут стала у нас однемъ часом людми их многими что великие лѣса темные* (Аз. пов., 98. XVII в.); *И какъ близъ Египта будешь, и покажетца турские мечети и колоколни, аки темный лѣсъ. И тѣхъ мечетей въ Египте по щету до тысящи до семи сот* (X. Вас.Гаг, 61. 1637 г.).

Слово «лес» и его дериваты, как показывают современные лексикографические материалы, широко функционируют с той или иной семантикой в русских народных говорах [199, 16, с.368].

**Боръ.** Праславянское по корню *боръ*, восходящее к индоевропейскому *\*bhor-/\*bher-* «колоть, резать», «быть острым», первоначально значило «колющее», «хвоя», затем «хвойное дерево» > «хвойный лес» (ср. укр. *бip*, болг. *бор* «сосна», сербохорв. *бѣр*, польск. *bor* «лес», словен. *бѣр* «сосна», чеш. *bor* «сосновый лес»; др.-исл. *barr* «еловая игла» и др. [207, 1, с.193].

В языке восточных славян древнего периода данная лексема являлась полисемичной: наряду с первоначальным значением «сосна» она функционировала с семантикой «хвойный, преимущественно сосновый лес; место, где растут сосны», «сбор, налог», «разновидность проса», «кладбище». К XVI в. ее семантический объем расширяется: слово *боръ* употребляется в собирательном значении «складки» [200, с.290].

По «Материалам...» И.И. Срезневского, данная лексема в значении «сосновый лес» впервые зафиксирована в Повести временных лет 6600 г.: *И мнози борове възгарахуса сами и болота.* [205, 1, стлб.157]. С этой семантикой она прослеживается в русской письменности по настоящее время. «Материалы...» Г.Е. Кочина фиксируют данную лексическую единицу с терминологической семантикой «лес, угодье» и «обложение, побор» [188, с. 31].

В качестве термина лесного угодья в актовой письменности, возникшего в результате переосмысления первоначального значения, слово **боръ** (**бъръ**) «сосновый лес в составе угодья» и его дериват **борокъ** с семантикой «небольшой сосновый лес», образованный суффиксальным способом словопроизводства путем присоединения к основе *-бор-* суффикса *-ок-*, актуализирующего периферийное значение «небольшой», активно употребляется в древнерусских памятниках XII-XV вв.: *оур# диль ~ смъ азъ. св# ти Софии... на боркоу сорочекъ. въ о(т)минѣ сорочекъ... оу порокопустыць поль сорочка* (ГИМ, Син., № 132. 630 в-г. 1280 г.); *Се азъ харламышъ мортка. даль есмь в домъ преч(с)тый богородици... свою поженкоу... и борокъ противу святыи богородици* (2, белозер. 1397-1427 гг.);

С той же семантикой данные наименования прослеживаются и в русской письменности XVI-XVII вв.: *А велѣлъ, сказывають, Фуник ту землю у князя у Григорья отвести того дѣля, что князь Григорей прямо черезъ Степшино болотоне даль ему красного бора пахати* (Акты гражд. распр. 1, 26. 1511 г.), в котором она прослеживается и в XVIII-XX вв. *А отъ елки с тропы въ сторону налѣво лѣсомъ по болоту вышли на борокъ, на большую березу на прямую..., а з борку отъ березы отъ прямые отъ большие и отъ ямы – лѣсомъ прямо* (А. гражд. распр., 1, 259. 1614 г.); *Полянка Улукова, вверх по рѣчкѣ Излеши да нижнее плесо Излегощенское по верхнее волочилище по борокъ* (Ворон. п. кн., 105, 1615 г.); *Деревня, что былъ починокъ Михалевской на борку, на бору тожъ* (АЮБ 2, 217. 1671 г.); *А на правой сторонѣ Большой рѣки Оби боръ, лѣсъ, соснякъ великой* (Спафарий. Сибирь, 54. 1675 г.).

Следует отметить, что рассматриваемые лексические единицы широко распространены в русской письменности XII-XV вв. в роли топонима: *Архимандриту Святое Богородици и игуменомъ тѣхъ монастыревъ, что тягнуть к Святой Богородици Отрочью монастырю... богородица на Бору Богородица на Шешѣ, Богородица на Гостомлѣ* (АСВР, 3, № 116 1361-1365 гг.); *досташетца василью степанови(ч) землѣ и села... на Кругло (м) боркоу селце* (ГПБ, Лопарев, ч. 3, с. 183-185).

Лексикографические материалы XVIII в. фиксируют наименования **боръ**, **борокъ** с семантикой «место, где растут сосны» [201, 1, с. 23; 196, с. 200]. В интересующем нас терминологическом значении они не зарегистрированы.

В современном русском языке слово «борок» принадлежит пассивному словарному запасу. Лексема «бор» остается полисемичной, сохраняя значение «большой сосновый и еловый лес, растущий на сухом возвышенном месте» [203, 1, с. 573]. В. Даль уточняет семантику лексемы: «красный или хвойный лес; строевой сосновый или еловый лес по сухой почве, по возвышенности; преснина, чистый мендовый сосняк, по супеси;

хвойник с ягодными кустами и грибами» [188, 1, с.201].

Будучи многозначным наименованием, она в настоящее время широко представлена и в русских народных говорах. По свидетельству материалов «Словаря русских народных говоров», лексема «бор» как наименование лесного пространства в сибирских говорах употребляется в значении «лес вообще», в вологодских, калининских – «сосновый лес на сухом песчаном месте», в новгородских говорах она имеет значение «густой высокий лиственный лес, растущий на возвышенном и сухом месте». В тобольских говорах она характеризуется следующей семантикой: 1) «междуречное пространство, поросшее лесом», 2) «незаселенное лесное пространство», в архангельских функционирует в значении «высохшее болото, поросшее мелким березняком», в калининских говорах данная номинация означает «участок пашни с песчаной или глинистой землей» [199, 1, с.96].

**Сосняк (сосник, сосонник).** Впервые данное наименование упоминается в Новгородской межевой обводной книге 1391 г.: **чиризь Тубозирскую дорогу въ сосоньникъ на горку** [205, 3, стлб. 468].

Образованная путем суффиксального способа словообразования с помощью присоединения к основе –*sosn-* суффикса –*як-* (-*ик-*, -*ник-*) в пространственном значении, данная лексема относится к общеславянскому лексическому фонду (ср. укр. *сосна*, сосновый, -а, -е, *сосняк*; блр. *сасна* (чаще **хвоя**), *сасновы*, -ая, -ае, *сасняк*; чеш. *sosna*, *sosnovu*, -а, -е (ср. *bor*, *borovy les* – «сосняк»); польск. *sosna*, *sosnowy*, -а, -е; в.-луж. *sosna*) [209, 2, с.190].

Мотивирующее *\*sosna* является праславянским по происхождению (и.-е. *\*kasnos* «серый» или *\*sopsna* «смолистое дерево»). М. Фасмер указывает на тот факт, что слово «сосна» первоначально относилось к терминологии бортничества и обозначало «дуплистое дерево». В связи с этим этимология данного слова может быть объяснена как *\*sopsna/\*sopsnъ*, от слав. *\*sopeti* «сопеть, дуть», ср. русск. «сопло» [207, 3, 726-727]. Так, в Полесье оно употреблялось только при наименовании дерева с бортью, дуплом. Во всех остальных случаях речь шла о *хвое* «обычной сосне» [там же].

В Словаре русского языка XI-XVII вв. отмечены лексико-фонетические варианты **СОСЪН"ГЪ (СОСЪН"КЪ), СОСЪНИКЪ, СОСЪНЬНИКЪ (СОСОНЬНИКЪ)**. Г.Е. Кочин в своих «Материалах...» они зарегистрированы в значении «сосновый лес» [188, с.335]. Наши материалы позволяют расширить семантику, представленную в указанных лексикографических источниках. Проанализированные тексты актовой письменности позволяют сделать вывод о том, что данные наименования широко бытовали в русской письменности XIV-XV вв. в терминологическом значении «лесное угодье»: **И въ дворищи уцястокъ его и въ сосники уцястокъ его** (Новг. купч. XIV-XV вв. 19); **А у нас мнози...поспѣшницы, мнози поборницы, тѣ намъ дають ловлю и все, елико еже в водахъ...и в порослѣхъ, и в**

чащахъ, и в березникѣ, и в соснягѣ, и въ елнягѣ, и в рамени , и въ прочихъ лѣсахъ (Ж. Стеф. Перм. Епиф., 47. XV в.).

В XVI-XVII вв. она также сохраняет свое терминологическое значение: Пороснеку пашенного 15 четьи, да по мщищу соснягу 8 четьи, да по сѣчи пороснеку пашенного 60 четьи (Кн. п. Моск. 1, 667. 1593 г.); Да по правую и по лѣвую сторону рѣки Иртышу лѣсъ соснякъ и березникъ, и тальникъ (Спафарий. Сибирь, 32. 1675 г.); А отъ мерлинского устья вверхъ по той рѣкѣ с правую сторону.....лѣсъ большой дубовой и соснякъ селидобной и дровяной (Баг. Мат., 137. 1686 г.).

Кроме того, вариант СОСНЯКЪ в этот период зафиксирован с семантикой «сосновая древесина»: Куплено тритцать пять сажень дровъ еловых и березника и сосняка, дано по два алтына с денгою за сажень (Кн. расх. Холмог. арх. д. № 108, 81 об. 1696 г.).

Наряду с рассматриваемой лексемой и ее вариантами в письменных памятниках XVII в. отмечается деминутив СОСНЯЖОКЪ с терминологической семантикой «молодой сосновый лес»: А другая грань указываетъ на лѣво немного соснягомъ молодою пролею къ лѣсной дорожкѣ...А отъ той старой ямы и отъ столба прямо моим сосняжкомъ до старой же ямы (Кн. п. Углич. (доп.), 251. 1676 г.).

В настоящее время наименование «сосняк» является принадлежностью словарного состава современного русского языка.

В русской письменности XIV-XVII вв. слова боръ, лесъ, СОСНЯКЪ часто употреблялись при перечислении названных видов поверхности суши, покрытой деревьями: Бяше около града лѣсъ и боръ великъ (ЛЛ, 4, 1377 г.); А на правой сторонѣ Большой рѣки Оби боръ, лѣсъ, соснякъ великой (Спафарий. Сибирь, 54, 1675 г.).

Следует отметить, что в актах указанного периода понятия «бор» и «сосняк» не были равнозначными. По отношению к данным видовым номинациям лексема «лес» является родовым понятием. Сопоставив семантику наименований боръ и СОСНЯКЪ как разновидностей леса, можно сделать вывод о том, что совокупность значений лексемы «бор» шире, чем семантический объем лексемы СОСНЯКЪ [92].

Кроме того, оба наименования получают терминологическое значение лесных угодий в древнерусских и старорусских памятниках письменности. Так, термин боръ употребляется с семантикой «хвойный, преимущественно сосновый лес; сухое, возвышенное место, где обычно растут сосны», а термин СОСНЯКЪ содержит дефиницию «сосновый лес».

Ольшникъ. Общеславянское слово ОЛЬШНИКЪ (ср. блр. *алеши́к*) с восточнославянской огласовкой представляет собой суффиксальное образование от основы *-ольх(ш)-* и суффикса *-ник-*, возникшее в результате процесса компрессии двухсловных наименований в однословное: *ольховый лес* = *ольшаник*. В данном случае суффикс *-ник-*

существительного мужского рода указывает на совокупность объектов и их определенное месторасположение.

Общеславянское *\*jělъcha \*olъcha* (<и.-е. *\*elisa: \*olisa*) означает «лиственное дерево или кустарник семейства березовых, с тычиночными и пестичными соцветиями и плодами в виде продолговатых шишечек с орешком внутри; растет преимущественно вдоль рек и ручьев» [209, 1, с. 597]. Индоевропейский корень *\*el-* (*\*ol-*) представлен семантикой «красный», «коричневый» [ср.: «древесина ольхи светлая, краснеющая на воздухе»].

Данное языковое оформление лексема **ОЛЬШЬНИКЪ** получила под влиянием фонетических процессов на общеславянской почве: в результате второй лабиализации (изменение корневого гласного *\*E* в *\*O*) и действия первой палатализации заднеязычных согласных (изменение корневого согласного *X* перед гласным переднего ряда *ь* в *ш*). Ср. болг. *елха* – «ольха», с.-хорв. *jelша*, словен. *jelsa*, чеш. *olse*, словац. *jelsa*, польск. *olcha*, в.-луж. *wolsa* и др. [209, 1, с. 597-598]

Древнерусское слово ол(ь)ха впервые упоминается в XII в. в хождении Даниила игумена: А имя древу тому зигія; есть образомъ акы олха древо то (Нор. 10) [205, 2, стлб.664].

Вслед за И.И. Срезневским, в «Материалах...» Г.Е. Кочина отмечен термин **ольшникъ** = (**олешьникъ**), образованный на основе сужения общеупотребительного значения, представлен семантикой «ольховый лес», который впервые зарегистрирован в Душевной грамоте Александра Белеута, в 1472 г. (по списку XVI в.) зафиксировано: **Конець луга къ вязу да по переиму по олешникъ** [205, 2, стлб.664]. В этом же значении он прослеживается в актовой письменности XV-XVII вв.: **Другіи лоскут подь олешникомъ** (Новг. рядн. XV в.); **Тои... монастырскои дворовои и огороднеи земли длиннику з берегу от воды в гору к нашему олешнику сто 30 сажень** (Гр. Дв. 2, 398. 1697 г.).

В русской письменности XVI-XVII вв. данное наименование и его фонетические варианты (**олешняг**, **ольшнягъ**) широко распространено: **За Олекшемъ...лхсу непашеннаго олешнягу полторы десятины** (Кн. припр. Ряз., 64. 1616 г.); **лхсь глаголемый олшнягъ** (Ж. Герас. Б. 188 об. XVII – XVI в.); **А тотъ розлогъ поросль лхсомъ елникомъ и олшнягомъ** (АЮБ 2, 161. 1678 г.).

В современном русском литературном языке данная лексическая единица представлена вариантами «ольховник», «ольшаник», «ольшняк» в значении «заросли ольхи, ольховый лес» и принадлежит активному словарному запасу. В русских народных говорах данная лексема в значении «лес, роща» представлена большим количеством производных вариантов (*ольховник, олешняк, олешник, ольшаник, елошник, елшаник, елшинник, ольховинник* и др.) [199, 23. с.187, 194].

**Дуброва (дубрава)**. Общеславянские слова **дуброва** (ср. укр. *дуброва, діброва*, болг. *дъбрава*, сербохорв. *дубрава*, словен. *dobrava*, чеш.

*doubrava*, польск. *dŃbrowa*, в.-луж., н.-луж. *dubrawa*) и дубрава ( праславянская форма *\*dobrava*, *\*dobrova*) образованы морфологическим способом словопроизводства с помощью суффиксов *-av-a* (*-ov-a*), указывающих на место, которое характеризуется названным в основе предметом, от праславянского *\*dobrŃ* «дубовый лес» (ср. польск. диал. *dabrza* «дуброва»; ср.-болг. *dobrŃ* «лес»). Праславянское *\*dobrŃ*, в свою очередь, является производным с суффиксом *\*-r-Ń* от существительного *\*dobŃ* «дуб». М. Фасмер считает, что данная словоформа образовалась в результате контаминации двух слов *\*dobŃ* и *\*dŃbrŃ* «дебри» [207, 1, с.551].

В современном русском литературном языке слова «дуброва» и «дубрава» также являются фонематическими вариантами со значением «лиственный лес; роща из деревьев одной породы (осинник, березняк; дубовая роща)» [203, 4, с.1150]. Однако в памятниках письменности XI-XVII вв. семантика данных лексических единиц была дифференцированной в стилистическом отношении.

По данным И.И. Срезневского, впервые слово **дуброва** в значении «лес, дубрава» зафиксировано в Ипатьевской летописи 6636 г.: **У Ратьмирѣ дубровы за Выремь** [205, 1, стлб.740]. В «Материалах...» Г.Е. Кочина, в актовом письме XI-XIV вв. оно зарегистрировано в терминологическом значении «лес, дубовая роща», которое прослеживается до XVIII в.: **Село Добанѣвичь и съ землею.....и съ дубровами** (Жал.гр. Гал.кн. Льв. д. 1301 г.); **А въ Царьградъ аки въ дуброву внити, и безъ добра вожжа не можно ходити** ( Стеф.Новг.п. 1347 г.); **што дуброва. межи Ходорковымъ селомъ тоѣ дубровы. половина. ко млину** (Гр. 1375 ю-р); **А рубежь тому ихъ старому полю...изъ черново лесу...черезъ берѣзовую дуброву позадь помры частые да на дубъ** (Арз. а. 515. 1614 г.).

Следует отметить, что в южнорусской деловой письменности XIV в. термин **дуброва** с семантикой «дубрава, роща» широко употреблялся в открытых незамкнутых рядах, включающих 2-4 компонента (лес и дуброва, земля и дуброва и др.): **коупиль... дѣдичьство..... село и землю. и доубровы. и лѣсъ и рѣкоу** (Гр. 1368 г.); **от бохур# лѣсы. и дубровы. а от "рославльскоѣ волости пустыню. лѣсъ. и добровы и пол#** (Гр. 1378 г.,1.); **оуздала ~сть. тотъ мунастырь...зъ гаими и зъ дубровами. и з бортьми.** (Гр. 1378 г., 2); **а да~мъ с лесомъ съ дубровами. с водою. и съ зѣмлею** (Гр. 1394 г.).

Лексема **дубрава** определяется И.И. Срезневским как «деревья, лес ; поле» [205, 1, стлб.739]. Впервые с семантикой «деревья, лес» она зафиксирована в Книге судей Израилевых XI в. по списку Троицко-Сергиевской лавры XIV в.: **Иде доубрава избрати себѣ царя...Да идоу владѣть доубравою.** [там же]. Особенно широко слово **дубрава** в данном значении бытовало в памятниках книжнославянского типа: **И оужасеся душа его и душа людѣи его, "ко же въ**



дубравѣ дубъ вѣтром колеблется (Ис. VII); Огнь же пущень съвыше исказити п@стыню и д@браву (Посл. Иер.); Дубравы и все древо (Вар. V) и др.

Таким образом, в XIV-XVII вв. наименования дуброва, дубрава в значении «лес» в стилистическом отношении являлись фонематическими вариантами; однако семантический объем слова дубрава шире по сравнению со словом дуброва: так, в значении «поле» оно упоминается в Книге Второзакония по рукописи Троицко-Сергиевской лавры XIV в.: Древо въ дубравѣ (Втз. XX. 19). В Хронике Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе XI в. дубрава означает «дуб (вещий)»: того бо моукъ волшвеници и "чьновльници и смисани~мь Пифиею волхвоующ~ и доубравоу, и кровавны" знамени" (ГБЛ, Фунд., № 100. 108г); И претвори [бог] Новходоносора сопреди телцомъ, а создади лвомъ, и хождаше въ дубравѣ со скоты 7 лѣтъ, ядый траву, дондеже покайся (Ав. Кн. бес., 286. 1675 г.).

В письменности XI-XIV вв. рассмотренные лексемы широко бытуют в составе географических наименований: сташа оу Ратьмирѣ дубровы. за Выреми (ЛЛ 1377, 98 об. (1126); то же ЛЛ 1425, 108 об. (1128)); Вамъ дамъ...пустыню всю противу Дубравы... (Ис. Нав. 1. 4 по сп. XIV в); Буду "ко роса илю, процвѣтеть "ко и цвѣт и протрѣть корение свое, "ко и Дубрава, поидуть добрии его, и будет, "ко и маслина плодна и обильна его, ко и Дубрава [205, 1, стлб.739-740].

Памятники русской деловой письменности XVI-XVII вв. фиксируют составной термин дуброва пашенная, представляющий в структурном отношении адъективно-субстантивную модель. Конкретизатор «пашенная» определяет особенность месторасположения данного лесного угодья, а также указывает на его обрабатываемость. В данном случае семантический центр смещен в сторону атрибутивного компонента, который указывает на то, что ранее на этом месте была пашня в лесу. Так, в Отдельной грамоте казан. арх. дому в 1567 г. отмечено: Перелогу десять чети да зарослеи и дубров пашенных десять десятин в поле а в дву потому ж (В.А., с.148).

На наш взгляд, данное бинарное наименование синонимично термину лѣсъ дубровный (лес дуброва) с семантикой «вторичный лиственный лес (на заброшенной пашне)», рассмотренному выше. В словаре русского языка XI-XVII вв. этот термин зарегистрирован в значении «лиственный лес, выросший на вспаханной и заброшенной рощи...»: А по смѣте в той Нагаевъской пустоши диково поля восемьдесятъ десятин да лѣсу дубровы, которой впредь в пашню пригодится, сто десятин [200, 1, с.370]. Таким образом, по признаку культивируемости земельного участка данные составные наименования являются синонимичными. Однако, принимая во внимание точку зрения Т.В. Стась, которая утверждает, что модель лес

**дубровный** означает «обрабатываемое поле в лесу», а **дубрава пашенная** – «лиственный лес на заброшенной пашне», мы отмечаем, что по признаку открытости-закрытости пространства эти бинарные терминомодели являются антонимичными [152, с. 87].

В лексикографических материалах XVIII в. толкование рассматриваемых наименований неоднозначно. Так, в «Опыте областного великорусского словаря» слово «дуброва» сохраняет семантику «лиственный лес»; наименование «дубрава» в данном источнике зарегистрировано в недифференцированном значении «лес» [192, с.51]. Однако в Словаре Академии Российской данные лексемы определены как лексико-фонематические варианты [196, с. 784].

В тюменских и тобольских говорах «дуброва» и «дубрава» с семантикой «густой, дремучий, непроходимый лес» не нарушают единства лексической единицы в целом. «Дубровой» со значением «лес густой, дремучий, непроходимый» в томских говорах называют «редкий лес с небольшими полянками (обычно мелкий ивняк)», в якутских говорах – это «лиственная поросль», в курских – «дубровая поросль». В сибирских, пермских говорах «дуброва» – «всякое возвышенное место с редким, но крупным березовым лесом» [199, 8, с.240-241]. Следует отметить актуализацию семантической доминанты «лес» с периферийными значениями, характеризующими понятие «лиственный лес» по составу древесных пород (ива, береза, дуб).

«Дубравой» в псковских говорах называют «чащу леса», в северодвинских – это «возвышенное место, поросшее березняком и осинником». В говорах Сибири «дубрава» определяется как «лесок, имеющий большие размеры в длину, чем в ширину»; в костромских говорах «дубравой» называют «часть рощи, в которой не производятся порубки или которая является заповедником» [199, 8, с.240-241].

Как видно из приведенных выше определений рассматриваемых лексических вариантов слова, в некоторых севернорусских говорах также наблюдается дифференциация их значений, в отличие от современного литературного языка.

В значении «лесной покос» слова «дуброва» и «дубрава» являются семантическими вариантами, по признаку «способ использования» примыкающими к группе сенокосных угодий. Так, по данным словаря русских народных говоров, в пермских, вятских, курских, свердловских диалектах данная лексема рассматривается как «покосное место, заросшее густым березовым или осиновым лесом». В тобольских говорах рассматриваемая лексическая единица определяется как «отдаленных покос». В олонецких говорах дуброва – «трава», в свердловских – «сено, скошенное на лесном покосе» [199, 8, с.241].

**Островъ.** Общеславянское *\*o(b)strovъ* «речной остров», «обтекаемая, омываемая струей суша», из которого впоследствии исчез звук *b*, а между звуками *sr* развился вставной *t* (ср. лит. *strove* «река»; н.-нем. *strom* «течение, большая река»), образовано от глагола *\*obsreuti*

«омывать струей, течением», производного с приставкой \*o(b)- со значением «вокруг» и глагола \*sreu- «течь, струиться» (ср. др.-инд. *sravati* «течет»; лит. *srava* «течение»; греч. *reo* «теку») [208, с.280].

И.И. Срезневский в своих «Материалах...» отмечает 3 значения этого наименования: «остров», «пещера», «скала». С семантикой «пещера» данная лексема отмечена с XI в.: како сѣдиши въ островѣ семь (Пат . Син. XI в. 185); ч(с)тъны" же ~го мощи. положены быша въ островѣ ч(с)тнѣ ицелени~ подающа всѣмъ (Пр. 1383, XV в.).

В XV в. в житии Афанасия Никитина отмечен случай употребления островъ со значением «скала»: Чюнеръ же градъ есть на острову на каменомъ, не длань ничимъ, Богомъ сътворень , а ходять на гору день по единому человѣку, дорога тѣсна, (двѣма) пойти нелзя [205, 2, стлб.743].

В «Материалах...» Г.Е. Кочина лексема островъ отмечена с недифференцированной семантикой «угодье» и иллюстрируется примером из Первой Новгородской летописи по Синодальному харатейному списку: ...Мы хотим вам дань даяти, а хотим счестися и указати вам станы и островы, уречища (ЛН 1 426) [189, с.223].

В письменности XI-XV вв. данное наименование могло выступать в роли топонима: и ста подъ Вышегородомъ въ Островѣ (ЛИ ок. 1425 г., 118 об. (1146), а также в составе географического названия: и поставиша горо(д) на оусть невы. на орѣховомъ островѣ (ЛН ок. 1330, 163 (1323); оу намѣста .в. бѣли. оу жидили коуница. воликомо островъ коуница (ГрБ № 2, 80-90 XIV в).

В памятниках XVI-XVII вв. островъ имеет следующий семантический объем: 1) участок суши, окруженный водой, остров; 2) небольшой отдельно стоящий лес; лес среди поля; 3) высокое по сравнению с окружающим место; 4) обособленная от других территория и ее население. С семантикой «небольшой отдельно стоящий лес; лес среди поля» данный термин и его деминутив островокъ широко распространены в деловой письменности указанного периода: У той же деревни великого князя заповѣдной лѣсъ островъ Телятники межъ поль, лѣсъ ельникъ молодой, 3 десятины, а лѣсъ болшой вышченъ (Кн. п. Моск. 2, 361. XVI в.); За рѣкою за Окою сѣнные покосы и лѣсъ островъ Махинъ (Ряз. п. кн. 2, 733. 1629 г.); Доуховъ до островка да ельхавава, въ островку вязь розвиловать же...отъ везу обѣхоти островокъ ельховай полеву (Арз. а., 124, 1596 г.)..

Название данного термина возникло по принципу внешнего сходства понятия «остров» в основном его значении «земля, окруженная водой», в результате метафорического переноса актуализированной семы «окруженный», которое заключено в этимологической приставке «о-», на наименование участка леса, стоящего отдельно или среди безлесных участков.

С XVI в. в памятниках деловой письменности Центральной и Северо-Западной Руси с терминологической семантикой «участок земли в лесу, пригодный для обработки» используются демиинутивы **островокъ**, **островецъ**: **Сна по речке по Ирмесу и промежь Поль и по врагомъ 240 коп., да церковного сна 40 коп., лхсу непашенного островку десятина** (Кн. п. Моск. 1, 857. 1594 г.); **Островецъ...пашенной земли... на 8 четей** (Кн. ям. новг. 136. 1601 г.). В данном случае речь идет о культивируемом лесном угодье.

В современном русском литературном языке данная лексема принадлежит активному словарному запасу, сохраняя значение «участок суши, со всех сторон окруженный водой».

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что по своему происхождению большая часть однословных терминов, означающих лесные угодья в русской деловой письменности XVI-XVII вв., являются общеславянскими наименованиями (**лхсь**, **бор**, **соснякъ**, **дуброва**, **ольшникъ**, **островъ**). Все рассмотренные термины лесных угодий, кроме северо-западного локатива **лесники**, были широко распространены на всей языковой территории Руси.

Лексические единицы, объединенные семантическим компонентом «разновидность леса по породам деревьев» **лхсь**, **боръ**, **соснякъ**, **ольшникъ**, **дуброва** получили терминологическое значение в результате переосмысления исконного – расширения семантики. С помощью метафорического переноса первоначального значения в терминологию лесных угодий вошло наименование **ОСТРОВЪ**, путем морфологического способа словопроизводства, в частности, суффиксации, образовались термины **лхсець**, **лесокъ**.

В рассмотренных бинарных терминомоделях ведущая роль отводится адъективному компоненту – конкретизатору, который указывает на способ использования лесного угодья (**дуброва пашенная**, **лхсь лзовый** и др.) или его разновидность по какому-либо признаку (**лхсь раменный**, **лхсь болото** и др.).

### 3.2.2. Наименования прибрежных угодий.

В нашем исследовании данная подгруппа наименований сельскохозяйственных угодий представлена терминами **наволокъ**, **исадъ** и **кулига** с семантикой «сенокосное угодье в пойме реки». Семантическим компонентом, объединяющим их в ЛСГ, является «угодье, находящееся вблизи водоема».

**Наволок**. Отглагольное имя существительное **наволок** «заливной, поемный луг», возникшее путем префиксального способа словопроизводства от древнерусского **ВОЛОКЪ** «пространство на водоразделе, через которое волокля и перетаскивали суда и грузы из одной речной системы в другую» [197, 1, с.468], является собственно русским наименованием и, по мнению М. Фасмера, имеет общеславянские корни ( ср. укр. **ВОЛОЧИТИ**, блр. **ВЛАЧЫЦЬ**, ст-слав. **влячити**, **влһшти**, болг.

влека, сербохорв. *влачити*, словен. *vlauiti*, чеш. *vlaueti*, словц. *vleuiti*, в.-луж. *wleku*; прасл. \**velko*) [207, 1, с. 342].

Впервые слово **наволо́к** в значении «заливной, поемный луг», по материалам И.И. Срезневского, отмечено в Душевной грамоте Артемия черноризца Чухченскому монастырю св. Николая ок. 1350 г.: **В орамои земли, въ пожняхъ, и въ лѣсѣ, и въ водахъ, и въ земляхъ, и во всемъ наволоки четверть моя** [205, 2, стлб.270]. С семантикой «участок, владение поземельное» оно впервые зафиксировано в Душевной грамоте игумена Василия Чухченскому монастырю св. Николая ок. 1350 г.: **Даль есмь въ домъ стому Николи въ Чюхченему... оу Фомини наволоки гоны земли** [там же].

Г.Е. Кочин в своих «Материалах...» фиксирует данную лексему в значении «сенокосное угодье, заливной поемный луг» [189, с.200]. Материалы XII-XVII вв. позволяют расширить семантику данного наименования, представленную Г.Е. Кочинным и И.И. Срезневским.

В деловой письменности донационального периода отмечаются контексты, в которых говорится о наволоке как о сенокосном угодье: **И тотъ, господине, Олекса тотъ наволокъ Андрѣвской по 2 лѣта покосилъ силно** (АЮБ 1, 641. 1494 г.); **вели, государь, в том свой царский приказ учинить и те жеребьи – пашенную землю и сенные покосы, и речку Сетру с волгасы и с наволочи – к тому ж печищу вели...отдать мне, сироте, на оброк** (АПД, с.246. № 60. л. XVI в. 1681 г.).

Также это слово зафиксировано в значении «земельное угодье»: **Се купи Филипъ Григорьевъ...Корельско наволокъ землю, и воду, и пожни, и рыбные ловища, и всякии оугодья** (Гр. XIV-XV вв. 1, двин.); **Даль есмь въ домъ святому Николи въ Чюхченему...у Фоминки наволоки гоны земли** (Гр. Новг. и Псков., 216. ок. 1450 г.); **И воевода...посылалъ съѣзжие избы цѣ ловалника...да пристава...въ околородную волость въ Петряевъ навалокъ и велѣлъ взять понятыхъ людей и съ тѣми понятыми велѣлъ досмотрить и смѣстить новоприсаднаго песку и записать, на сколько того песку десятинь и какие иные угодья на том песку есть ли** (АЮБ 1, 467. 1642 г.); **Оброчные угодья...наволо́к с наволочьем** (Перепис. мон) Арх. Он. 1682 г.).

В письменности XVI-XVII вв. прилагательное **наволочный** также указывает на то, в исследуемых текстах нет четкой дифференциации, какие именно угодья находятся на месте наволока: **И дал есми... орамые земли наволочные пожни** (Кн. Солов. вотч. креп., 396. XVII в. – 1568 г.); **С наволочные пустоши оброку** (Кн. прих.-расх. Моск., 163. 1615 г.); **А обѣ тѣ есмя деревни продали съ орамыи землями и съ наволоцкими и съ пожнями** (АЮ, 128. 1568 г.); **На монастырьские полевые и в наволоцкие поля сѣять петь**

четвертей ржи в малую мѣру (там же).

Следовательно, основываясь на доминирующем в данном случае ландшафтном признаке нашей классификации угодий, слово **НАВОЛОК** мы можем квалифицировать как «прибрежное угодье». Таким образом, данный термин образован лексико-семантическим способом.

Наряду с лексемой **НАВОЛОК** в указанном терминологическом значении в письменности донационального периода функционирует деминутив **наволочек**, образованный путем присоединения к основе -*наволоч-* суффикса *-ек-* в уменьшительном значении: На Уломѣ рѣцѣ четыре наволочки, и кудѣ топоръ ходилъ, и коса, и соха ходила (АСВР 2, 306. 1450 г.); Се язъ, Федор Ульянов... порядился на вотчину... Сийского монастыря на холм к Ширшемскому озеру за исток на пустое место на половину наволочка на 6 лет... Поставити мне на том наволочке изба да клетъ, да хлев, да сарай (Зап. Ант.-Сийск.м. 116. 1618 г.); Да новоросчистные земли от ручья отъ Бобровца по Черной горѣ къ Малетину до ворги, да рѣчка Кумичева съ сѣнными покосы съ наволочки (АИ 3, 293. 1631 г.).

В русском литературном языке XVIII-XX вв. данная лексема сохраняет свое первоначальное значение «луг, низменный берег реки»; с пометой «областное» она отмечена в современных лексикографических источниках [188, 2, с.270; 203, 7, с.85]. В русских народных говорах она является многозначной; в интересующем нас значении слово «наволок» функционирует в архангельских говорах [199, 19, с.179-180].

**Исадъ, исады.** Собственно русское слово **исадъ** означало «пристань», его морфологический вариант **исадъ** – «место высадки, прибрежное поселение» возникло из \**из* и *-сад-* [194. 1, с.274]. Корень – *сад-* общеславянского происхождения (ср. укр. *садити, саджати, сидати*; блр. *садзіць, саджаць, садзіцца*; болг. *садя, посаждам, сядам*; с.-хорв. *cadumi*; словен. *saditi*; чеш. *sazeti*; словац. *sadit', sadzat'*; польск. *sadzie, sadzac*; в.-луж. *sadzec, sadzic*; н.-луж. *sajzas*) [209, 2, с.135].

Впервые данная лексема в указанном значении отмечена в Лаврентьевской летописи 1184 г.: Князь же Всеволодъ стоявъ около города 10 дни, видѣвъ брата изнамагающа, и Болгаре выслалися бяху к нему с миромъ, поиде опять къ исадом; и ту на исадѣхъ Богъ поя Изяслава, и вложиша и в лодью [205, 1, стлб.1111].

В «Материалах...» Г.Е. Кочина она отмечена с семантикой «угодье рыболовное; острова, служившие местом высадки войск и местом боя» [189, с.135]. И.И. Срезневский в своих «Материалах...» отмечает, что слово **исадъ** встречается в названиях рыбных ловель, принадлежащих Псково-Печерскому монастырю; в Архангельской губернии «исадом называют отмель, песчаный берег реки» [205, 1, стлб.1112].

В значении «рыболовное угодье» оно впервые зафиксировано в Новгородской четвертой летописи в 1352 г.: Ови бо отъ богатства

села даютъ церквамъ святымъ и монастыремъ, друзіи въ озерѣ ловища и исады [205, 1, стлб.1111]. Эта же семантика свойственна данной лексеме и в XVI-XVII вв.: Тѣ же ловцы противъ своего исада.....весиѣ колятъ колъ (Псков. п. кн., 97. 1587 г.); Кто имяны рыбные ловцы, и въ которыхъ исадѣхъ (Псков. а., 333. 1643 г.); Поѣхали де они в лотке ловит(ь) рыбы сеѣ де ночи лоткою своею приѣхали они на исады (Астрах. а., № 2921, сст.2.Распр.речи 1654 г.).

Следует отметить, что имя существительное исада и его производные (исадинка, исадница, исадка, исадный) широко распространены в северо-западной деловой письменности рассматриваемого исторического периода в терминологическом значении «сенокосное угодье в пойме реки»: да на Тепинѣ исадѣ верхнее остожье, что была ряжена поженка стивить Ортюшке Конечному (Арх. Бог. Важ.м., № 883. Подрядн. 1656 г.); ему игумену ...владет(ь)... от межи от той, где я Ил(ь)я отвел между...что меж новою исадинкою и Онтоф(ь)ева острова на низу (Арх. Бог. Важ.м. № 918. 1625 г.). Полный лексико-семантический анализ данных наименований рассматривается в диссертационном исследовании Т.В. Стась [152].

Кроме того, в северо-западной письменности донационального периода можно отметить составные термины исад(к)а пахотная, исад(к)а покосная, в которых конкретизатор указывает на способ использования угодья: продал...новою исатки...что от нихъ братьи мои мнѣ з делу досталось пахотную и покосную все без вывету (Арх. Бог. Важ.м. 2. 1148. Купч. 1700 г.). Таким образом, адъективный компонент актуализирует функциональный признак, который является доминирующим в данных сочетаниях.

Лексикографические труды по современному русскому литературному языку рассматриваемую лексему не регистрируют. В.И. Даль снабжает ее значение «рыбачья слобода, поселок у берега» пометой «старое» [188, 2, с.73].

В современных русских народных говорах севера слово «исад» и его производные широко распространены и являются полисемичными. Так, в вологодских говорах «исады» во мн. ч., пермских «исадь», архангельских «исада» означает «песчаная отмель, коса, лука, заросшая ивняком, тальником; побережье; в костромских говорах данные грамматические варианты имеют семантику «спуск с берега на лед» и др. однако в интересующем нас значении «рыболовное угодье» рассматриваемая лексема не зафиксирована [199, 12, с.211-212].

**Кулига.** Этимология древнерусского полисемичного слова кулига неясна: возможно, оно образовано от финского *kyld* «деревня», однако, по мнению М. Фасмера, это не объясняет многочисленных значений данного наименования (ср. вост.-русс. «новъ, раскорчеванное место», арх., пермск., моск. «небольшой луг на полуострове», тверск., ряз. «отдаленная

полоска леса, поля», вят. «широкая большая пахотная полоса», донск. «плохое место с ямами, оврагами», вологодск. во мн. ч. «навозные кучи на пашне») [207, 2, с.410].

Г.Е. Кочин в своих «Материалах...» отмечает это слово с недифференцированной семантикой «угодье» [189, с.164]. Наши материалы позволяют расширить семантический объем этого наименования, представленный И.И. Срезневским и Г.Е. Кочиним.

Т.В. Стась в своем исследовании земледельческой лексики Северо-Западной Руси XIV-XVI вв. квалифицирует данную лексему как термин подсечно-огневого земледелия, в значении «участок леса, расчищенный под пашню или сенокос» [152, с.83]. Действительно, в XVI-XVII вв. данное наименование продолжает функционировать с этой семантикой в северо-западной части Руси: **Да они же де росчистили от старинной своеи пожни от Дьячей кулиге пустые жь лѣшие мѣста копень на сто** (Гр. Дв. 2, 85. 1671 г.). С семантикой «росчисть под сенокосное угодье» лексему **кулига** отмечают Ю.И. Чайкина, С.И. Котков, Л.И. Кислик и др. В XVI-XVII вв. она распространена в документах центральных, юго-восточных, северо-восточных уездов [174; 76; 68].

Таким образом, в рамках нашей классификации, слово **кулига** относится к номинациям культивируемых угодий.

Исследованные нами материалы позволяют расширить семантику данного наименования, представленную И.И. Срезневским, Г.Е. Кочиним, Т.В. Стась. Так, в деловой письменности указанного исторического периода, на территории Руси, не ограниченной северо-западным ареалом, слово **кулига** означало «земельное угодье на берегу реки (в излучине, на плесу), используемое как сенокосный участок» [200, 8, с.114]: **А пашня нам давать попу по половинам и пожни сопча и кулишка подле попов луг да подле дорожки** (АСЗ, № 7, с. 14. 1504-1505 гг.); **да из реки налево меж Стамфуловы кулиги Нестарцова лугу, да на сосну на берег по бор, да Горбатого кулига по бор...Налева реки Шахи лес и пожни...направе те Луги и кулиги вверх по Шахе к Новому селу (там же); Се яз, Ондрей Григорьев, дал есми зятю своему Василью Ширяеву... по реке по Шахе и по Нерли...селищю Осташовское...по Игумновскую кулишку** (АСЗ, № 14. с. 19. 1561-1562 гг.); **А мнѣ, Володимеру, досталась... половина кулиги, что на Ашке... А что сверхъ Ашки... тѣ пожни мнѣ... розделити з Даниилом** (АРГ, 158. 1519 г.); **На рѣчкѣ.. сѣнная кулига** (Ряз. п. кн. 2, 563. 1629 г.).

Во всех приведенных контекстах есть указание на функциональную принадлежность угодья (сенокосение) и местоположение (возле реки), следовательно, слово **КУЛИГА** мы квалифицируем как термин культивируемых прибрежных угодий.



В том же терминологическом значении в актовой письменности донациональной эпохи употребляется деминутив кулижка (кулишка): *А се митрополиче пожни...Топорокъ малой, да Березовскаа кулижка да Малой клинец* (А. феод. землевл. 1, 237. XVI в. – 1464 г.); *Переславской недельщик...приххавъ по рѣкѣ по Кубри... на кулишку Кошеву, на пожню Долгущу... и около тѣхъ сѣнныхъ покосовъ сыскивалъ большимъ повальнымъ обыскомъ* (А. гражд. распр. 2, 270. 1657 г.).

В этот же период слово кулига также было распространено в значении «часть волости с «гнездом» деревень», что свидетельствует о ретерминологизации данного наименования в административной и сельскохозяйственной терминологии [200, 8, с.115].

В современных лексикографических источниках данная лексема, являясь многозначной, отмечена с пометой «областное». Так, Словарь современных русских народных говоров включает 11 омонимичных номинаций, одна из которых зафиксирована в 31 значении: в вятских, олонечских, вологодских, новгородских, ярославских говорах слово *кулига* означает «участок леса, расчищенный под пашню, иногда луг», в воронежских, свердловских, курских – «лес», саратовских, донских – «участок земли», в орловских – «улица деревни на берегу реки» и т.п. . [199, 16, с.60-64]. Следует отметить, что данное наименование в пределах одного диалекта может обладать многозначностью (напр., в архангельских говорах *кулига* – «участок леса», «поле, луг в лесу», «лес», «луг», «место на поле, на лугу, отличающееся чем-либо от других его частей», «нескошенная часть луга», «мыс, полуостров на берегу реки») или вступать в омонимические отношения (напр., в воронежских говорах *кулига* – «лес», «большое количество чего-либо», «участок земли») и др. [199, 16, с.60-64].

В современном литературном языке с интересующей нас терминологической семантикой оно не зарегистрировано. [203, 5, с.1817; 188, 2, с.351-352].

Исходя из вышесказанного, рассмотренные однословные наименования прибрежных угодий в деловой письменности указанного исторического периода слова *исадъ*, *кулига*, *кулижка* (*кулишка*) терминологизировались путем сужения общеупотребительного значения; локатив *наволокъ* получил терминологическую семантику путем префиксации (морфологический способ словопроизводства). Наименования *исадъ* и *кулига* являются синонимичными, т.е. обозначают одно и то же понятие «сенокосное угодье в пойме реки», различаются они ареалом распространения: слово *кулига* является общерусским наименованием, а номинация *исадъ* отличается локальным распространением на территории Северо-Западной Руси.

### 3.2.3. Наименования ландшафтных угодий

В памятниках письменности XVI-XVII вв. термины **БОЛОТО, МОХ, ЗЫБЬ, ГРИВКА** относятся к тематической подгруппе земельных угодий. Название «ландшафтные» мотивировано тем, что данную группу лексических единиц объединяет признак «общий вид местности». В отличие от лексики, обозначающей физико-географические объекты, которую условно принято называть географической терминологией, наименования ландшафтных угодий представляют собой понятия, связанные с использованием участков суши, с целью получения определенной выгоды [93].

Лексико-семантический анализ наименований участков земельного владения **БОЛОТО, МОХ, ЗЫБЬ, ГРИВКА**, на которых не выращивают сельскохозяйственные культуры, позволяет классифицировать данную группу терминов как некультивируемые.

**Болото.** По своему происхождению слово **БОЛОТО** является восточнославянским наименованием (ср. укр. *болото*, блр. *балота*, болг. *блато*, с.-хорв. *блато*, словен. *blato*, чеш. *blato*, польск. *bioto* «грязь, трясина», в.-луж. *bioto* «грязь, тина», н.-луж. *bioto* «заболоченный лес, грязь») [207, 1, с.190] и имеет восточнославянское звуковое оформление: в слове возникло полногласное сочетание –оло- из \*ol- (ср. ст.-сл. *блато*; польск. *bloto* – тожд.).

Праславянское \**bolto* первоначально обозначало «чистое болото», без зарослей, «белое болото», по цвету так называемых белых (сфагновых) мхов. Отсюда связь с лит. *baltas* – «белый», латыш. *balts* – тж. Без суффикса -t- ср. лит. *bala* – «болото». Ср. алб. *baltë* – «грязь», «тина», «глина»; нем. *Pfuhl* (др.-в.-нем. *pfuol*) – «болото», «лужа»; голл. *poel* – «стоячая вода», «лужа», «болото»; англ. *pool* (др.-англ. *pol*) – «лужа», «омут» и др.[207, 1, с.101].

Впервые в качестве физико-географического объекта слово **БОЛОТО** (*palus*) зафиксирована в Повести временных лет в 6600 г. (1092 г.): **Двина болотомъ течеть... мнози борове възгорахус# сами. и болота...**[205, 1, стлб.146]. Наряду с данной лексемой в памятниках письменности древнерусского периода употребляется старославянизм **блато**. Так, в Слове о Законе и Благодати находим: **будуть безводная блата** [там же].

В «Материалах...» Г.Е. Кочина отмечено, что в актовой письменности XI-XV вв. лексема **БОЛОТО** приобретает недифференцированное терминологическое значение «угодье» [189, с.31]. Так, в памятнике южно-русского происхождения зафиксировано: **оуздала есть тотъ мунастурь...и з бортьми. и з болоты. и съ рѣками** [197, 1, 288]. С такой семантикой она прослеживается и в письменности XVI-XVII вв.: **А межа той земли...от Савинское болото по грязь, да от Тылконивские грязи поперег** (АРГ, 50. 1509 г.). Следует отметить, что в письменности XI-XIV вв. имя существительное **грязи** во множественном числе приобретало семантику «топь, болото»: **Гюргии же передъ нимъ заиде полкы своими.**

за Малыи Роутецъ. и переидя грязи ту же и ста на ночь (ЛИ ок. 1425 г., 157 об.(1151)) [197, 2, с.401], которая сохраняется вплоть до XVII в., о чем свидетельствует словосочетание Тылконивские грязи из приведенного в качестве примера отрывка из Грамоты 1509 г.

Памятники письменности XVI-XVII вв. свидетельствуют о широком распространении лексемы болото (блато) в открытых незамкнутых рядах, включающих 2-4 компонента (болото – дебри, болото – колодязь, болото – речища, болото – грязь и т.п.), в которых данная лексема используется с семантикой «илистое топкое место»: Отъ солнечнаго бо жара непроходныя мѣста, дебри, и блата, и речища вся преизхоша (Каз. лет., 119); Еже жроуть бесомъ и болотомъ и колодяземъ... Болото иже не течеть [205, 1, с.146]; Везли не дорогою в монастырь, болотами да грязью, чтобъ люди не свѣдали (Ав. Ж., 52. 1673 г.).

На месте болота нередко были сенокосные, лесные, пашенные угодья: Да того ж поместья отхожие пожни на болоте на Мсти реке и в Окулове острове (Писц. кн. новг. з., с. 239, л. 38 об); За Осипом з Никитиным сыном Ершовского... лесу болото 5 десетин (Писц. Мат. Яросл. у. л.85, с.68. 1568-1569 гг.); За Романом за Михайловым... лесу кустарю по болоту 2 десетины... лесу роци пашенные 3 десетины, а непашенного 2 десетины (там же с.223, л. 342 об.); А угодия Семену озеро Карбутово... да на Семена ж косят в Заозеретцких болотех у трех речек 2 пожни (Писц. кн. Новг. з.,5, л. 21 об., с. 231 XVI в.).

В это же время у лексемы болото отмечается и конкретизированное значение «грязь»: Алексии же всегда пребываше на молитва и тѣло свое удручалъ постомъ, слуги же домовыя насмѣхаючися ему многажды плюскали на него болотомъ, всяко же то онъ покорнѣ терпѣхъ (Рим.д., 333. 1688 г.).

С семантикой «илистое топкое место» в памятниках указанного исторического периода используются деминутивы болотко, болотцо (блатце), представляющие собой суффиксальные образования от основы -болот- (-блат-) и аффикса -к- (-ц-), где -ц- является вариантом суффикса -к- (результат действия фонетического процесса 2 палатализации заднеязычных согласных): А на полянке подъ Гостиловымъ полемъ у перегороды яма, а отъ ямы дорошкою лѣсь черезъ моховое болотцо (А. Ром. сл., 28. 1628 г.) [200, 1, с.283]; Блаженыи [Сидор Уродивый Твердислов] устрои себе кущу в хвращу и непокровену, на мѣсте сущъ въ градѣ среди блатца нѣкоего Порога (Ж. Ис. Тв., 370. XVI в.) [там же, с.236].

В Московских писцовых книгах 1578 г. отмечено употребление деминутива болотко с указанной семантикой: Да за Москвою р. въ Дубцѣхъ за Чемодуровою дер. въ болоткѣ 100 коп. (1, 361.) [там же, с. 283].

В значении «низкое болотистое место в составе угодья» в письменности XVI-XVII вв. используется производное **БОЛОТИНА** (**блатина**), образованное суффиксальным способом морфологического словопроизводства от основы *-болот-(-блат-)* и суффикса *-ин-*: **И отъ той реки болотины и по тѣмъ болотинамъ... и арешникъ и лозникъ** (Баг. Мат., 137. 1686 г.).

Данная лексема сохраняет свое значение в современных народных говорах Москвы, Калуги, Перми, Барнаула, томской и кемеровской областей; в современном русском литературном языке с пометой «просторечное» лексема «болотина» означает «болотистое место; отдельное болото» [188, 1, с.555]. С той же семантикой в гражданских актах, в 1682 г. отмечен деминутив **болотинка**: **А та ихъ межа пошла отъ первого урочища от дву порубежныхъ ямъ старою межею на сенную болотинку, а отъ болотинки вешнею водоточинкою на старой дубъ** (А. гражд. распр. 2, 405. 1682 г.), который сохраняет свое значение в говорах центральной и северо-восточной части России.

Известно, что термины, обозначающие физико-географические объекты, обладают склонностью к онимизации, т.е. переходу в имена собственные (топонимы и микротопонимы). Так, в качестве топонима - названия части г. Москвы – слово **БОЛОТО** употребляется в юридических актах, в 1678 г.: **За ту его вину [царь] казнить не велѣлъ, а указалъ его привести къ висѣлицѣ и у висѣлицы битъ въ проводку кнутомъ нещадно до Болота и сослать въ Сибирь на вѣчное житье** (АЮБ 3, 56. 1678 г.).

Лексикографические материалы XVIII-XIX вв. рассматриваемая лексическая единица в интересующем нас значении не отмечена.

В современных русских народных говорах лексема **БОЛОТО** употребляется в 4-х значениях. С семантикой «сенокосное угодье на болотистом месте» она зафиксирована в тверских говорах; в значении «сено» - в новгородских. В смоленских говорах «болотом» называют «лес» ; в саратовских – «озеро». В костромских, тамбовских, рязанских говорах **БОЛОТО** означает «лужа» [199, 3, с.78]. В.И. Даль толкует понятие «болото» как «непросыхаемая грязь, от родников или от натека по рыхлой почве; низкое... место, постоянно заливаемое родниками, отчего образуется особая растительность и кислая почва» [188, 1, с.194].

В современном русском литературном языке лексема «болото» с семантикой «илистое топкое место, часто со стоячей водой, кочками земли, покрытыми травой, заросшее тростником, мхом и пр. и отличающееся зыбкостью и нездоровыми испарениями» [203, 1, с.555] принадлежит активному словарному запасу.

**МОХЪ (мѣхъ)**. В современном русском литературном языке слово «мох» с семантикой «растение, произрастающее обычно в сырых местах...» принадлежит активному словарному запасу. В значении «топкое место, где во множестве растет мох; моховое болото» лексема

«мхи» употреблена во множественном числе [203, 6, с.1306].

Современное «мох» развилось из древнерусского МЪХЪ вследствие падения слабого редуцированного Ъ и изменения Ъ > О в сильной позиции.

Древнерусское МЪХЪ восходит к праславянскому \*mъchъ /\*michъ из и.-е. \*mos-/\*mus- «плесень», «нечто серое». На славянской почве s > x ( ср. болг. мухъл «плесень»; лит. musos «плесень, мох»; др.-в.-нем. mos «мох , болото»)[208, с.242]. Первая фиксация лексемы МЪХЪ в значении «болото , поросшее мхом» относится к 1137 г.: Се азъ князь великий Всеволодъ далъ есмь святому Георгию Терпужьскыи погост Ляховичи съ землею...за рѣкою за Любытиною по болшии мъхи, събольшихъ мховъ на връхъ мъхи, съ большихъ мховъ на връхъ межъника, съ того межъника на каменичища (Гр. Новг. и Псков. 139. 1137 г.).

В «Материалах...» Г.Е. Кочина данная лексическая единица отмечена с семантикой «земельное угодье, болото» [189, с.196]. Так, в грамотах севернорусского происхождения зафиксировано: Се яз, Павел Харитонов, купил есми село Вашкеи. А отвод землям и пожням: от Белаозера по Толстой наволоок прямо через мох на Солмас на Великой (Гр. Кир.-Б.м. 407, 1340 г.). В этом же значении она прослеживается в актовой письменности XVII в.: В Неноксе – да лесишка худые, межъ чинити не мочно, прилегли мхи и болота (Гр. Дв. 1, 597. 1624 г.).

В отличие от понятия болото, обозначающего «илистое топкое место», более узкое понятие МОХЪ предполагает «сухое болото, покрытое мхом». В данном случае речь идет о дифференциации семантики понятий «мох» и «болото». В.И. Даль определяет «мох» как разновидность болота: «мох - ...мшистое болото, кочкарник, поросший мхом, мох по топи, где негниющий мох нарастает сажеными пластами...» [188, 2, с.584]. Следовательно, данный термин ландшафтных угодий возник в результате метафорического переноса названия «мох» в значении «растение» на понятие, обозначающее «болото, поросшее мхом». С той же семантикой в исследованных источниках используется деминутив мошокъ (мошекъ) : Съ наволока...на гладкой мошекъ, а съ гладкого мошка на великой камень (АЮБ 2, 250, 1671 г.)...А съ ели на мошокъ, на край мошки три ели (АЮ, 46. 1534 г.).

Лексема МОХЪ (МЪХЪ) с рассмотренным набором значений и ее дериваты широко представлены в памятниках письменности XVI-XVII вв. Так, суффиксальным способом словопроизводства от основы –*мши-* появились собственно русские образования мошье, мшище (мщище), в результате утраты слабого ъ и изменения x > ш перед гласными переднего ряда Ъ, И.

Производное мошье с суффиксом –j- в собирательном значении к «мох» с семантикой «болото» отмечено в юридических актах 1671 г.: А на селгу, что стоитъ внутри мошьи, а снутри мошья на пень

посреди мхи (АЮБ 2, 249). Суффиксальное производное мшище ( мщище) с семантикой «место, поросшее мхом» отличается от мотивирующего «мох» только в стилистическом плане: **Да по мшищу соснягу 8 четьи»** (Кн. п. Моск. 1, 667. 1593 г.). Суффикс *-ищ-* служит для усиления выразительности, активизируя периферийное значение «обширный».

В актовой письменности XVI-XVII вв. существительное мшара с семантикой «место, заросшее мхом», представляющее собой суффиксальное образование от основы *-мши-* и суффикса *-ар-* в значении собирательности, зафиксировано Писцовых книгах 1583 г.: **Лхсу деревого горшлова вдоль (на д)ве версты, а поперегъ на полторы версты, да болота мшары да озера Вочех... вдоль на 2 версты** (Писц. д. 1, 4. 1583 г.). В качестве топонима данное наименование отмечено в Записных книгах 1571 г.: **Отъ Шумиловы же Мшары черным лхсомъ.....десять версть** (Зап. руб., 34) .

Абсолютным однокоренным синонимом к мшара выступает суффиксальное производное мшарина (мшерина, мшеринна), образованное от основы *-мшар-(-мшер-)* и суффикса *-ин-* в значении единичности: **По ручью по уской мшарины на Крестовой камень** (АЮБ 2, 249. 1671 г.).

Г.Е. Кочин в своих «Материалах...» регистрирует данную лексему со значением «болото» [189, с.198]. Следует отметить, что она преимущественно отмечена в памятниках деловой письменности донационального периода севернорусского происхождения и центральной России, при перечислении определенных видов угодий: **Лхсу, болота, мшаринъ 4 десятины** (Кн. п. Моск. 1, 206. 1586 г.).

Наряду с рассмотренными лексико-фонетическими вариантами в грамотах XVI в. зафиксировано употребление деминутива мшаринка, где суффикс *-к-* актуализирует периферийное значение «небольшой»: **Да мшаринка по Чюпу ручью вверхъ новые розчисти** (Гр. Кольск., 460. 1575 г.).

Наименования мошье, мшище (мщище), мшара, мшарина ( мшерина) и их варианты с интересующим нас значением вышли из активного словаря современного русского языка, их не фиксируют составители толковых словарей русского языка, в том числе и диалектных.

В современных русских народных говорах слово «мох» отличается многозначностью. С интересующей нас семантикой лексема «мох» употребляется в северо-западной части России (олонецких, архангельских, северо-двинских, вологодских, тверских и др. говорах). С семантикой «лес с заболоченной, поросшей мхом почвой» данная лексема зафиксирована в псковских говорах.

**Зыбь.** С конца XV в. в памятниках русской письменности отмечается слово зыбь со значением «зыбкое место; трясина». Впервые оно зафиксировано в Отводной на земли Кириллова монастыря и крестьян Кивуйской волости в 1482 г.: **В верхъ вражкомъ до мху до зыби [**

205, 1, стлб.1009], в котором прослеживается и в письменности XVI-XVII вв.: Начять быти зыбь велика (Ж.Зос.С., 150. XVI в.); А кругомъ де, государь, тѣхъ пашенныхъ мѣстъ прилегли лѣсы темные и мѣста крѣпкіе и болотные и зыби непроходимые (ДАИ 4, 153. 1659 г.).

В памятниках письменности исследуемого периода фиксируется слово **зыбель** в значении «зыбкое, топкое место», которое возникло из \**zybjь* в результате ассимиляции *j* и развития суффиксального эпентетического «л» на восточнославянской почве: **И воевать, государь, осенью и зимою Кузнецких людей не мошно, что живут, государь, в крепостех в великих, и болота обошли и зыбели великие и ржавцы** (Гр. Сиб. Милл. 1, 421. 1609 г.).

Собственно русское **зыбь** образовано в результате безаффиксного способа словообразования с помощью темы –ь от утраченного \**zybти* «колебать» (Ср. др.-рус. «трясина», *зыбежь* «смятение», прост. *зыбка* «то, что колеблется, качается»). Общеславянское \**zybati* до сих пор не получило удовлетворительного этимологического освещения. Старшим значением общеславянского корня \**zyb-* можно считать «волнистость, колебание водной поверхности» или «топкое болотистое место» [208, с. 332].

Этимолог П.Л. Маштаков считает, что общеславянское \**zyb-* возникло из \**syb-* (вследствие ассимиляции *s:b > z:b*), которое восходит к и.-е. \**seup-* от корня \**seu-*, выражавшего представление о чем-то влажном (Ср. рус. диал. *zybун* – «глубокое, топкое, болотистое место на тундре», *зыбок* – «болотина», *зыбень* – «гладкая волна без гребня» [98, с. 31].

В «Материалах...» Г.Е. Кочина данная лексема иллюстрирована примером «мох зыбь» - *трясина, болото*» [189, с.130]. В деловой письменности XV-XVII вв. она приобрела терминологическое значение «топкое место в составе угодья»: **на моемъ болоте зыби топкіе** (Гр. Сиб. Милл. 1, 421. 1609 г.).

«Словарь современного русского литературного языка» слово «зыбь» отмечает лишь в значении «незначительное колебание водной поверхности» [203, 4, с.1359]. В «Толковом словаре...» В.И. Даля «зыбель, зыбь» регистрируется как «состояние волнистой, колеблющейся поверхности» [188, 1, с.1152]. В архангельских, новгородских, псковских, уральских говорах слово «зыбь» сохраняет первоначальную семантику «топь, трясина».

**Гривка.** Собственно русское слово **гривка**, образованное путем морфологического словопроизводства с помощью присоединения к основе –грив- суффикса –к-, имеет общеславянские корни (ср. укр. *грива*, блр. *грыва*, болг. *грива*, сербохорв. *грыва*, словен. *griva*, чеш. *hřivá*, слвц. *hriva*, польск. *grzywa*, в.-луж. *hriwa*, н.-луж. *griwa*) [207, 1, с.458].

В «Материалах...» И.И. Срезневского одно из значений данной лексемы – «побережное лесистое возвышение, роща», которое впервые зафиксировано в Межевой грамоте вел. кн. Ивана Васильевича с кн.

Борисом Васильевичем в 1483 г.: Прямо на болото на старую межу, да через гриву, да на Конечаскй мохъ [205, 1, стлб.587-588] и прослеживается в актовой письменности исследуемого периода: Его починокъ Латинъ на гривахъ (Жал. гр. Угл. кн. Дм.Ив. 1506 г.); И повели облязовы старожилци отъ верховья отъ рѣчки отъ Борисовки вверхъ гривою лѣсомъ безмежно» (А. сб. Лих., 184. 1531 г.).

В «Материалах...» Г.Е. Кочина рассматриваемая лексема отнесена к тематической группе «угодья», однако ее терминологическое значение не конкретизируется. Наши материалы позволяют уточнить семантический объем данного наименования, который возник в результате метафорического переноса первичного значения «длинные волосы на шее и по хребту некоторых животных» на характеристику местности в указанном значении, по внешнему сходству. В данном случае актуализируется периферийная сема «хребет (возвышенность)».

Исследователь Озерецковский в своем труде «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому» в 1792 г. дает географическое описание рассматриваемого понятия: Такія гривы идут параллельно съ берегомъ Ладожскаго озера, наприклад у Тайболы, плоско наклонны къ озеру, поросли соснякомъ и ельникомъ, состоятъ изъ песка съ булыжникомъ и кажутся остаткомъ старинного берега озера (Озерец. Пут. по Лад. оз., С.-Пб. с.37).

Термин «гривка» можно классифицировать как некультивируемое «земельное угодье», которое по признаку обрабатываемости земельного пространства противопоставлено термину «веретя» в значении «участок земли, возвышенное сухое место по берегу реки, среди болот» [189, с.76]. Так, В.И. Даль объясняет рассматриваемое понятие через синонимичное - «веретья», которое к XVIII в. утрачивает свое терминологическое значение [188, 1, с.651].

Кроме того, в указанный исторический период семантический объем данной лексемы расширяется: кроме значения «побережное лесистое возвышение, роща» добавляется семантика «продолговатая отмель, подводная коса»: Буде же по некоторым жестам проявитца чрез битье свай сыпучая каменистая грива [201, 5, с.235], которая сохраняется в современном литературном языке.

В современных русских народных говорах в указанном значении данная лексема широко распространена в архангельских, северо-двинских, ярославских, костромских, владимирских, тверских, тамбовских говорах. В свердловской области «гривой» называют «место, где кучно растут грибы, ягоды, деревья» [199, 7, с.143].

Таким образом, общеславянские наименования по своему происхождению, термины ландшафтных угодий **БОЛОТО**, **МОХЪ**, **ЗЫБЬ**, **ГРИВКА** обозначают некультивируемые участки земли, находящиеся в чьем-либо владении. Свою терминологическую семантику они получили в результате расширения значения (**БОЛОТО**, **МОХЪ**, **ЗЫБЬ**) и



метафорического переноса исходного значения (Гривка).

Итак, в деловой письменности XVI-XVII вв. термины земельных угодий, объединенные семантической темой «местоположение» (в нашей классификации – по географическому признаку), распределены на 3 лексико-семантические группы – номинации лесных, прибрежных, ландшафтных угодий. По степени обрабатываемости данные наименования могут обозначать угодья как культивируемые (дуброва пашенная, кулига, наволоок и др.), так и некультивируемые участки земли (болото, гривка и др.), что определяется контекстным окружением данных лексем.

Лексико-семантический способ образования рассмотренных терминов отличается высокой степенью продуктивности; большинство изученных терминов сельскохозяйственных угодий возникло в результате расширения семантики (переосмысления исходного) – лесъ, боръ, соснякъ, ольшник и др., в результате метафорического переноса значения (гривка, остров и др.). С помощью морфологического способа словопроизводства в терминологию сельскохозяйственных угодий вошли лексемы наволокъ, лесники, лесокъ и др.

Судьба рассмотренных наименований различна: большинство из них детерминологизировалось и продолжает функционировать в современном русском литературном языке в исходном значении (*лес, бор, олешиник, болото* и др.); часть номинаций является принадлежностью русских народных говоров (*кулига, наволоок* и др.).

### 3.3. Номинация земельных угодий по способу использования

Данная группа номинаций, объединенная доминирующей семантической темой «способ использования земельных участков», включает лексико-семантические группы наименований промысловых, подсобных, сенокосных и пахотных угодий. По степени освоенности (обрабатываемости) они могли быть как культивируемыми, так и некультивируемыми.

#### 3.3.1. Наименования промысловых угодий

Проанализированная нами лексико-семантическая группа промысловых лесных угодий включает 10 однословных и 22 составных наименований, которые объединяют семантические компоненты «местоположение в лесу» и «вид промысла» (способ использования угодья).

Путикъ. Собственно русское наименование ПУТИКЪ, образованное суффиксальным способом словопроизводства путем присоединения суффикса *-ик-* к производящей основе *пут'*, происходит от общеславянского «путь» (ср. укр. *путь*, блр. *пуць*, болг. *път*, сербохорв. *път*, словен. *pot*, чеш. *rouť*, слвц. *put'*, польск. *pas*, в.-луж. *pus*, н.-луж. *pus*) [207, 3, с.413]. Впервые оно отмечено в Купчей записи княгини Феодосии

после 1389 г.: Се язъ... продала есмь Ондрию Зазарьиничю пустошьку Кичивиньскую и зьмями и с водами и с пожнями и с путикомом, што было за Кузьмокою на Шешѣ [205, 2, стлб.1734]. В данном случае речь идет о «путике» как разновидности уголья.

В русской письменности XVI-XVII вв. слово ПУТИКЪ имело следующий семантический объем: 1) дорожка, тропинка, тропа; 2) охотничий участок в лесу; силки, капканы, ловушки на зверя и птицу; 3) городьба большой протяженности с оставленными в ней проходами, в которых устраиваются западни или ловушки на зверя, птицу; 4) продолговатая полоска, бороздка. В «Материалах...» Г.Е. Кочина оно отмечено с семантикой «уголье; орудие для ловли зверя, птицы» [189, с. 289].

Можно предположить, что терминологическое значение является вторичным, которое данная лексема получила в результате метафорического переноса наименования приспособления для ловли зверя, птицы на место, в котором это приспособление установлено.

В терминологическом значении «охотничий участок в лесу» оно широко распространено в актовом великорусском письме: и около озера пожни, и лѣсебныи лѣсы, и путики, и всяки уголья (Гр. Новгород. и Псков., 190. XV в.) Се купи Михайло Вахромѣвичь да Игнатей Вахромѣвичь... два жеребья, и съ санными наволоки, и з бобровыми ловищи, и с полѣшими лѣсами, и путиками (ГВНП, 227-228, сер. XV в.); Продалъ есми... землю свою... и съ путики, и съ перевѣсьи и съ рыбными ловищи (АЮБ 2, 431. 1652 г.); Оброчные уголья... у Федосейка Ларионова... путик Хонгонов с слопцы (там же).

Следует отметить, что в актовом письме указанного исторического периода широко бытовало производное ПУТИЧНЫЙ (ПУТИШНЫЙ) с терминологической семантикой «относящийся к охотничьему участку», образованное с помощью суффикса -н-, присоединенного к основе -*путик-*, в которой конечный согласный -к- изменился на -ч- в результате процесса первой палатализации: Онъ поѣздилъ на Черную гору за ихъ деревню Бовыкинскую, за путишную ихъ избушку...и сѣно на тѣхъ покосехъ смѣрилъ и записалъ (Гр.Дв. 2, 326. 1642г.); Да съ нихъ же съ путичной тропки оброку 6 денег (АЮБ 3, 172. 1645 г.).

В лексикографических материалах XVIII-XIX вв. данное наименование сохраняет первоначальную семантику «силка, ловушка для птиц, зверей; тропа с силками и западнями» [192, с.184; 196, с. 1847; 210, 25, с.814-815], которая с пометой «областное» также отмечена в словаре русского литературного языка [203, 11, с.1750].

В русских народных говорах данное наименование широко распространено. В интересующем нас значении слово «путик» употребляется в сибирских, вологодских, олонечских, тобольских,

печорских, архангельских говорах.

**Перевѣсище (перевѣсьище).** Собственно русское имя существительное **перевѣсище** представляет собой суффиксальное образование от *перевес*: *перевес+ищ(е)*. По мнению М. Фасмера, древнерусское наименование **перевѣсь** с семантикой «преимущество», «сеть для ловли птиц» возникло путем присоединения префикса *пере-* в значении «через» к производящей основе *-вес-* [207, 3, с.236].

Перевесы как орудия для ловли птиц были широко распространены на территории Руси в XI-XVII вв. Данное приспособление представляет собой сеть квадратной формы большого размера, «которая развешивается, поднимаясь как парус, на просеке, где пролет птицы; в перевес попадают целые стаи, и его вдруг роняют, покрывая сетью улов» [188, 3, с.61].

Суффикс *-ищ-*, присоединенный к производной основе *перевес-*, в древнерусском языке был многозначным: в период XIV-XVII вв. наиболее определенно он представлен в пространственном значении, т.е. суффиксальные производные с суффиксом *-ищ(е)* означали место, где что-то находится, находилось или происходит.

И.И. Срезневским слово **перевѣсище** отмечено в значении «место, где устроены перевесы, т.е. сети для ловли птиц», в котором оно впервые зафиксировано в Повести временных лет в 6453 г.: **А дворъ княжь бѣше в городѣ, идѣже е нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдин, а перевѣсище бѣ внѣ града** [205, 2, стлб. 900].

В «Материалах...» Г.Е. Кочина данная лексема зарегистрирована с терминологической семантикой «угодье, места для ловли птиц; орудия (сети), приспособления для ловли птиц» [189, с.232], с которой она широко распространена в актовой письменности донационального периода: **А даль есмь святой Богородици дому Арестовское село... и съ бортными землями, и съ поземомъ, и съ озеры, и съ бобры, и съ перевѣсищи** (Грамм.Олег.Ряз.п.1356 г.); **перевѣсища по Тифинѣ рѣкѣ** (Отв.Ковал.мон. ок. 1400 г.); **Купиль...дворы, и дворища, орамые земли, и пожни, и перевѣсища, и хмелники, и гумнище, и истоки** (Новг.купч. XIV-XV вв. 35). В этом же значении она прослеживается и в деловой письменности XVI-XVII вв.: **Дал есмь село Остромерское...с поли и с пожнями... и с перевѣсищи и со вспуды и с озеры** (Пам. Ряз., 102. 1535 г.); **Островок Питяевской внизъ и до перевесищъ рыбные ловли, старого оброку три алтына двѣ денги** (Гр.Дв. 2, 332.1693 г.).

Следует отметить, что терминологическое значение «охотничье угодье» является вторичным, которое возникло в результате метафорического переноса названия приспособления для ловли птиц на место, где они установлены.

Г.Е. Кочин наряду с рассматриваемой лексемой фиксирует в своих «Материалах...» лексико-грамматический вариант **перевѣсье** со значением «угодье охотничье; снасти, приспособление для ловли птиц» [189, с.232], который является абсолютным синонимом к **перевѣсище**:

Даю свое село Рожек... с луги, и съ лѣсы, и съ перевѣсии, и съ ловищи (Дух. и дог. гр., 223. 73 г.). С этой терминологической семантикой данная лексема активно употреблялась в памятниках деловой письменности XVI-XVII вв. на всей русской языковой территории: Да грамота государская на перевѣсье, что у Москвы реки (Кн.п. Моск.1, 323. 1578 г.); Продалъ есми... землю свою... и съ путики , и съ перевѣсьи и съ рыбными ловищи (АЮБ 2, 431. 1652 г.); рыбная ловля и с перевесы и с катцы один берег рѣчки Ветми (Отказ.кн. южновеликорус. 54. 1653 г.).

В лексикографических материалах XVIII-XIX вв. лексема «перевѣ сище» (перевесыище) и ее лексико-грамматический вариант «перевѣсье» сохраняют первоначальное значение. Так, в Академическом словаре 1817 г . с пометой «старое» они регистрируются в значении «место для ловли птиц» [210, 23, с.190,].

В современном русском литературном языке данное наименование относится к пассивному словарю: с пометами «устаревшее», «областное» оно объясняется как «сеть для ловли птиц, дичи; место ловли птиц: *Мосты , перевесища, ловища, знаменья, оброки, дани, - все это идет одно к другому и может быть учреждением личным, но погосты – никак.* Ушин. труды Уральск. экспед. 1853» [203, 9, с.474].

В современных севернорусских народных говорах лексико-грамматические варианты «перевесище» (перевесыище) и «перевесье, перевесие» сохраняют первоначальную семантику [199, 26, с.48].

**Борть (бѣрть).** Общеславянское слово «борть» (ср. укр. *борть* «лесной улей», чеш. *brt* «дупло дерева, в котором живут пчелы») восходит к праиндоевропейскому *\*bьrtь* с древним значением «просверленное, выдолбленное отверстие, углубление». Древнерусское **БОРТЬ** в значении «выдолбленная в растущем лесном дереве пустота для роя пчел» обычно сближают с лат. *forare* «сверлить, дырять», *foramen* «дыра, отверстие». Авторы Этимологического словаря славянских языков считают, что *\*bьrtь* в семантическом плане представляет имя действия со значением «сверление, вырезание» на базе глагола *\*bьrti* (ср. лит. *\*burti*; ср. отношение слав. *\*(sь)mьrtь* «смерть»: лит. *mirti* «умирать» [211, 3, с. 132-135].

В «Материалах...» Г.Е. Кочина данная лексема представлена недифференцированной семантикой «угодь» [189, с.32]. И.И. Срезневский определяет ее значение как «колода для пчел, дерево с ульем; часть леса с такими деревьями, пасека, пчельник» [205, 1, стлб.155].

В первом значении слово **борть** впервые отмечено в Русской Правде в 1114 г. по списку Московской синодальной библиотеки 1280-х годов: Аже оукрадетъ кто борть. то. ві. грвнѣ продаже... Аже кто разнаменаеть бѣрть. то.ві. грвнѣ [205, 1, стлб.155].... С этой семантикой оно принадлежит активному словарному запасу современного русского литературного языка.

В памятниках старорусской письменности термин «борть» в данном значении мог употребляться в составных наименованиях: дѣлати (сдѣлати) борть, жилая борть, пустовая борть. Прежде чем рассмотреть подробнее данные терминологические сочетания, следует отметить, что бортями называли «нарочно долбленные, живые деревья на корню; они бывали в лесах, порознь...» Такой вид лесного пчеловодства В. И. Даль определяет как *одиночное, бортевое* [188, 1, с.207]. Следовательно, значение дѣлати (сдѣлати) борть предполагает «выдалбливать дупло в дереве или делать колоду для пчел»: **А в которомъ деревѣ борть была сдѣлана, а пчел не бывало, и за то двадцеть пять алтынѣ»** (Ул. Ал., 152 об. 1649 г.) [200, 1, с.300]. В.И. Даль отмечает, что пчелы в бортях нередко заводились сами; потом «стали подвязывать к деревьям кузовья и долбленки; ныне ставят их наземь, на общем пчельнике, пасеке, а на зиму убирают в подвалы...» [188, 1, с.207]. Такой вид пчеловодства определяется как *пасечное*.

Адъективное терминологическое сочетание **жилая борть** в памятниках старорусской письменности отмечено с семантикой «борть, в которой поселились (живут) пчелы»: **В нынѣшнем де во 184 году лазиль де онѣ Кошай на мою жилую борть ворорвски, и меду де изъ той жилой борти выняль полтора пуда** (А. кунгур., 30. 1675 г.) [200, 1, с. 300].

В актовой письменности XVI-XVII вв. наименование **борть** (**борть**) представляло следующий набор семем: 1) колода для пчел, дерево с дуплом, в котором водятся пчелы; 2) угодые, лес или участок леса с бортными деревьями; 3) подать с бортников [200, 1, с.300].

Впервые в значении «угодые, лес или участок леса с бортными деревьями» данная лексема упоминается в Грамотах Новгородского князя Всеволода Юрьеву монастырю (в поздних списках, до 1136 г.): **Се азъ кнѣзь великий Всеволодъ даль ~сми святому Георгию Терпоужьскыи погостъ Ляховичи. съ землею и съ людьми и съ коньми. и лѣсъ и борти. и ловища на Ловати** [205, 1, стлб. 155].

С этой семантикой она активно употребляется в деловой письменности XII-XVIII вв.: **Чего есме оступили въ Ризе. к тому вамъ не приискывати. ни людеи ни земли ни воды ни борти** (Грам. Герд. к. Пол. 1264 г.); **Коломна съ волостьми и съ селы и зъ бортью** (Дух. Сим. Ив. 1353 г.); **Придаль ~сми святому Юн на Сомници. землю з бортью. борть по великую дорогу по Соменцо озеро. на Оулѣ на реце землю з бортью. на Витебскомъ рубежи землю з бортью. на Наче на реце землю з бортью** (Вкладн. Пол. в.к. Онуфр. до 1400 г.); **А гдѣ государевы борты или деревья бортныя сожжены или посѣчены, и тѣ борта досматривать и сыскивать накрѣпко, кто тѣ борты и бортныя деревья сжегъ или ссѣкъ** (Кн. п. Углич. (доп.), 25. 1664 г.).

Из приведенных контекстов видно, что употребление данной лексемы широко распространено в открытых незамкнутых рядах, включающих 2-4 компонента (борти-ловли, борти-воды, борти-пожни и др.). Так, в Ярлыке хана Узбека митрополиту Петру, в 1315 г. находим: Да не вступаютца никто же в (люди) црковныя и в митрополичи ни в города ихъ. ни в волости ихъ. ни в села ихъ. ни во всякие ловли ихъ. ни в борти ихъ [205, 1, стлб.155]. Представленный выше материал свидетельствует о том, что речь идет о бортях как угожьях.

Собственно русское суффиксальное образование бортище, с суффиксом *-ищ-* в пространственном значении, является однокоренным синонимом к борть в значении «угожье, лес или участок леса с бортными деревьями», которое фиксируется в новгородской и псковской письменности XV в.: Володѣти Матфѣю Ивановичю тою шестою частью, тымы селы Фенютины и Кѣиковы, тыхъ сельъ полевыми землѣ и лѣшими, и хмелищами, и ловищами, и бортищами в томъ ободѣ, по Дмѣтрѣву рукописанию (Гр. Новг. и Псков., 180. XV в.).

От производящей основы *-борт-* в памятниках XII-XVII вв. образован ряд дериватов: бортьникъ, бортничий, бортный (бортевой), бортничати.

Суффиксальное образование бортьникъ отмечено с семантикой «пчельник», «тот, кто делает борти, присматривает за ними», которая прослеживается в письменности указанного периода и сохраняется на современном этапе развития русского литературного языка: Далъ язъ, князь Юрьи Дмитриевичъ, отцу своему игумену Савѣ бортника Ондрейка Телицына съ деревнею, въ которой живеть на Рѣпищи, и онъ тѣ борти монастырскии дѣлаеть (АИ 1, 24. 1404 г.); Нѣмци убиша шесть человѣкъ Опочанъ бортниковъ (1 Псков. лет. 6935 г.) [205, 1, стлб.156]; Из бортных ухожеев медвеной оброк велеть имать з бортников и с мордвы мед самой доброй улазной (Хоз. Мор. 1, 34. 1659 г.) и др.

От мотивирующего бортникъ с рассматриваемой семантикой образовано прилагательное бортничий, глагол бортничати (заниматьмя бортным промыслом), которые широко распространены в актовой письменности XIII-XVII вв.: А далъ есмь Савѣ черньцу монастырекъ и съ озеромъ съ Верхнимъ и съ Нижнимъ и съ деревнями бортничьи: деревня бортничья Игнатѣева Старостина Жижнеева (АЮБ 1, 165. 1666 г. – 1464 г.).

Как было указано выше, лексема бортьникъ является многозначной в русской письменности указанного периода. Так, в духовных и договорных грамотах она зафиксирована в значении «бортное угожье». Впервые с указанной семантикой она отмечена в Уставной грамоте 1150 г. Смоленского князя Ростислава Мстиславовича Смоленской

епископии (в сп. XVI в.): Село Ясенское и съ бортникомъ и съ землю и съ исгои Святи Богородици [205, 1, стлб.156]. И.И. Срезневский в своих «Материалах...» определяет значение слова бортникъ как «пасеку, пчельник».

По материалам словаря В.И. Даля, «пасека – место для установки ульев, для разводки пчел... всегда устраивалась на лесной рощисте» [188, 3, с.32]. Исходя из сказанного, понятия бортъ в значении «угодье» и бортникъ с указанной выше семантикой не являются синонимичными.

Термин бортникъ как «пасека, пчельник» широко распространен в духовных и договорных грамотах XIV-XVI вв.: что моихъ бортниковъ купленыхъ которыхъ въ которой росписи, то того (кому писано) (Дух. Ив. Дан. 1327-1328 гг.); Опрочь того все на трое. и бортници въ перв...ахъ (Дог. гр. 1340 г.); Отца моего купленные бортници. (Дух. Ив. Ив. д. 1359 г.); А из Московского даю с(ы)ну своему Дмитрею бортники на онои сторонѣ Москвы... да лугъ противу города» (Дух. и дог. гр., 74.1433 г.) [200, 1, с.300]. К началу XVII в. данная лексема утрачивает терминологическую семантику.

Следует отметить широкое распространение бинарных наименований бортная земля, бортный ухожей в деловой письменности указанного периода. В первом словосочетании конкретизатор «бортная» делает его семантику прозрачной: «участок земли с бортным лесом»: А отъ бортной земли .л. коунъ бес треи коунъ (Р. Прав. Влад. Мон. о. 1114 г.); А се урочи судебнии; от виры 9 кунъ, а мятелнику 9 вѣкошь, а от бортной земли 30 кунъ, а от инѣхъ всѣхъ тяжь. (Правда Рус., 129. 1282 г.); Язь князь великий Олегъ Иванович придал есмь с(вя)тыи б(огороди)ци на Солодшу Савицкой остров с Холкавскою лукою перекопью з бортными ухожьи (Пам. Ряз., 81. XVII в. – 1390-1401 гг.); Велѣно... переписать на Сылѣ и на Ирени у татаръ и у остяковъ бортные ихъ ухожей и бобровы гоны (ААЭ 3, 84. 1614 г.); Въ томъ же приказе вѣдомы... и рыбные угодыя, и бобровые гоны, и бортные ухожей (Котош., 88. 1667 г.).

Понятия бортная земля с указанной семантикой и бортникъ в значении «пасека, пчельник» в древнерусской письменности четко дифференцировались. Так, в Жалованной грамоте Рязанского кн. Олега Ивановича Рязанскому Ольгову монастырю в 1356 г. зафиксировано: Далъ есмь святой Богородици дому. Арестовское село...с бортники и съ бортными землями... .ф. земль бортнъ а .е. погостовъ... а си вси погосты съ землями с бортными. (АИ, 1).

В «Материалах...» Г.Е. Кочина наименование бортный ухожей означает «бортъ, угодье бортное» [188, с.32, 378]: Далъ есми въ домъ светаго Спаса...свою вотчинную пустошь... со всѣмъ

покамѣсть плугъ ходиль и коса, и съ бортнымъ ухожеемъ (Дан. гр. Ниж. Вл.мон. 1399 г.); а сenni покосы и лес и з бортным ухожямъ и всякоя угодя вопче с памещики сы Иваном да с Павлом да с Онреям по дачем (Отказн. кн. 9-10. 1616 г.).

Бинарное наименование лѣс **бортный** имело терминологическое значение «лесное угодые с бортными деревьями», в котором конкретизатор **бортный** указывает на разновидность лесного угодыя: **А въ нихъ** (селах и починках) пашни чetyреста пятьдесятъ восемь четий, сѣна три тысячи копень, лѣсу черного рамени, опричь бортного лѣсу, пятьдесятъ пять десятинь (АЮБ 1, 71. 1643 г.).

В лексикографических материалах русского языка XVIII-XX вв. слово «бортъ» сохранило свое первоначальное значение.

**Бобръ**. По своему происхождению слово **бобръ** является общеславянским наименованием (ср. укр. *бібр*, др.-русск. *бебрь*, *бобръ*, болг. *бѣбрь*, *бобър*, *бебер*, сербохорв. *дѣбар*, словен. *bobar*, *bebär*, *brebär*, чеш. *bobr*, польск. *bobr*, в.-луж. *bobr*, *bébr*, н.-луж. *bober*), возникшим из индоевропейского удвоенного корня \**bhe – bhru* со значением «коричневый», «бурый» (ср. д.-в.-н. *bëro* «медведь», д.-в.-н. *brun* «коричневый», др.-инд. *babhrus* «коричневый») [207, 1, с.181]. По мнению И.И. Срезневского, форма **бобръ** вследствие чередования *o\е* развилось из **бебрь**, что означало «крупный грызун, ведущий полуводный образ жизни»; форма с гласным *o* отмечается в памятниках с XIV в. [205, 1, стлб. 125].

В «Материалах...» Г.Е. Кочина лексема **бобръ** представлена семантикой «пушной зверь; угодые». В значении «угодые» однокомпонентный термин **бобръ**, образованный путем метафорического переноса от **бобръ** с семантикой «пушной зверь», впервые зафиксирован в Летописи по Ипатьевскому списку в XIV в.: **а даю село...с бобрами** [188, с.29]; **А даль есмь святои Богородици дому Арестовское село... и съ бортными землями, и съ поземомъ, и съ озеры, и съ бобры, и съ перевѣсищи» (Грамм. Олег. Ряз. п. 1356 г.). **Болшимъ людемъ изъ монастырьскихъ сель...на неводъ ходити, пруды прудити, на бобры имъ въ осенинѣ поити, а истоки имъ забивати** (А. феод. землевл. 1, 180. XVI в. – 1391 г.)**

Следует отметить, что по всей территории древней Руси охота на бобров была ведущим промыслом сельского хозяйства, о чем свидетельствуют языковые факты памятников деловой письменности донационального периода. Так, от производящей основы *-бобр-* путем суффиксального способа словопроизводства образован широкий ряд дериватов: **бобровник** «ловец бобров», **бобровина** «мясо бобра», **бобровати** «охотиться на бобров», **бобровый** «принадлежащий бобру, относящийся к бобру» (**бобровый хвост**, **бобровое ожерелье**, **бобровые деревни**), **боброво~** «пошлина с бобрового гона».

Памятники деловой письменности XIV-XV вв. свидетельствуют об активном употреблении составных наименований, в которых в качестве



зависимого компонента (конкретизатора) используется суффиксальное образование от корня *бобр-* имя прилагательное *бобровые*: *бобровые берѣги, бобровые (бобровные) гоны, ловля бобровая, ловища бобровые, реки бобровые.*

Семантический центр данных субстантивных словосочетаний смещен в сторону атрибутивного компонента, который указывает на объект промысла – пушного зверя бобра. Субстантивный компонент данных составных наименований, объединенных семантикой «промысловые уголья» (береги, гоны, ловля, ловища, реки), указывает на место промысла: *А перевозъ и рѣки бобровые а то по давной пошлинѣ»* (Жал.гр.Сп.Яр.мон. до 1345 г.); *Да не вступается никто же...ни в волости ихъ и въ села ихъ, ни во всякие ловли ихъ ...и въ озерѣрехъ и о истокѣхъ и о бобровой ловлѣ»* (Уст.гр.м. Кипр. Конст. мон. 1392 г.); *Се язъ князь великѣй Борисъ Костянтиновичъ...далъ въ домъ святаго Спаса...всѣ озера... и съ падучими рѣками и бобровые гоны* (Жал.гр.Суд.в.к.Бор. Конст.Сп.мон. 1393 г.); *А опришные люди у нихъ въ тѣ рыбные ловли и в бобровые гоны и во всякие уголья не вступаются никто ничѣмъ* (Купч.Григ.Вас. XV в.); и купи Филипъ Григорьевъ... и по Кудмѣ въверхъ землю и воду, и пожни, и бобровые ловища, и всякыи уголья (ГВНП, 235, н. XV в.).

С этой же семантикой рассматриваемые бинарные терминомодели прослеживаются в актовой письменности XVI-XVII вв.: *И со всѣхъ съ сѣнныхъ покосовъ, и съ лѣсовъ, и съ рыбныхъ и съ звѣриныхъ ловель, и бобровныхъ гонов, и съ рѣкъ, и съ озеръ.....нашихъ ямскихъ и приметныхъ и оброчныхъ денегъ...имать не велѣли* (АИ 3, 127. 1621 г.); *Далъ въ домъ святаго спаса и святаго благовѣщенья свои рыбные ловли по Сурѣ рѣкѣ..... и заводи..... и бобровые гоны* (ААЭ 1, 7. XVI в.); и на рѣкъ Вольчи воды наехали они... на бобровой и на рыбной ловлѣ (АМГ 2, 380. 1654 г.).

В памятниках деловой русской письменности XV-XVI вв. следует отметить употребление многокомпонентного сочетания слов *береги бобровые гонити* и синонимичного бинарного наименования *бобры гонити* в значении «охотиться на бобров, заниматься бобровым промыслом»: *И они ихъ самихъ ещо имають и въ тюрьмы сажаютъ; рѣки, затоны ваши волочать и дерево бортное казятъ, и пчелы деруть, и береги бобровые гонятъ.....и иные шкоды многии нашимъ бояромъ и людемъ отъ нихъ ся дѣлають* (Польск.д. 1,268. 1498 г.). *Витебские и сурожские казаки...и рыбу ловятъ, и бобры гонятъ, и медь деруть и всякие...убытки дѣлають* (там же, 3, 320.1565 г.).

В современном русском литературном языке лексема «бобр» в значении «уголье» не регистрируется. В Толковом словаре русского языка

В.И. Даля отмечено бинарное сочетание «бобровый гон (гоны)» с семантикой «ловли, места, где речной бобр водится или ловится; некогда по всей России, а ныне почти нигде» [188, 1, с.179]. В современных русских народных говорах лексема «бобр» в интересующем нас значении не зафиксировано.

**Ловля.** Данное наименование, образованное от глагола \**loviti* – \**lovja* (ЛОВИТИ - ЛОВЛЯ) путем безаффиксного способа словопроизводства, является общеславянским по своему происхождению (ср. укр. *ловля*, бел. *лоўля*, сербохорв. *лфвља* «охота») [207, 2, с.509; 211, 16, с.109].

По «Материалам...» И.И. Срезневского, слово ЛОВЛЯ встречается в памятниках письменности периода русской народности со значением «охота, ловля». Г.Е. Кочин в своих «Материалах для словаря древнерусского языка» регистрирует данную лексему без указания ее значения, но прилагает список памятников письменности, в которых она зафиксирована [189, с.173].

Наши материалы позволяют уточнить семантику рассматриваемого наименования, представленную И.И. Срезневским. Так, в древнерусский и старорусский периоды развития языка слово ЛОВЛЯ имело следующий семантический объем: 1) охота, ловля; 2) место, где ловят рыбу; 3) улов; 4) орудие лова [200, 8, с.268]. Кроме указанных значений, оно широко функционировало с семантикой «угодье рыбное» и «угодье охотничье», которая возникла в результате сужения значения общеупотребительного слова, что обусловило расщепление данной лексемы на термины-омонимы в сфере охоты и рыболовства (см. охотничьи угодья).

Впервые в терминологическом значении «угодье» слово ЛОВЛЯ зафиксировано в Ярлыке хана Узбека митрополиту Петру в 1315 г.: Да не вступаются никто же ...ни въ волости ихъ и въ села ихъ, ни во всякия ловли ихъ, ни в борти ихъ [205, 2, с.39], в котором оно прослеживается в письменности XV-XVII вв.: А в Егорьевском погосте в Толвци великого князя ловли на Онеге озере и на островах, что были Николские Вяжицкого монастыря крестьян, которые в книгах Юрья Константиновича Сабурова не написаны (Писц. кн. Новг. з. 2, с.3. 1524-1525 гг.); И въ морьскихъ пожняхъ участокъ, и ... ловля, и путики, и ловища (АХУ 1, 4-5. XVII в.).

Следует отметить, что на всей территории Руси в указанный исторический период широко представлены бинарные наименования рыбная ловля, водная ловля с терминологическим значением «водное угодье»: А угодья, рыбных ловель, у Прокофья Кузмина сына Козодавлева в вопъчи с Китаем Скобелцыным з братьею... на Свире на реке в вобчих водах з земци писаны в опричной тетрате (Писц. кн. Новг. з. 2, 87. 1555 г.); Водные ловли на Кеми рекѣ (Кн. Солов. вып. креп. № 146 1, л. 36 об. XVI в.); съ сенныхъ покосовъ, и съ пустошей, и съ рѣкъ, и съ рыбныхъ ловель, и съ тоней самоедцкихъ, и с

пустошного оброку съ рѣкъ съ Колоколки и съ Пещаницы... оброчныхъ денегъ на 123-й годъ 25 р. 13 ал. (Кн. прих.-расх. Моск., 223. 1614 г.); рыбная ловля и с перевесы и с катцы один берег рѣчки Ветми (Отказн.кн. южновеликорус. 54. 1653 г.).

Кроме того, в письменности XV-XVII вв. функционировали терминомодели ловли морские, ловли озерские, ловли рѣчные, в которых конкретизаторы указывают на вид водоема, в котором находится угодье: Продали есмь...четверть лука, угодья своего, владѣнія за моремъ, въ Умбские волости..... и съ рыбными ловлями, съ рѣчными и съ морскими и съ озерскими (АЮ № 88. 1577 г.).

В севернорусской письменности указанного исторического периода также широко бытовали составные наименования водных промысловых угодий ловля вершняя, ловля езовая, ловля неводная, ловля торобная, в которых адъективный компонент указывает на используемое орудие лова в этих угодьях: И всего с вершной ... ловли и с реки Мондомы, что бьют заески, за рыбную ловлю...денежного оброку 10 рублей 28 алтын 2 денги (Ез. кн. К.-Бел. м. 1585 г., л. 1630 об.); Се яз Никита Семенов с. Соколникова, продал есмь своей купли черные деревни...езовые ловли, что на Онеге реке, через Онегу реку (АСМ, 249. 1571 г.); Се купи Федоръ Макаровъ у Кузмина сына малой рыбы ловлю у Чюболи, на Левкови води, участкъ его...и на Стрежни неводную ловлю и торобъную (Арх. Стр. 1, 19-20. XV в.).

Следует отметить, что конкретизатор составного наименования водного угодья мог указывать и на вид вылавливаемой рыбы: ЛОВЛЯ вьюновая, ловля мневая: Вьюновая ловля (АСМ 1, 159. 1559 г.); А преж того та была мневая ловля за Негодяевым отцем за Митькою за Васильевым...(Ез. кн. К.-Бел. м. 1585 г., л. 1628 г.).

Наряду с рассмотренными бинарными терминомоделями в русской письменности XVI-XVII вв. были распространены трехкомпонентные наименования водных промысловых угодий, в которых зависимые компоненты служили указанием на вид вылавливаемой рыбы: ловля красной рыбы, ловля малой рыбы: Се купи Федоръ Макаровъ у Кузмина сына малой рыбы ловлю у Чюболи, на Левкови води, участкъ его...и на Стрежни неводную ловлю и торобъную (Арх. Стр. 1, 19-20. XV в.); Отымають де у нихъ тѣ Еконские Лопари ихъ вѣчные угодья, красные рыбы ловли (ДАИ 4, № 143 1664 г.).

Следует отметить, что терминологические сочетания ЛОВЛЯ звериная, ловля бобровая, ловля выдряная, ловля лебединая, ловля нерпечья, ловля птичья в письменности указанного исторического периода относились к лексико-семантической группе охотничьих угодий. В данных моделях конкретизатор

актуализирует значение «разновидность промысла» (ЛОВЛЯ ПТИЧЬЯ, ЛОВЛЯ ЗВЕРИНАЯ), а также служит указанием на вид добываемого животного (птицы): Ненокоцкий посадъ и соляные промыслы и с оброчною с отхожею слободкою... с рыбными и со звериными ловлями... отказати Кирилову монастырю в вотчину (Гр. Дв. 1, 894. 1615 г.); Три луки и со всею Урскою губою... и съ бобровыми и звѣриными ловлями (Гр. жал. Кольск. Печен. м. 1675г.); И с онбаров, и за лебединую ловлю, и с мельниц денежного оброку 10 рублей 28 алтын 2 денги (Ез. кн. К.-Бел. м. л. 1630 об. 1585 г.); Мы, великий государь, царь и великий князь Михаило Федорович... пожаловали есмя... в нашем государстве... две трети волости... с рыбными, и з звериными, и со птичьими ловлями (Гр. жал. Двин. 1619 г.); На Лѣтней сторонѣ на Унскомъ рогу тони нерпечьи ловли (Гр. Дв. 2, 142. 1648 г.); ...а которые люди учнуть впередъ воровать... для бортныхъ ухожий и рыбныхъ и бобровыхъ и выдряныхъ ловель и всякихъ угодий ходить, и тѣмъ людѣмъ быть въ смертной казни... (там же, 2. 86. 1638 г.).

Современные лексикографические материалы не фиксируют рассмотренные наименования с указанной терминологической семантикой. Слово «ловля» со значением «место, предназначенное для лова рыбы» в «Словаре современного русского литературного языка» снабжено пометой «устаревшее» [203 6, с.314-315]. В современных новгородских говорах данная лексема сохранила значение «улов» [199, 17, с.102].

**Ловище.** Суффиксальное производное \*lovǐlie (ЛОВИЩЕ), образованное от глагола \*loviti (ЛОВИТИ) путем присоединения суффикса –iъi- (-ИЩ-) в пространственном значении, так же, как и слово ЛОВЛЯ, является общеславянским наименованием (ср. макед. *ловиште*, сербохорв. *ловиште* «место рыбной ловли», словен. *lovišče*, чеш. *loviště* «место охоты или рыбной ловли») [211, 16, с.108-109].

Впервые слово ЛОВИЩЕ в значении «место для звериной и рыбной ловли», по «Материалам...» И.И. Срезневского, отмечено в Повести временных лет, в 946 г.: И иде Вольга по Дервьѣсти земли..., оуставляюци оуставы и оуроки; суть становища еѣ и ловища [205, 2, с.38]. С терминологической семантикой «промысловое угодье», возникшей в результате сужения значения общеупотребительного слова, данная лексема прослеживается в XV-XVII вв.: А тыми острова, землю и водою, ловищами и тонями и пожнями володѣти игумену и всимъ старцемъ... и в вѣкы (Сев. гр. 151. 1459-1470 гг.); Се язъ, Марко... далъ землю и воду и ловища и пожни и лѣши лѣсъ и лѣшие озера (там же, 133. 1484-1502 гг.).

В письменности начального периода формирования русской нации данное наименование имеет следующий набор сем: 1) «место, где ловят зверей и рыбу»; 2) «охота, состязание как зрелище»; 3) «сеть, ловушка» [

200, 8, с.267-268]. Следует отметить, что терминологическая семантика данной лексемы чаще реализуется в бинарных сочетаниях, в которых конкретизатор служит указанием на разновидность промыслового угодья. Еще Г.Е. Кочин в своих «Материалах...» отметил, что ловища – «...угодья преимущественно звероловные, а иногда рыбные» [189, с.173].

Так, в терминомоделях ловище водяное, ловище воды, ловище рыбное зависимый компонент реализует значение «место ловли рыбы»: се купи филипъ григорьевъ. оу "ковли(х) дѣтеи оу нефедь". и оу смена. корельско наволокъ землю. и воду. и пожни. и рыбныи ловища (Гр. Дв., 133. XV в. (1557)); Се аз, Евдоким Иванов с. Ивонина, продал есми участок свои земли ...со всеми згоды...и с водяными ловищи... (АСМ, 93. 1549 г.); Се купи Юрьев Филиповъ сынъ...и пожни юрмольски и земли и пожни перевесища и ловища воды (Сев. гр. 164. 1498 г.); Продалъ есми... землю свою... и съ путики, и съ перевѣсьи и съ рыбными ловищи (АЮБ 2, 431. 1652 г.).

Когда речь шла о рыболовных угодьях, адъективный компонент мог выступать в качестве уточнения разновидности водоема, в котором были промысловые участки (ловище озерское, ловище речное): Се яз, Овдоким Иванов...продал участок свои земли...со всеми згоды...и с водяными ловищи с речными и с озерскими... (АСМ, 93. 1549 г.); Се яз Никита Семенов... ..продал есми своей купли черные деревни...и с озерскими ловищи и с речными, и заборными водами (Кн. Сол. вотч. креп. № 146, 1, л. 111. 1573 г.).

Как было отмечено выше, слово ловище в старорусский период письменности могло выступать в сочетании с адъективным компонентом, актуализирующим семантику «охотничье угодье». Так, в терминомоделях ловище бобровое, ловище нерпяное конкретизатор указывает на разновидность промыслового животного: Се купи Филип Григорьевъ ... землю и воду, и пожни, и рыбные ловища, и всякии угодья ... и бобровые ловища и на озерѣ ловля рыбная (Арх. Стр. 1, № 18. XV в.); И съ озерскими ловищи и съ речными тонями... и нерпяные ловища (Арх. Стр. 1 № 234. 1568 г.).

В современном русском языке наименование «ловище» относится к пассивному словарному запасу. Так, в «Словаре современного русского литературного языка» в значении «место, где занимаются ловлей рыбы, птиц и др.» оно отмечено как «устаревшее» [203, 6, с.312]. В псковских, тверских говорах данная лексема функционирует с семантикой «отмель на озере, на которую поутру собирается рыба» [199, 17, с.101].

**Отъѣздъ.** Данное наименование, образованное аффиксальным способом словопроизводства с помощью присоединения к производящей основе *-ѣзд-* приставки *отъ-*, восходит к общеславянской форме *\*jězď* (*\*jězda*) – «действие по глаголу *exatъ*, которое общепринятой этимологии не имеет» [209, 1, с.282; 207, 2, с.10-11; 208, с.123]. Древнерусское слово

ѣздъ - «езда», «путь» впервые отмечено в Повести временных лет с XII в. [205, 3, стлб.1621-1622].

В «Материалах...» Г.Е. Кочина данная лексема не представлена в тематической группе «Угодья», а деминутив отъездець только иллюстрируется примером: **А се Дмитровския волости Вышегород, Берендеева слобода, Лутоска с отъездьцем Инобаш»** [189, с.226]. Наши материалы позволяют уточнить терминологическое значение этой лексемы.

В письменности донационального периода слово отъѣздъ было многозначным: 1) отъезд, выезд; 2) таможенная пошлина за выезд с товарами; 3) отдаленное владение, угодье, место промысла, торговли; 4) действие по глаголу *отъезжати* [200, 14, с.69-70].

В интересующем нас третьем значении оно функционировало на территории Севера и Центра Руси: **Въ отъѣздѣ въ заповѣдныхъ поляхъ 40 десятин, и тоѣ заповѣдныя земли Иванъ Муромцевъ съ братьею... въ помѣстье не взяли** (Кн. п. Моск. 2, 1550 г.); **И живучи намъ на монастырскихъ службахъ и на промыслѣхъ, и въ отъѣздѣ, и въ деревняхъ некоторому брату, ни служкѣ...никогого товару не держати** (Арх. Стр. 2, 62. 1605 г.); **А будеть я Федоръ...у него...работать не станемъ, или въ отъѣздѣ для его хозяйского промысла не поѣду...** (АЮБ 2, 35. 1686 г.); **А вамъ бы кречетовъ своихъ промѣривать к дикому ѣздить в отъѣздѣ подале а челигами всѣми около Москвы промышлять** (Писц. к. Матюшкину, 31. XVIII в. – 1650 г.).

Терминологическая семантика «отдаленное промысловое угодье» возникла в результате метонимического переноса наименования действия на территорию, где оно происходит.

В письменности указанного периода следует отметить распространение синонимичной описательной терминомодели мѣсто отъѣздное, в которой конкретизатор служит указанием на то, что промысловое угодье находилось в отдалении от основных земель: **И вотчина твоя. серпоховъ. и иная мѣста и отъѣздная мѣста** (Гр. 1390 1, моск.); **А чимъ мя благословилъ отецъ мой... в городѣ Москвѣ и въ станѣхъ 2 жеребья... и Можаетскъ с волостми и отъѣздными мѣстами, и (вся)ким княженьемъ** (Дух. и дог. гр., 31. 1389 г.); **и семьдесятъ руб. бес трех а с отъѣздных мѣстъ семьдестъ руб. без дву** (там же).

В XVIII-XIX вв. слово отъездъ (отъездець) постепенно утрачивает свою терминологическую семантику. В словаре В.И. Даля зафиксировано описательное словосочетание «отъезжие угодья» как «...дальние, куда для пашни, жнитва, покосу уезжают на дни и недели; отхожие» [188, 2, с. 1262].

В современном русском языке данное наименование в значении «отдаленное промысловое угодье» принадлежит пассивному словарному запасу.

Исходя из вышесказанного, лексические единицы ПУТИКЪ, перевѣсище (перевѣсье), борть, бортьникъ, бортище с доминирующим семантическим компонентом «вид промысла» (в нашей классификации – «способ использования земельного участка») по своему происхождению являются собственно русскими номинациями.

С помощью метафорического переноса первоначального значения в терминологию промысловых угодий вошли наименования ПУТИКЪ, перевесье, борть, бортник; путем морфологического способа словопроизводства, в частности, суффиксации, образовались термины бортище, ловище, перевѣсище, лѣсець, лесокъ.

Следует отметить параллельное функционирование терминов-омонимов ЛОВЛЯ, ЛОВИЩЕ с семантикой «угодье охотничье», «угодье рыбное» в составе терминологии сельскохозяйственных угодий.

Что касается бинарных наименований, то главная роль при определении их терминологической семантики отводится адъективному компоненту (конкретизатору), который указывает на вид угодья по одному из признаков (ловля лебединая, ловище водное и др.).

### 3.3.2. Наименования подсобных угодий

Проанализированная нами лексико-семантическая группа включает в себя 13 однословных наименований.

**Гумно.** Древнерусское слово ГУМНО восходит к общеславянскому \**gumьno*, где \**gu-* этимологически тождественно \**govedo* (русс. говядина), а \**тьno* означает «место, где мнут (молотят) хлеб, вытаптывая его с помощью крупного рогатого скота» [117, с. 14]. Такой способ молотьбы известен как архаический: в некоторых славянских говорах до недавнего времени глагол «мять» употреблялся в смысле «молотить ногами».

В древнерусском языке лексема ГУМНО в значении «хозяйственная постройка; ток» отмечена с XI в. и прослеживается в последующие периоды развития русского языка, преимущественно на территории Русского Севера: Аже зажъжетъ гумно, то на поток и на розграбежь домъ его, переди пагубу исплатить, а въ прочи князю... (Правда Рус. (пр.), 131. 1282 – XII в. (1540); И въ той де деревнѣ сынъ еѣ Осташка дворъ себѣ построилъ и на дворѣ .. и гумно поставилъ (АЮБ 1, 573. 1697 г.).

С терминологической семантикой «подсобное угодье с хозяйственными постройками» слово ГУМНО и его дериваты в уменьшительном значении гуменко, гуменцо, гуменце также широко распространены в актовой письменности старорусского периода: Се язъ, Игумен Христофор, купил есми у Микиты у Андреева пожню...да гуменцо к той же пожни на старую между (АСВР 2, 39. XVI в. – 1428-1434 гг.); За нимъ же въ пустошахъ въ гуменкахъ дикого поля 29 четей (Ряз. п. кн. 1, 356. 1598 г.); я, Алексей, тому Семену заложил и подписал половину деревни Пахомова...а вне двора...баня, да и с

овином, и гумно, и со гуменником, да и сенных покосов половина, да пожни у двора, да в поскотине половина, да и колодец, да и со всеми угодыи (АПД № 53, л.3, с. 220. 1681 г.); Се яз, Макар, променял тому Якову на четверть деревни... свою треть деревни Матфиевские...и з гумном, и со гуменником (там же); Да Ивану з делу на треть досталось гумно и овин в горной поле...покамест Иваново гумно захватит Елфимиевы земли. И мне, Ивану, отдати Елфимью своей земли столько ж в ту меру, сколько гумно зхватит (там же, с.227. л.15. 1681 г.).

Терминологическая семантика у данного наименования возникла в результате метафорического переноса первоначального значения «хозяйственная постройка» на место, которое она занимает. В рамках нашей классификации можно его охарактеризовать как термин культивируемых подсобных угодий.

Слово «гумно» принадлежит активному словарному запасу современного русского языка в значении «огороженное место, где складывается сжатый хлеб» [203, 4, с.158].

**Паства.** Образованная от глагола «пасти», лексема **ПАСТВА** считается общеславянской по происхождению (ср. укр. *пасти*, болг. *паса*, сербохорв. *пасти*, словен. *pasti* «подстергать, наблюдать, стеречь, пасти», чеш. *pasti* «пасти, сторожить», польск. *pasc* и др.) Первоначально она означала «охранять, беречь», затем «присматривая, кормить» (скот на пастбище) [207, 3, с.215].

В «Материалах...» И.И. Срезневского и Г.Е. Кочина суффиксальное производное **ПАСТВА**, образованное от основы *-паст-* и суффикса *-в-*, зафиксировано в 4-х значениях, одно из которых – «пастбище». В соответствии с нашей классификацией, данную лексическую единицу можно отнести к терминам некультивируемых подсобных угодий, которая впервые с терминологической семантикой «угодье для выпаса скота; выгон, огороженное место для пастьбы скота» отмечена в Новгородских и Двинских грамотах XIV-XV вв.: Пожни и страдная земля и паства [205, 2, стлб.883; 189, с.229] и прослеживается в актовой письменности XVI-XVII вв.: У нашия деревни Холмовские паственные городь розскли... а выпустили у насъ ись паствы деветеро коней... и пашни, господине, у насъ въ паствѣ называютъ своими (АХУ 2, 570. 1606 г.).

Однако в русской письменности слово «паства» наиболее распространено в значении «стадо» и употреблялось в образных выражениях, переносном значении: паства Христова; должень есть васъ пасти и оучити. порученную паству (СБУ.64 об. XIV в.) и др.

Наряду с термином подсобных угодий **ПАСТВА** в старорусской актовой письменности широко распространен его абсолютный однокоренной синоним **ПАСТБИЩЕ** (пазбище, паздбищо): А пашни



у тяглыхъ дворовъ пашутъ ниву въ пазбище на Цареве и великого князя земле (Кн.пер.Шелон.пят. 2, 328. XVIII в. – 1551 г.); Да у Нечая жъ у Бутурлина паздбищо въ Зуевскомъ (там же, 445. 1571 г.); Подлн городецкое пастбище (Псков.п.кн. 2.1587 г.); И г(о)с(у)даревых лошадей в пазбище в дву пригонах заборы починил же (Арх.Толстого, № 152, сст.48. 1699 г.).

По своему происхождению данный термин является собственно русским суффиксальным образованием, возникшим в результате присоединения к производной основе *пастб-* суффикса *-иц(е)* со значением места и образованным от отглагольного существительного «пастьба», производного от *пастн* с суффиксом *-ьб-а*.

В письменности XVIII-XX вв. рассматриваемая лексическая единица принадлежит активному словарному запасу русского народа, сохраняя свои древние значения.

**Поскотина (подскотина).** Собственно русское слово **поскотина (подскотина)**, отмеченное Г.Е. Кочиным и И.И. Срезневским с семантикой «выгон для скота, пастбище», широко распространен в деловой письменности XVI-XVII в.в.: Да по то и же земли у моря в Солокоскахъ пожни, что истари Иванъ владѣлъ, да по тои же половины поскотина, гдѣ животу ходити. Гр. Дв. I, 229. 1581 г... Пришзжали..... неприятелские воинские люди и отгонили изъ поскотинь... конной табунь...(ДАИ XII, 107.1685 г.).

Впервые данный термин с семантикой «выгон» зафиксирован в Новгородских купчих грамотах XIV-XV вв.: Въ ту поскотину скота не пуцали, поскотина у нихъ своя. [205, 1, стлб.1235].

Лексико-фонетический вариант **ПОДСКОТИНА** с указанной терминологической семантикой отмечен в актовом письменности XVI-XVII вв.: Половину двора и дворища, и орамышъ земель, и поженъ половину...и съ подскотиною (Арх. Стр. 1, 1532 г.); И каковы угодыя и санные покосы и под скот подскотины, где б мочно скоту ходить, чтоб государеву хлебу ржи и яри протравы не было (Гр. Сиб. Милл. 2. 245. 1618 г.). Данная лексическая единица возникла в результате присоединения к производной основе *скотин-* продуктивной приставки *по-* (*под-*), ставшей приставкой в слове в результате суффиксации предложно-падежной формы *под скотиной*.

Наряду с данной лексемой в качестве ее грамматического варианта выступает словоформа **ПОСКОТЬ**, образованная префиксальным способом морфологического словопроизводства: продуктивная приставка *по-* присоединяется к производящей основе *-скот-*: А поскоти у насъ съ Иваномъ по половинамъ съ Оврамьевымъ...(А. Уст. 1,112, 1517 г.); а та деревня над рекою над Шарденгою, да и с путики, и с притеребы, с ловищи, и с езовищи...да в поскотине – четверть, да и со всеми угодыи (АПД №53, л.16, с. 228. 1681 г.); да

в полях логу – сенные покосы, да и в поскотине – половина, да и колодец, да и со всеми угодыи...чем я, Кирило, владел (АПД с.225, № 53, л.12. 1681 г.); поскотина у них – вопчая на бору с устюжскими и с усольскими крестьяны (АПД № 64. л.66., с. 253 1672 г.).

Следует отметить, что в донациональный период развития русского языка термины подсобных земельных угодий паства, пастбище по отношению к слову ПОСКОТИНА являлись разнокоренными синонимами. Слово «поскотина (подскотина)» в отличие от наименования «паства, пастбище» в терминологическом значении «угодьё для выпаса скота; выгон, огороженное место для пастьбы скота» слово «поскотина (подскотина)» имело более широкий ареал распространения, о чем свидетельствуют данные современных северных и северо-западных русских говоров.

В деловой письменности XVI-XVII вв. наряду с указанными терминами названий угодий для выпаса скота также широко бытовала синонимичная лексема ВЫПУСК, в сочетании с конкретизаторами «животинный», «скотинный»: у крестьянина взял лошадь для того, чтоб скотинного выпуска в вытное тягло не написал (АПД № 16, л.39, с.87.1680 г.); Григорей Дмитриев продал... владенье братьей своих...з дворами и з дворовым строеньем ...з животинными выпуски, и с санными покосы, и с лесами, и со всякими угодыи, чем владел отец его (АПД № 47, л.8, с. 199 . 1680 г.). Мы согласны с точкой зрения В.С. Цаценко, который утверждает, что в XVII в. употребление номинации ВЫПУСК свойственно Воронежской и Рылской области [172, с.12].

В современном русском литературном языке лексема «поскотина» с пометой «областное» сохраняет свое первоначальное значение. Широко она распространена в севернорусских диалектах. Так, в костромских говорах «поскотина» означает «сенокосное угодьё, используемое после сенокосов под выгон», в архангельских – «луг, специально отведенный под пастбище для скота» и др. [199, 30, с.168-170].

Дворище//. Древнерусское слово дворище, образованное путем суффиксального словопроизводства с помощью присоединения к производящей основе –*двор*- суффикса –*ищ*- в пространственном значении, по своему происхождению является общеславянским наименованием (ср. укр. *двір*, блр. *двор*, сербохорв. *двѣр*, словен. *dvor*, чеш. *dvur*, польск. *dwor*, в.-луж., н.-луж. *dwor*) [207, 1, с.489].

В письменности донационального периода слово дворище либо являлось абсолютным однокоренным синонимом лексемы дворъ с семантикой «огороженный участок земли, где находятся жилые и хозяйственные постройки», либо означало «место, где был двор»: Даль есмь въ домъ святому Николи... в Чюхченему..... дворъ и дворищо, орамую землю (Дух.Вас.иг.ок. 1350 г.); писалъ Николскои площади на дворищахъ, сидя на съѣжжatomъ

двори (Обв.меж.зап. 1491 г.). В данном случае двор и дворище не являются равнозначными понятиями.

Впервые слово дворище зафиксировано в Новгородской 3 летописи, в 1030 г.: Церковь каменная Николая Чюдотворца яже и донинѣ словеть Ярославле дворище [205, 1, стлб.642].

В «Материалах...» Г.Е. Кочина данная лексема зарегистрирована с семантикой «место расположения двора, усадьба» [189, с.89]. Исследуемые древнерусские тексты позволяют классифицировать слово дворище в данном значении как термин, относящийся к группе земельных подсобных угодий, в котором оно прослеживается в старорусской актовой письменности: Се азъ князь великии Гавриль, нареченыи Всеволодь..., поставилъ есми церковь святыи великыи Иванъ на Петрятинѣ дворище (Гр.кн.Всевол. д. 1136 г.); Владыка Давидъ заложи церковь камену в Неверьскомъ конця, на своемъ дворищи (ЛН, 314. 1312 г.); Микитино дворище (Жал.гр. Казим.Пол. 6 сп. 1340 г.); Дворище Жяворонковича (Купч. 1400 г.); Се купи...поль дворища и поль огородца на гори (Новг.купч. XIV-XV вв.).

Как уже было сказано выше, суффикс *-ище-* в интересующий нас исторический период актуализировал в слове пространственное значение или служил указанием на что-либо ранее находившееся в определенном месте, по отношению к настоящему времени: А пустыхъ дворовъ тяглых 71 дворъ да дворищъ пожарныхъ 25...(ААЭ 1, 187. 1546 г.); А дворищные земли у насъ Ивана и Михайла межъ себя вдоль и поперегъ отъ прохзжей улицы (АЮБ 1, 648. 1682 г.); Я, Алексей, тому Семену заложил и подписал половину деревни Пахомова...землю з двором и з дворищем (АПД № 53, л. 3, с. 220. 1681 г.). Следует отметить, что на таком месте мог быть пустырь или сенокосный участок : Да в Соколье губѣ дворище варничное, а косятъ ныне на томъ дворище сѣно (Гр. Кольск., 476. 1609 г.).

В XVIII-XX вв. рассматриваемая лексическая единица сохраняет семантику «место, где был двор» [196, 1, с.562; 203, 4, с.595], однако постепенно выходит из употребления. Так, с пометами «историческое», «областное», а также «увеличительное от *дворъ*» она отмечена в Словаре русского литературного языка.

Таким образом, в соответствии с нашей классификацией слово дворище относится к терминам некультивируемых подсобных угодий.

**Остожье.** Собственно русское суффиксально-префиксальное образование **ОСТОЖЬЕ** развилось из древнерусского **СТОГЪ** «куча; кладь сена или хлеба» путем присоединения к производящей основе префикса *о-* суффикса *-j-* в собирательном значении. В результате действия процесса первой палатализации конечный корневой согласный «г» перед гласным передней зоны образования *ь* изменился на *ж*.

Впервые слово **ОСТОЖИ**~ с семантикой «покос мерою в стог сена» зафиксировано в купчей грамоте от 29 марта 1453 г.: **За Шоксноу два остожья ямища** [205, 2 стлб.741].

Г.Е. Кочин регистрирует его в терминологическом значении «место, где складывается стог; земельная мера сеного уголья» [189, с.222]. Данная семантика является вторичной, образованной с помощью метафорического переноса значения «земельная мера, покос мерою в стог» на название места, где эти стога складываются.

В старорусской письменности по всей языковой территории Руси данная лексическая единица употреблялась в трех значениях: 1) «земельная мера», 2) «специально оборудованное место (с подмостками) для хранения стогов сена и кладей хлеба», 3) «изгородь». Во втором значении, являясь термином подсобных угодий, рассматриваемая лексема активно употребляется в актовой письменности XVI-XVII вв.: **Дано найму 10-мя человеком в Мелегижи чистили остожья на пожнях** (Кн.прих-расх. Тихв. 1, 156 об. 1592 г.); **У Шехирева косити на Троицу... и в остожье не ставить не згноить** (Колл. Зинченко. № 32 сст. 1. 1633 г.); **Да въ октябрѣ же ..... изъ другоу остожья сѣна жъ моего свезли девятнадцать копень** (АХУ 3, 333. 1665 г.); **яз против своей земли на речной подошве сено косил, и остожье мое стоит** (АПД № 47, л. 234, с.374. 1685 г.)

Наряду с **остожье** с указанной выше семантикой употребляется деминутив **остожице** (**остожеице**), **остожишко**: **Купиль у Фрола Остафьева пожню на Счучѣ, другая верхнее остожейцо на той же** (АИ 1, 303, 1556 г.); **Да пожни свои рощисти в Лопалохте от Григорьевских варниц з Двинскую сторону против бывшей Соловетцкой тони в лес шесть остожишок да за Красным Бором на истоке четыре остожица за пять рубля»** (Д. опричн. 447. 1569 г.). В этом же памятнике письменности отмечена лексическая единица **остожище** с пометой «увеличительное» к **остожье**, где суффикс *-ищ-* содержит субъективную оценку и одновременно указывает на пространственное значение: **За Красным Бором на истоке четыре остожища** (там же).

В современном русском литературном языке «остожье» и его морфологический вариант «остожина» с интересующей нас семантикой не употребляются.

**Лѣтовище, зимовище.** Производные суффиксальные образования **лѣтовище, зимовище**, являющиеся разнокорневыми антонимами, возникли путем присоединения к основе **лѣтов-** (**зимов-**) собственно русского суффикса *-ищ-* (*-е*) в пространственном значении. Наши материалы позволяют классифицировать рассматриваемые лексические единицы как подсобные уголья.

В «Материалах...» Г.Е. Кочина слово лѣтовище относится к тематической группе «угодья» [189, с.171]. Впервые оно с семантикой «летняя стоянка» зафиксирована в Ярлыке хана Менгу Тимура в 1267 г.: Или что церковныя земли, воды, огороды, винограды, мелницы, зимовища, лѣтовища, да не замають ихъ [205, 2, стлб.78].

Наряду с лексемой лѣтовище в памятниках письменности донационального периода употребляется морфологический вариант лѣтовье в значении «место летнего промысла»: Был я сирота твои и него Якова на покруте на соболином промыслу и на летовье рыбу ловил и юнолу сушилъ и въсякую работу робил с товарищи въмѣсте (Якут. а., карт. 4, №3, сст.10. 1642 г.) [200, 8, с.219] Онъ же... приходилъ украдомъ, лѣсомъ къ нашему лѣтовью, гдѣ мы, холопи твои, рыбу промышляли (ДАИ, 3, 212. 1649 г.).

Кроме того, в деловой письменности XVI-XVII вв. лѣтовище определяется как «место, где пасется скот»: А въ межахъ та деревня съ Одреевою землею отъ Воздвиженския рѣчки по огороду по поскотинному промежъ лѣтовищи (А. Уст. 1, 64. 1541 г.). [200, 8, 218].

В XVIII в. данная лексема сохраняет первоначальное значение [196, 3, с.1366].

Место зимней стоянки кочевых народов Г.Е. Кочин определяет как зимовище [189, с.128]. С данной семантикой лексема впервые зарегистрирована в Лаврентьевской летописи, в 1199 г.: Половѣци же слышавшее походъ его. бѣжаша и с вежами к морю. кнѣзь же великих одивъ по зимовищем ихъ [205, 1, стлб.979]. В исторических актах XVII в. в качестве морфологического варианта слова зимовище отмечено суффиксальное образование зимовье с рассмотренной выше семантикой: А промышленные де люди жили въ Тугурскомъ зимовьѣ для своихъ соболиныхъ промысловъ (ДАИ 12, 97. 1685 г.).

Термины подсобных культивируемых лѣтовище и зимовище также были широко распространены с семантикой «место сезонного промысла (промысловой охоты)»: Или что церковное: земля, вода, огород, мелница, зимовища, лѣтовища, да не занимають ихъ ; яжь будут поимали, и они да воздадутъ назадъ (Хан. Ярл., 97. XVI в.) [200, 8, с.218].

В современном русском литературном языке данные образования относятся к пассивному словарному запасу. В современном русском литературном языке с пометой «устаревшее» слово ЗИМОВИЩЕ сохраняет свое древнее значение «место, где зимуют» [203, 4, с.1227].

Следует отметить, что в вологодских говорах «летовище (летовье)» сохраняется в указанном выше значении; что касается наименования «зимовище (зимовье)», то с интересующей нас семантикой в русских

народных говорах оно отсутствует.

Таким образом, рассмотренные лексемы со значением «подсобные угодья» по своему происхождению являются собственно русскими наименованиями. Терминологическую семантику они приобрели с помощью морфологического способа словопроизводства, в частности, суффиксации (пастбище, летовище (летовье), зимовище (зимовье), дворище) и префиксации (поскотина (подскотина)); путем метафорического переноса исходного значения образован термин **ГУМНО** с семантикой «угодье для выпаса скота».

### 3.3.3. Наименования сенокосных и пашенных угодий

Наименования пашенных и сенокосных угодий в нашей классификации объединяет признак «способ использования земельного участка». Следует отметить, что эта лексико-семантическая группа была достаточно многочисленной. Мы проанализировали 12 однословных и 15 составных терминомоделей с точки зрения их происхождения, словообразовательной и семантической структуры, установили лексико-семантические отношения в составе терминологии сельскохозяйственных угодий.

В данной работе мы рассматриваем параллельно обе лексико-семантические группы в связи с тем, что большинство наименований таких земельных участков могли использоваться как для сенокосения, так и для посадки различных сельскохозяйственных культур. В задачи нашего исследования не входит полное изучение всей лексики со значением «участок земли, пригодный для сенокосения или годный под пашню», т.к. большинство однословных и составных терминов земледелия уже неоднократно рассматривались исследователями истории русского языка. Поэтому мы ограничимся кратким анализом исследований земледельческой лексики со значением «сенокосные и пашенные угодья».

В лексико-семантическую группу терминов **пашенных угодий** по признаку обрабатываемости входят наименования **ПАШНЯ, НИВА, подсека, росчисть, россечь** и др. В результате изучения материалов научных исследований об истории сельскохозяйственной лексики, нами было установлено, что данные лексемы рассмотрены с этимологической, структурной, функциональной, генетической точки зрения, также проанализирован их семантический объем в донациональную эпоху и установлен ареал их распространения [128, с.195; 152, с.76]. В нашей работе мы уточним терминологическое значение данных наименований в XVI-XVII вв.

В своих диссертационных работах С.В. Репневская и Т.В. Стась установили, что синонимичные образования **РОСЧИСТЬ** «лесной участок, расчищенный для посева или сенокоса», **РОССЕЧЬ** «вырубленное и расчищенное под пашню место в лесу», **ПОДСЕКА** «вырубленное, расчищенное под пашню место, росчисть» относятся к терминологии подсечно-огневого земледелия, которое в период XV-XVII вв. постепенно

заменялось подсечно-пашенной системой [128, с.5-6; 152, с.22].

Мы согласны с мнением этих лингвистов в том, что ареал данных наименований охватывает значительную территорию Севера, Северо-Востока, Северо-Запада Руси. Как известно, на севере и востоке Руси донационального периода хозяйства и посева были преимущественно на рощистях, т.к. там распространены сплошные леса, кроме того, зола в то же время служила удобрением для этих посевов.

К терминологии пашенного земледелия С.В. Репневская относит синонимичные номинации **ПАШНЯ** «вспаханное поле, земля, годная под пашню», **НИВА** «поле, обработанное для посева; пашня», **НИВКА** «небольшой участок пахотной земли», **РОСПАШЬ** «поле, обработанное для посева», а также указанные выше лексемы **росчисть**, **россечь**, **подсека** и др. [128, с.5-6].

Наши материалы позволяют уточнить ареал распространения данных наименований в письменности XVI-XVII вв. Мы считаем, что эти номинации широко на всей территории Руси: То, господине, розсчи и покосы Кочевинские, а отцы наши, господине, да не мы.. т h по обh стороны рhки Дону пашни паханья, и перелогомъ, и дикого поля доброго землею четьряста чети въ полh (Дон. д. 4, 821.1625 г.); Пашни паханые – худые земли 14 чети с получетвериком в поле (АПД № 5, л. 15, с.33. 1671 г.); Во Псковh жъ на Завеличьh, за Великою рhкою, нивы бhлыя, а не оброчныя (ААЭ 3, 189. 1623 г.); А будетъ кто ниву розчыщаячы дерево бортное...пожаромъ палиль...за то ему дерево платить (Доп. суд., 80. XVII в.); А впредь с тое нивки и поженки в государеву Казку оброкъ платить ему, Тимофhю, по книгам (Кн. Поганкина, 51. 1648 г.).

Следует отметить активное функционирование бинарных наименованиях **НИВА ОТХОЖАЯ** «пашенное угодье, расположенное вдали от основных земель», **НИВА ЗАПОЛЕЧНАЯ** «труднообрабатываемый участок пашни за общим полем» конкретизаторы указывают на местоположение сельскохозяйственного объекта. Так, адъективный компонент «отхожая» актуализирует периферийное значение «находящийся вдали от чего-л.», а в структуре зависимого компонента «заполечная» на первый план выступает сема «находящийся за полем»: А ныне того селище одно поле дано въ отмень противъ заполечной нивы (Кн. п. Моск. 2, 382. XVI в.); Пашни въ поле 2 выти...да отхожие 3 нивки (Кн. пер. Шелон. пят. 2, 680. 1676 г.).

Кроме указанного значения, термин **НИВА** в этот период развития языка имел метрологическое значение «единица площади пахотной земли, величиной в десятину и более»: Накинута на твое царское богомолье...на Боршевъ монастырь нива тягла...(Дон. д. 4, 329. 1649 г.) В таких случаях употребления лексемы мы говорим о ретерминологизации наименования в нескольких отраслях деятельности, что находит отражение в сельскохозяйственной и метрологической

терминологии.

Наряду с рассмотренными терминами культивируемых земельных угодий на территории Руси в XVI-XVII вв. отмечается функционирование лексемы **ПАХОТА**, представленной следующим набором значений: 1) «обработка земли, использование ее под сельскохозяйственные культуры, распашка»; 2) «вспаханная земля; пахотный участок, нива, поле»; 3) «пахотные земли, запашка» [200, 14, с.177].

Наши материалы позволяют уточнить ее семантику. Так, в указанный исторический период слово **ПАХОТА**, являясь синонимом к лексическим единицам **НИВА**, **ПАШНЯ** и их дериватам, имело терминологическое значение «разработанное земельное угодье»: **А велъ ли съ монастырьской плужной пахоты крестьяномъ хлѣбъ ржаной и яровой жать** (АИ 5, 300. 1688 г.); **А оброку съ тоѣ пустоши смѣтя по пахоти...** взято 10 алтынъ (Кн. ям. новг., 180. 1624 г.).

В современном русском языке данная лексема в указанном терминологическом значении принадлежит пассивному словарному запасу

Наряду с данными лексическими единицами в старорусской письменности, в рамках северо-западного ареала Руси, было распространено наименование **ПРИПАШЬ** в терминологическом значении «угодье; добавочный участок пахотной земли», в котором приставка *при-* актуализирует значение «присоединение к чему-л., добавочная пашня»: **А променял яз, Яков, тому Макару...свою четверть деревни... и з гумном, и з гуменником...да и с путики, и с притеребы, и с ловищи, и с езовищи, да и с припашми, и с лесами, и с новинами, да и с пожнями** (АПД № 53. л. 16, с. 228. 1681 г.).

Кроме того, синонимический ряд **пашня-пахота-нива-припашь**, объединенный гиперсемой «угодье», дополняет номинация **НОВИНА** «земельное угодье для посева, которое распахивается впервые» и ее деминутив **НОВИНКА**, в котором суффикс *-к-* актуализирует уменьшительное значение: **И Микула Паръфеньевъ...поймался за ...Микулины Чиркова новины, да за Чепелеву поляну, а зовучи тѣ земли княгиниными Офросиньиными землями** (АСВР 1, 185 ок. 1456 г.); **Продалъ есми на Двине... росчисть, свое посилье, новины в трехъ местехъ** (Гр. Дв. 1, 661. 1627 г.); **Роспаши за Кулуискимъ посадомъ у межи горнеи дороги орамои земли и прикупнои Лазаревскои новинки, и поженки вверхъ от посаду Кулуиского** (Гр. Дв. 2, 334. 1693 г.).

Контекстный анализ бинарных наименований **причистная новина** «впервые расчищенный из-под леса участок земли под пашню» и **причисть новинная** «добавочная росчисть, впервые расчищенная под пашню» позволяет нам сделать вывод о том, что указанные понятия, имея равноценный семантический объем, были взаимозаменяемыми: **А писали**



, государь, они, писцы, средние земли (въ добрые), а плохие въ средние земли, и новинные однохлбные причисти, и лхсы...съ полевыми землями врьдъ (Писц. д. 2, 395 . 1643 г.); Подлхсного поля 9 саж. 2 чети..... да мелничной ровняди и с причистой новинкою 24 саж. 2 чети (Вер. кн. 2, 126 об. 1646 г.).

Следует отметить активное употребление составных терминомоделей со стержневым компонентом **ПАШНЯ**, которые были распространены на всей языковой территории Руси старорусского периода. Для уточнения их терминологической семантики большую роль играет адъективный компонент. Так, в составном наименовании **ПАШНЯ паханая** в значении «культивируемое земельное угодье» конкретизатор **паханая** указывает на обработанность данного сельскохозяйственного угодья: Дано им из пуста в жило...Пашни паханые – худые земли 14 чети с полчетвериком в поле, а в дву – по тому ж (АПД, с. 33 №5 л. 15.1671 г.); Пашни паханые средние земли – 23 чети с осминою...а оброку – 9 алтын полпяты денги (АПД №39, л.105, с.181. 1677 г.).

Мы полагаем, что слово **ПАХОТА** и сочетание **ПАШНЯ паханая** были взаимозаменяемыми в письменности северного ареала Руси, что позволяет сделать вывод об их синонимичной семантике: Пашни паханые, что пашуть на монастырь, 33 десятины... да крестьянские пахоты 9 десятинь (Вып. из писц. кн. Тамб. арх. 21, прил., 15. 1640 г.).

В группу культивируемых угодий можно отнести номинацию **ПАШНЯ новоросчистная** «вновь распаханное земельное угодье», в которой адъективный компонент актуализирует дополнительное временное значение (корень *-нов-*): И всего пашни...100 ч. въ полх ... да новоросчистные пашни межъ усадного лхсу на полянх 3 ч. съ осминою (Ряз. п. кн. 3, 784. 1629 г.).

В синонимичных терминологических словосочетаниях **НИВА отхожая**, **ПАШНЯ отхожая** «отдаленное от чего-либо земельное угодье» адъективный компонент **ОТХОЖАЯ** указывает на месторасположение земельного участка относительно основных угодий: Пашни въ поле 2 выти...да отхожие 3 нивки (Кн. пер. Шелон. пят. 2, 680. 1676 г.); Деревня Назарьева, а въ ней пашни паханые средней земли 40 четьи, да отхожие пашни на реке на Клязьме на поймехъ 2 чети (Кн.п. Моск. 1, 90. XVI в.); Пашни въ поле 2 выти... отхожие (Кн. пер. Шелон. пят. 2, 680. 1676 г.).

Прилагательные **лешая**, **полевая**, **островская** в составных наименованиях **ПАШНЯ лешая** «разработанное земельное угодье в лесу», **ПАШНЯ полевая** «разработанное земельное угодье в поле», **ПАШНЯ островская** «угодье, расположенное на острове» также указывают на

местоположение объекта: Да у той же деревни пашни лешие, отхожие земли на четвертку ржи (Писц. кн. Обон. пят. 49. XVI в.); Въ дер. Молхово противъ Бронничи пашни было съ островскою пашнею 5 коробей въ полѣ (Кн. ям. Новг. 164. 1624 г.); те лучие и середние люди владели...пашенными землями, пашнями полевыми, и санными покосы (АПД № 25, л.3., с. 132. 1681 г.).

В терминомодели пашня раменная конкретизатор актуализирует значение «заброшенная пашня с выросшим на ней лесом, в составе угодья»: Къ селу Даниловскому быстровские луга придаточные и пашню раменную отказаль столнику... Степану Матвееву сыну Стрекалову (Д. Шакловит. 4, 526. 1690 г.).

В бинарном наименовании пашня церковная, пашня монастырская адъективный компонент указывает на принадлежность угодья церкви, монастырю: Лесу по болоту десять десятин да церковные пашни поповы и дьяконовы тритцать чети в поле... (Писц. мат. Яросл. у. XVI в. № 62, л. 156, с. 123); Пашни церковной пятнадцать чети в поле, а дву по тому ж худые земли (там же, с.116); да у них же пашни монастырской – две обжи, а пашут они тое пашню собою сами (АПД № 71, л. 6, с. 272. 1679 г.).

В национальный период развития русского языка рассмотренные бинарные наименования пашенных угодий утратили свое терминологическое значение.

**Залог. Перелог. Отлог.** Данные отглагольные существительные, образованы, по мнению М. Фасмера, от древнерусских слов ЛОГ, ложить [207, 2, с.76], путем отсечения от производящей основы тематического гласного –и-, сопровождаемого префиксацией.

Так, от древнерусского глагола **переложити** «оставлять землю под паром, на перелогѣ» возникло наименование **перелогъ**, которое впервые в значении «пашня, оставленная под паром» отмечена в грамотах Двинского уезда XV в., найденных И.М. Сибирцевым и А.А. Шахматовым: А в томъ есмѣ ему заложили... перелогъ, а с верхного конца с Каръзиными землями в межахъ (Гр. Дв. (доп.), 20. XV в.), в котором прослеживается в интересующий нас исторический период: Пашни перелогом восемь четвертей в поле, а в дву по тому ж худые земли (Писц. мат. Яросл. у. XVI л.57. 1568-1569 гг.); Деревня Оникеевская, пуста, пашни перелогом шесть чети (АСЗ 1 № 36, с.35. 1580 г.); В тѣхъ четырехъ пустошѣхъ треть лежитъ перелогомъ двѣ трети и лѣсомъ поросло (Мен. гр. Фед. Шел. 1582 г.); Да три мѣсты дворовыхъ крестьянскихъ, пашни паханныя и пѣрелогѣ и дикова поля сорок чети (Отказн. кн. Южновеликорус. 203. 1626 г.); Да пашни жъ паханные и перелогѣ 19 десятинъ (ДАИ 4, 265. 1662 г.); Пашни паханные – худые

земли 9 чети да перелогом и лесом поросло 9 чети в поле, а дву – по тому ж... (АПД № 5. л. 16, с.34. 1671 г.). С указанным значением данную лексему фиксируют И.И. Срезневский и Г.Е. Кочин в своих «Материалах...» [205, 1, стлб.909; 189, с.120, 234].

Данный термин земельных угодий мы относим к бросовым культивируемым угодьям.

Следует отметить, что бинарные терминомодели земля переложная, мѣсто переложное состоят в синонимических отношениях с рассматриваемой лексемой, на что указывает адъективный компонент: вели, государь, отдать ... на распашь места переложные слуге твоему, на сколько лета пожалуешь (АПД № 40, л. 20. 1677 г., с. 183); И всего за Овдотьею...наддаю ... переложные земли сем четей (Писц. мат. Яросл. у. 16 в., л. 198 об., с. 137).

В.И. Даль характеризует понятие «перелог» как «...поле, покинутое для перележки; в трехпольном хозяйстве это пар, паренина, паровое поле, земля под паром; в переложном...хозяйстве - это та часть земли, которая по выпашке покидается для отдыха, на несколько лет: залежь, залог; перелог дернеет 8-10 лет, иногда зовется целиной, непашью...» [188, 3, с. 102].

Таким образом, рассматриваемое наименование квалифицируется нами как термин культивируемых угодий, возникший в результате терминологизации общеупотребительного значения «запущенная пашня (пашня, оставленная под паром)».

Наряду данной лексической единицей с той же семантикой в актовой письменности XV-XVII вв. бытовал деминутив переложекъ, образованный путем присоединения суффикса –ек- к производящей основе. В «Материалах...» Г.Е. Кочина он отмечен с недифференцированной семантикой «угодье» [189, с.234]: Даль есмь в домъ святому Николи въ Чюхченему...в опцихи треть и у дву мѣстехъ перелошки с Калитиною чадью в межахъ (Гр. Новг. и Псков., 216. XV в.); На круче переложек водою отмыло и в тягло положить нечево. (Вер. кн. 2, 5 об. 1677 г.).

В письменности XVI-XVII вв. наряду с термином перелогъ также существовали его однокоренные синонимы отлогъ, залогъ. В «Материалах...» И.И. Срезневского слово залогъ отмечено в 4-х значениях: «заклад», «дать залог», «грамматический термин», «паровое поле» [205, 1, стлб.925]. В интересующем нас значении Г.Е. Кочин иллюстрирует данную лексему контекстом из Купчей 1453 г. 29 марта: У Мяксовского ѣзу залогъ на сеи сторонѣ Шоксны (АЮБ 2, 337) [189, с.120], в котором она прослеживается и в XVII в.: И пашенные крестьяне били челом государю, что де им под рожь залог ко 149-му году орать поздно, потому что не перепреет и рожь не родится (Гр. Сиб. Милл. 2, 471. 1640 г.).

Наименование **ОТЛОГЪ** также являлось полисемантическим в письменности указанного периода; в значении «перелог» оно отмечено в «Книге, глаголемой «Назиратель», сиречь «Уряд домовных делеть»:  
отлогомъ то поле нарицали, гдѣ черезъ годъ либо чрезъ два или чрезъ три годы толко орючи корысти збирали.....Один ихъ нарицають...нивами, а другие отлогами или перелогамы, какъ то коли нива после оранія лежитъ год или менши или болши, то уже будетъ перелогъ или отлогъ ради сего, что земля отлежитъ столь долго, сколько которой надобет (Назиратель, 349. XVII в.)

Следует отметить, что содержание данного понятия на протяжении XVI-XX вв. не претерпело существенных изменений (192, с.155; 203, 4, с. 620). Так, в пермских, челябинских, новосибирских, владимирских говорах слово «залог» означает «заброшенная, давно не паханная земля», в оренбургских, самарских, ярославских, казанских – «никогда не паханная земля»; наименование «перелог» также сохраняет свое первоначальное значение [199, 10, с.213].

**Пожъня.** Общерусское слово **ПОЖЪНЯ**, образованное префиксальным способом словопроизводства от глагола **ЖАТИ** (**ЖЪНУ**), по мнению М. Фасмера, является восточнославянским наименованием (ср. др.-рус. *пожъня*, *арханг.* «поле, луг, сенокос», *блр.* *пожня*) [207, 3, с.302]. Впервые оно, по материалам, И.И. Срезневского, зафиксировано в значении «нива, пашня, луг, покос» в Грамоте в.к. Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю 1148 г.: **А въ тое земли, ни въ пожъни, ни въ тони не встоупатися ни князю, ни епискоупоу, ни бояриноу, никому** [205, 2, стлб.1083].

Г.Е. Кочин отмечает данную лексему с семантикой «угодье, сенокос на низком месте у реки или озера, редко – пахота, место, засеянное хлебом» [189, с.249], которая в старорусский период сужается: **язъ ихъ пожаловаль, велѣлъ имъ тѣ земли пахать и пожни косити по старинѣ** (Грамм. в.к. Ив.Вас. Окс. ок. 1484 г.); **Пожень три десятины да пашенные земли... полтретинадцаты десятины** (Жал. гр. в.к. Ив.Вас. Сп. Евф. мон. 1495 г.); **В Ыгрицкой же волости царя и в.к. села и деревни, и починки, и пустоши, и селища, и займища, и пожни оброчные, а оброки з деревень и с пустошей платили Ярославским данщиком...** (Писц. Мат. Яросл. у. XVI в. с.130 л.187 об. 1568-1569 гг.); **и с присадки, и с пожни, и с рыбные ловли всяких денежных доходов старцом велено платить на Москве особно** (АПД, с. 255 № 64, л. 69. 1672 г.); **Да на полупожне Лудчихе и меж поль, и по врагом сена двадцать пять копен речкою ж Уфтюгою смыло без остатку** (АПД, № 58, с. 243-244, л.13, 1681 г.); **меж Поль и на пожне Мостовихе... и на усть-речки Куромши – сто двадцать пять копен** (АПД, с. 238, № 56. л. 224. 1681 г.); **сена меж**

Поль и по врагом пять копен да на пожне на Быстрице пятнадцать копен (АПД, с.175 № 35, л. 30. 1676 г.); сенные покосы в полях и на пожнях – отданы из оброку Уфтюжской волости крестьянину Евсейеуку Фотиеву...(АПД, с.194. № 45. л. 187, 1679 г.).

Итак, в актовой письменности XVI-XVII вв. слово **ПОЖНЯ** является принадлежностью терминологии сенокосных угодий, которые могли находиться вблизи болота, реки, озера, моря (признак местоположения), на что указывают адъективные компоненты в бинарных терминомоделях пожня озерская, пожня морская, пожня нивная: Променил есмь... землю Осиновец с пошлиною землею, с лесы, и с пожнями, и со всеми угоды, и с озерскими пожнями (АСВР 3, 282. 1440-1450 гг.); Се яз Стефанец Офонасьев сынъ..... продал есми соловецкому строителю Меркурью свое угодыя в Кһмһ рекһ.. морских пожен два лука с четью (Кн. Солов. вотч. креп. 36 об. XVII в. – 1571 г.); Пожня Ивашковская... подлһ Иванского монастыря ниву и подлһ нивную пожною Зиновьинскую (Псков. п. кн. 4. 1587 г.).

В двусоставном словосочетании **ПОЖНЯ ЗАКОСНАЯ** «сенокосный участок, закос» адъективный компонент служит прямым указанием на то, что угодые являлось сенокосным: Дал вкладу Иван Васильев сын Ржевитин...2 лука угодыя...и в водах и в землях и в закосных пожнях (Кн. прих.-расх. Ант. м. № 1, 322 об. 1596 г.).

Однако исследованные нами материалы позволяют сделать вывод о том, что понятие «пожня» не всегда ограничивалось дефиницией «сенокосное угодые». Так, в сочетании **ПОЖНЯ ОРАМАЯ** адъективный компонент актуализирует значение «обрабатываемый, пашенный»: Се купи бояре и староста Федор Андреевъ...двор и дворище и гуменник и орамые пожни (Гр. Дв., 65. XVII в. – XV в.). Следовательно, **пожней** могли называть пахотное угодые, в результате чего данная номинация по признаку освоенности дополняет синонимичный ряд лексем **пашня**, **нива** и др.

В бинарной терминомодели **ПОЖНЯ ЗАКРАИННАЯ** «сенокосное угодые на краю пахотного поля, неудобное для обработки» конкретизатор указывает на местоположение сельскохозяйственного объекта использования: Да язъ же Тить Кулебака продалъ свои участокъ...и всяко(и) земли арамые, и пожни закраинные и с притеребы, и со всемъ без вывета (Гр. Дв. 1, 391. 1604 г.). Данное составное наименование является локативом, распространенным на территории Северо-Западной Руси.

Следует отметить, что на Севере Руси в донациональный период развития языка функционировало бинарное наименование **ПОЖНЯ ПЕЧИЩНАЯ**, в котором адъективный компонент указывает на то, что сенокосное угодые находится на заброшенном родовом поселении

общины: Владеть... насилствомъ нашего Архангелского монастыря пожнями печищными деревни Повалихина въ Устюженскомъ уезде въ Быкокурскомъ стану подъ деревнею Якутинымъ (АХУ 3, 170. 1635 г.).

В синонимичных сочетаниях **ПОЖНЯ НОВОЧИЩЕНАЯ**, **ПОЖНЯ НОВОЧИЩЕНИНА** со значением «угодье, недавно расчищенное под сенокос» конкретизаторы актуализируют дополнительную сему «новый»: **А другая пожня новочищенина, бывало рѣпище, да 2 подсѣки** (Вкл. Ант., 59. XVII в.); **Даль вкладомъ.....Патрикей Ивановъ, прозвищемъ Дружина, в Чемохоцкомъ прилукѣ новочищенина пожня промежъ Евсевьевыми подсѣками** (там же). Данные двусоставные модели являлись взаимозаменяемыми сочетаниями.

Данный синонимичный ряд дополняет двусоставное наименование **ПОЖНЯ НОВОПРИЧИСТНАЯ** «недавно расчищенное из-под леса и приобщенное к основным землям сенокосное угодье», в котором зависимый компонент объединяет дополнительные семы «новый», «приобщенный» (приставка *при-* в структуре конкретизатора): **С новопричистой поженки Березнина...оброку 2 алтын** (АЮБ 3, 165. 1648 г.).

Таким образом, терминологическое значение данной лексемы в письменности XVI-XVII вв. – «сенокосный участок на росчисти или бывшей пашне, заброшенном поселении».

Следует отметить широкое функционирование бинарных наименований **ПОЖНЯ МОНАСТЫРСКАЯ**, **ПОЖНЯ КНЯЖА**, **ПОЖНЯ ОТХОЖАЯ**, в которых адъективный компонент «монастырская», «княжа» указывает на принадлежность угодья монастырю (князю), а конкретизатор «отхожая» свидетельствует о том, что пожня находится в отдаленном месте: **а угодья к тем деревням...пожни в Вотцкой пятине монастырские на Ручках** (Писц. кн. Обон. пят. л.2, с. 20. 1550 г.); **А от ели налево дорошкою от Горбатикова ко княжим пожням к двум елям...** (Писц. мат. Яросл. у. XVI в. № 61, л. 154 об., с. 122); **сена косят на Свери и в Худоших и на отхожих пожнях 170 копен** (Писц. кн. Обон. пят. XVI в., л. 51 об., с.89); **Да того ж поместья отхожие пожни... на болоте на Мсти реке и в Окулове острове** (Писц. кн. Новг. з. XVI в., 5., с.239-240. л. 38 об.).

В указанный исторический период наряду с термином культивируемых сенокосных угодий **ПОЖНЯ** в том же значении функционировали наименования **ПОЖНИЦА** и деминутив **ПОЖНИШКО**, образованные суффиксальным способом словопроизводства: **Да къ той же деревне купил пожню подъ Высоким островом против пожницы, дал полтора рубля новгородскую да пополнка корову** (Арх. Стр. 1, 385. 1556 г.); **Вели, государь, намъ нищимъ въ Введенский монастырь дати с писцовыхъ книгъ свою**

государеву сотную грамоту на монастырскую вотчинку и на сенные покосы на пожнишка, по чему-бъ нам нищимъ... платити (Писц.д. 2, 153. 1621 г.); Поженки вверх по Туломе рекѣ направе пожни Полковской тони да пожнишко на вароке противъ Кольского острогу (Гр. Кольск., 520. 1675 г.).

Что касается параллельного употребления слов **ПОЖНЯ** и **ПОЖНИШКО** в актовом письменно-документальном периоде, а именно наличия или отсутствия у второй лексемы особой эмоциональной окрашенности, вслед за Г. Одинцовым, мы считаем, что «значение уменьшительности подобных образований должно, с одной стороны, поддерживаться предметно-логическим значением слова, а с другой – значение словоформы с деминутивным суффиксом несколько затушевывается и внешне обозначая ту же реалию, что и корень, теряет свою эмоционально-экспрессивную насыщенность» [111, с.78].

В письменности указанного периода следует отметить функционирование наименования **ПОЖНИЩЕ** «место, где было сенокосное угодье», образованного путем присоединения к производящей основе суффикса **-ищ-** в пространственном значении: **Сна по селищем и по заполю, и по дуброве, и по лугом, и в лужках по улесу в пожнищъ в долги скирды 300 коп.** (Отказн . кн. 129. 1643 г.).

В современных лексикографических трудах слово «пожня» сопровождается пометами «областное» и «устаревшее» [203, 10, с.749]; в русских народных говорах оно функционирует с различной семантикой. В интересующем нас значении данная лексема отмечена в северо-восточной части России [199, 28, с.298; 188, 3, с.369].

**Заполье. Заполокъ. Заполекъ. Заполица.** Данные общерусские наименования, образованные путем суффиксально-префиксального способа словопроизводства с помощью присоединения к производящей основе **-пол'**- приставки **за-** и суффикса (**-j-**, **-ок-**, **-ек-**, **-иц-**), были широко распространены в деловой письменности XVI-XVII вв. В указанный исторический период они являлись однокоренными синонимами в значении «пашня в перелесках, отдаленное, неудобное для обработки поле, иногда превращавшееся в луг» [200, 5, с.274].

По материалам Словаря русского языка XI-XVII вв., бинарное наименование **ЗАПОЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ** также является синонимичным к рассматриваемым однословным номинациям [там же].

В «Материалах...» И.И. Срезневского данные лексемы либо отмечены в значении «участок поля», либо только иллюстрированы примерами [205, 1, стлб.938]. Г.Е. Кочин уточняет и дифференцирует семантику данных лексических единиц: так, словоформы **ЗАПОЛИЦА**, **ЗАПОЛЬЕ** отмечены с семантикой «угодье, земля на краю поля, за полем», а лексема **ЗАПОЛОК** - зафиксирована в значении «угодье, сенокос в поле у пашенных полос» [189, с.122].

Следует отметить, что данные наименования неоднократно подвергались разностороннему анализу исследователями в области истории русской лексики и терминологии. Так, С.В. Репневская в своей диссертационной работе причисляет слово **заполек** к терминологии пашенно-парового земледелия [128, с.11]; В.С. Цаценко квалифицирует лексему **заполье** как сенокосное угодье [172, с.11]. Принимая во внимание эти точки зрения, мы считаем, что данные лексические единицы, согласно нашей классификации, являются принадлежностью земельных ландшафтных угодий (по признаку месторасположения) и угодий культивируемых (по признаку обрабатываемости).

Во-первых, в самой структуре исследуемых словоформ содержится указание на месторасположение объекта – «за полем»; актуализируется сема «отдаленный». Поэтому семантической доминантой в данном случае является признак месторасположения. Во-вторых, наши материалы свидетельствуют о том, что указанные наименования действительно могли означать участки, используемые для сенокосения: **А Григорью досталась пожня заполье отъ его жь поделеня земли, да ему жь досталась лоскутина пожни Голыя за прорывомъ** (А. Уст. 1, 157. 1569 г.); **Да тоѣ жь деревни заполекъ.. сѣна косятъ 30 копень, 2 обжы** (Кн. пер. Бежецк. пят., 929. 1564 г.); **Сѣна по истоку и по врагомъ и по заполкомъ 30 коп.** (Кн. п. Моск. 1, 339 . 1578 г.); **А межа тѣмъ сѣннымъ покосамъ учинена... по заполку и по животинному ужожею** (АЮБ 2, 137. 1667 г.); **сѣна межъ Поль и по заполью сто двадцать пять копен** (АПД № 44, л .26, с. 192. 1679 г.).

Однако, на наш взгляд, не представляется возможным определенно квалифицировать данные номинации только как сенокосные угодья, т.к. на месте запольной земли могло быть угодье пахотное: **Пашеть онъ Якимъ наши Троицкие земли силно...безъ дѣлу, одворицы, и садовые земли, и наволоки, и заполными землями и сѣнными покосами, и всякими угодьи владѣть силно** (АХУ 3 , 295. 1658 г.); **Пустошь Мишука Толмуева... съ заполешною землею...на 50 лѣтъ владѣть ему дьячку и пахать тое землю къ церкви божи** (АЮБ 3, 71. 1686 г.).

В-третьих, как было указано выше, запольный участок был на месте пашни, следовательно, по признаку обрабатываемости данное наименование относится к культивируемым угодьям: **[Межа] сѣна по Рѣпенскому врагу и по заполью и межъ пашень 30 копен** (Кн. п. Моск. 1. 334. 1578 г.); **Владѣють издавна нашего закладного... землю... старого починка въ Юрьевичяхъ въ запольѣ, полемъ и заполками и сѣнными покосами** (АЮБ 2 , 143. 1640 г.).

Следует отметить, что в грамотах двинских, новгородских и псковских XVI-XVII вв. в рассмотренном нами терминологическом значении отмечается эквивалент **закраина (закраек)**: **Заложил**



есми...со всѣми закрайки оброчныя пожни пустыя (АХУ 3 (Лодом.), 150. 1591 г.); В том же Шутови кути земля орамая и закраина той же земли (Гр. Новг. Псков. 210. XVII в.); Да мнѣ половинку возлѣ поля закрайки сѣчи, а сѣяти мнѣ половинку по тѣмъ закрайкамъ на себя (АХУ 2, 878. 1622 г.); Пашня з закраиною (Гр. Дв. 2, 352. 1693 г.).

В современном литературном языке данные лексемы относятся к пассивному словарному запасу; что касается русских народных говоров, то в интересующем нас значении слово «заполек» отмечено в псковских, ленинградских говорах; лексема «заполица» - в вологодских, ярославских, вятских, костромских, свердловских говорах; номинация «заполек» является принадлежностью северо-двинских говоров [199, 10, с.338-341].

**Сѣно. Покос. Сѣнные покосы.** Стержневой компонент бинарного наименования **Сѣнные покосы**, выраженный отглагольным именем существительным, образован путем безаффиксного словопроизводства от древнерусского слова **ПОКОСИТИ**. Адъективный конкретизатор **Сѣнные** указывает на объект, над которым производится действие кошения.

По материалам И.И. Срезневского, слово **сено** впервые отмечено в Остромировом евангелии в значении «трава, луговая зелень»: **Сѣно сельное** (Мф. VI. 30. XI в.) [205, 3, стлб. 896]; в донациональный период оно также могло означать понятия «скошенная и высушенная трава; сено», «корм для скота» [205, 3, стлб.896; 200, 24, с.69-70].

При употреблении во множественном числе данное наименование означало «сенокосное угодье»: **Наидоша дѣждеве и поимаша вси рли, и обилия, и сѣна** (Новг. 1 лет. 6759 г.); **А гдѣ будетъ села и деревни нелесны и безсѣнны, и с ряду будѣтъ къ нимъ лесовъ и сѣнъ** придати неоткуды, а пригодитца будетъ имъ придати черезъ иные земли отъ иныхъ мѣстъ, гдѣ лесовъ и **сѣнъ** много (Писц. д. 1, 245. 1623 г.); **Мнѣ Дорофею пашня ихъ монастырьская пахать во всѣхъ трехъ поляхъ, и перелогѣ вздымать...и вновь сѣна розчищать, и всякие угодья угодовать** (АХУ 1, 893. 1687 г.).

В двусоставной терминомодели сены **новопричистные** «недавно расчищенное из-под леса и приобщенный к землям сенокосный участок» конкретизатор актуализирует дополнительные семы «новый», «приобщенный» (приставка *при-* в структуре слова): **Сѣ** **новопричистныхъ сѣнъ** (Кн. прих.-расх. Моск., 158. 1619 г.).

В результате контекстного анализа данного наименования в письменности XVI-XVII вв. мы пришли к выводу, что имя существительное **сѣно** в единственном числе также могло иметь терминологическую семантику «сенокосное угодье»: **А пашня и сено и лес и всякие угодья писано в книги подлинно** (АСЗ, 1, № 40. 1599 г.); **А велели ему ... переписать...чем они владеют...и**

пашню, и сено, и лес, и всякие угодыя (АПД № 76. л. 215. 1686 г.). Как видно из приведенных контекстов, в данном случае речь идет не о скошенной и высушенной траве, а об объекте сельскохозяйственного использования.

Слово ПОКОС в письменности донационального периода, ограниченной архангельским ареалом, также могло употребляться в значении «сенокосное угодые»: А вы укажите тѣмъ покосомъ между (Арх.Стр. 1, 87. 1490 г.); а налеве земля и луги, и покосы, и лес князя Иванавы вотчины Федоровича Мстисловского (Писц. мат. Яросл. у. № 61, л. 155 об., с.122. 1567-1569 гг.).

Мы считаем, что терминологическую семантику «сенокосное угодые» в деловой письменности указанного периода наименования СЕНО и ПОКОС приобретают в сочетании сенные покосы. В отличие от Цаценко В.С., который в своем исследовании утверждает, что данное словосочетание является локальным, отмеченным лишь в южновеликорусских памятниках письменности [172, с.11], мы считаем, что оно широко бытовало и на территории Северной Руси, следовательно, является общерусской лексической единицей.

Об этом факте свидетельствует обширный материал актов писцового дела Устюжского уезда, а также приказной письменности Московской области: съ сенныхъ покосовъ, и съ пустошей, и съ рѣкъ, и съ рыбныхъ ловель, и съ тоней самоядцкихъ, и с пустошного оброку съ рѣкъ съ Колоколки и съ Пещаницы...оброчныхъ денегъ на 123-й годъ 25 р. 13 ал. (Кн. прих.-расх. Моск., 223. 1614 г.); Пременили они намъ богомолцамъ твоимъ сенныхъ покосовъ два лоскутка въ Шарденской волости (АХУ 1, 298. 1657 г.); В прошлом де во 187-м году били челом великому государю... челобитную, чтоб от их тяглых деревень и сенных покосов не отводить и челобитчикам не отдавать (АПД № 16, л. 43 с. 88-89.1680 г.); Да для того им писцы надобно, что около их волостей...вотчинники их пашенную землю опахали, и сенные покосы потому ж завладели сильно... (там же); вели, государь, в том свой царский приказ учинить и те жеребьи – пашенную землю и сенные покосы, и речку Сетру с волгасы и с наволочи – к тому ж печищу вели...отдать мне, сироте, на оброк (АПД № 60, л. 16, с.246. 1681 г.); сенныхъ покосовъ въ поляхъ по заполоскамъ восемь копень...да отъ мосту по реки...внизъ до перейму тритцать девять копень (АЮБ 2, 57. 1684 г.).

Таким образом, бинарная терминомодель сенные покосы в значении «сенокосное угодые» является принадлежностью терминологии сенокосных сельскохозяйственных угодий в актовой письменности XVI-XVII вв.

Кроме этого, в том же значении функционировал деминутив сннное покосишко, в котором суффикс *-ишк-* актуализирует семантику

«небольшой»: И по обе стороны тоh рhчки сенные покосишка, елхи и лесные выгари (А. гражд. распр. 1, 341.1633 г.). Как было указано выше, в деловой письменности указанного периода употребление таких суффиксальных образований «теряет свою эмоционально-экспрессивную насыщенность» [111, с.87].

Следует отметить, что субстантив **ПОКОСЫ** мог выступать с адъективным компонентом **МХОВЫЕ**, актуализирующим дополнительное значение «находящийся на мху (болоте)»: **Покосовъ...на мху въ верховьh рhки Елошна... да подь Зеленои о полянку мховыя покосы** (АЮБ 2, 57. 1684 г.). Таким образом, в бинарном наименовании **МХОВЫЕ ПОКОСЫ** конкретизатор уточняет его терминологическое значение – «сенокосное угодье, находящееся на мху (болоте)».

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что общерусские наименования **пашня, нива, отлог, перелог, переложек, залог, пожня, заполок, заполица, заполье** обозначают культивируемые сенокосные и пашенные угодья; бинарная терминомодель **сенные покосы** в актовом письменности старорусского периода с точки зрения обработанности земельного участка могла означать как культивируемое, так и некультивируемое угодье.

Рассмотренные лексемы вошли в терминологию сельскохозяйственных угодий со своим исходным значением. Слова **заполье, заполок, заполица, пожня, отлог, перелог, пахота** относятся к пассивному словарному запасу современного русского языка; номинации **НИВА, ПАШНЯ** сохраняют свое первоначальное значение в русском языке.

### **3.3.4. Номинации бросовых угодий**

В рамках предложенной классификации одним из семантических компонентов является «степень обрабатываемости (освоенности) угодья». В связи с этим нам представляется возможным распределить номинации сельскохозяйственных угодий по следующим лексико-семантическим группам: 1) «угодья культивируемые» - обрабатываемые (освоенные) участки земли (**перелог, пашня** и др.) и водоемов (**езь, заводь** и др.); 2) «некультивируемые угодья» - участки земли, непригодные для обработки (**болото, мохъ** и др.); 3) «бросовые угодья» - земельные участки, которые ранее были культивируемыми, но в данный момент заброшенные, оставленные на неопределенное время. В нашем исследовании данная лексико-семантическая группа представлена однословными терминами **пустошь, селище, печище, гумнище, рамень(е)**, а также 6 терминомоделями, объединенными по признаку «участки земли, оставленные на неопределенное время».

**Пустошь.** По своему происхождению данная лексема является древнерусским наименованием [207, 3, с. 411]. По материалам И.И. Срезневского, впервые в значении «незаселенное место» оно отмечено в Жалованной грамоте Нижегородского в.к. Даниила Борисовича Спасско-

Благовещенскому монастырю, в 1410-1417 гг.: Митроховская пустошь да пустынка на Стобищахъ [205, 2, стлб.1734].

Следует отметить, что семантический объем слова ПУСТОШЬ в языке данной эпохи включал значения «пустое, пустяки» и «суета» [200, 21, с.58], однако в терминологическом значении «угодьё, чаще лес на месте бывшего когда-то селения», по «Материалам...» Г.Е. Кочина, оно широко бытовало в русской актовой письменности XV-XVII вв. [189, с. 288]: Купили есмь...село Верзневское въ Берендѣевѣ съ деревнями: Юрина деревня и с пустошами: пустошь Сысоева, пустош(ь) Вараксина, Исакова пустошь, и с лѣсом, и з бортию, и с пожнями (АСВР 2, 340.1440 г.); Что роздель манастырская...пустошь Шортина, и с лесом, по Бебишкин озерок, да по Палшему по речку...ино то к манастырю (АСВР 2, 33. XVI в. – 1423-1428 гг.); Буде де великий государь укажет ему ту пустошь Надыбвицу отдать на оброк к деревне ево Дыбине Горе, а оброку он, Антонко, с тое пустоши заплатит великого государя казну...один алтын четыре денги...(АПД № 67. л.3, с.261. 1681 г.).

Наши материалы позволяют уточнить семантику данного термина, предложенную Г.Е. Кочиним. На наш взгляд, функциональный признак терминологии бросовых угодий, при актуализации семы «необрабатываемый», в данном случае не является доминирующим, о чем свидетельствует распространение в письменности указанного периода составных наименований пустошь переложная «заброшенная пашня», пустошь лесная порослая (лесопорослая) «заброшенный участок, поросший лесом», пустошь пашенная «заброшенный участок пашенной земли», пустошь непашенная «необработанный, заброшенный участок земли»: В том же Пречистенском приходе пустошь Надыбвицу, переложную и лесную порослую, что была пашенная и непашенная, земли и с санными покосы, и со всеми угоды отдать на оброк челобитчику Антонку Удимцову...(АПД № 67. л.4, с. 261. 1681 г.).

С одной стороны, такой земельный участок либо заброшен, либо используется как сенокосный (сенные покосы) или для выпаса скота (выгонные земли): Спасскому жъ монастырю дано...на сенные покосы пустошь Чинковская...противъ ихъ монастырские мелничные запруды на рекѣ на Тещѣ по заводное болотцо (Сотн. 3, 97. 1585 г.). И межъ нижегородские жъ выгонные земли пустоши Малые Кузнечихи и врагомъ, ключемъ вверхъ пошедь водоточиною...(Кн.п.Нижегор., 288. 1622 г.).

С другой стороны, на месте пустоши также могло быть обрабатываемое угодьё, например, пашня. Так, в актах служилых землевладельцев XV-XVII вв. отмечено: А по бежетцким по

писцовым книгам письма Рычка Плещеева с товарищи лета 7052-го в тех деревнях и в полупустоши пашни девяноста три чети, сена восемьдесят семь копен...(АСЗ 1, 155. 1566 г); Пустошь, что была деревня Лыковская, что жил Ивашко Ржевитин, да пустошь, что была деревня Демцынская Гавриловская, что была на оброке, пашни перелогом пять чети (АСЗ 1, 35. 1580 г); Пустошь, что бывальъ Никола на Вилешеме...пашенные средние и худые земли и раменного лесу в разных мѣстахъ 45 десятинь, а четвертною пашнею 90 чети (А.гражд.распр. 1, 335. 1632 г.).

Нами отмечены терминомодели монастырские пустоши, княжи(е) пустоши, в которых адъективный компонент указывает на принадлежность сельскохозяйственного объекта использования: А от сосны дорошкою меж селца Савина княж Ивановы Федоровича Мстиславского вотчины и меж Углицкого уезду монастырские пустоши (Писц. мат. Яросл.у. XVI в. л. 148 об., с. 119); ...налево вверх Петуховским ручьем меж княжие пустоши Петухова и Дмитриевы Баикова пустоши Сорокина (там же, с. 118); Пожаловали они...къ великому монастырю...въ вотчину пустошь княжая, что нынѣ... состроилась сельцо...а въ тѣ поры было, государь, степь, дикое поля (Дон.д. 5, 208. 1656 г.).

Таким образом, в языке донационального периода терминологическое значение слова ПУСТОШЬ может быть определено как «пустующее угодье». Кроме того, на наш взгляд, в XVI-XVII вв. данное понятие могло выражаться с помощью синонимичной бинарной терминомодели пустые земли: Дано им ис пуста в жило в прошлом во 178-м году майя в 20 день в той же деревне прежняго владенья Дружинки Яковлева с товарищи пустые земли четь выти (АПД л.15, с. 33. 1671 г.); многие крестьяне имали те пустые оброчные земли в большое вытное тягло, многие выти отымая друг у друга, также и сенные покосы... (АПД л.42, с. 88. 1680 г.).

Наряду с термином ПУСТОШЬ в актовом письменно указанного периода используется деминутив ПУСТОШКА, образованный путем присоединения к производящей основе суффикса -к-, актуализирующего значение «небольшой»: Се язъ...продала есмь Ондрию Захарьиничю пустошьку Кичивиньскую и зьмями и с водами и с пожнями и с путикомом, што было за Кузьмокою на Шешѣ (АСВР 2, 15. 1380-1390 гг.); Хотѣлъ де ты пожаловать – дать пустошку сѣнныхъ покосов. (Переп.Безобразова, 27. 1687 г.).

Следует отметить, что в деловой письменности XVI-XVII вв. широко бытовали экономические понятия пустошный оброк, пустошные деньги, которые взимались с пустующего угодья: Старецъ Никандра привез из Бужарова...пол 16 рубля своего збору пусташных

денег (Кн.прих.-расх. Волокол.м.№ 4, 55. 1582 г.); съ сенныхъ покосовъ, и съ пустошей, и съ рѣкъ, и съ рыбныхъ ловель, и съ тоней самоядцкихъ, и с пустошного оброку съ рѣкъ съ Колоколки и съ Пещаницы...оброчныхъ денегъ на 123-й годъ 25 р. 13 ал. (Кн. прих.-расх. Моск., 223. 1614 г.). Подобные контексты свидетельствуют о том, что термин ПУСТОШЬ входит в ЛСГ сельскохозяйственных бросовых угодий.

В русском литературном языке свою семантику «невозделанный, незаселенный, заброшенный участок земли» данное наименование сохраняет в течение XVIII- XX вв. [196, 4, с.1200; 203, 11, с.1727].

Печище. Собственно русское наименование печище, по мнению М. Фасмера, произошло от общеславянского \*ректъ (ср. укр. *піч*, блр. *печ*, болг. *пещ*, сербохорв. *пкћ*, словен. *рки*, чеш., слвц. *рес*, польск. *pies*, в.-луж. *рјес*, н.-луж. *рјас*) [207, 3, с.256]. Образовалось оно с помощью прибавления суффикса *-ищ-* в пространственном значении к производящей основе *-печ-*.

В письменности XI-XVII вв. данная лексема имела следующий семантический объем: 1) «место, где стояла печь», 2) «небольшая северная деревня, преимущественно заброшенное бывшее родовое поселение большой семьи, общины», 3) «рыболовное угодье в виде мели с ровным дном» [200, 15, с.39-40].

В «Материалах...» Г.Е. Кочина она отмечена в значении «остатки жилых строений на месте исчезнувшего поселения» [189, с.236]. Наши материалы позволяют расширить семантический объем данной лексической единицы, представленный Г.Е. Кочиным. Как было сказано выше, слово печище во втором значении имело северный ареал распространения вплоть до XIX в.: И та у меня деревня Олутинская и Дыренское печище не продано, ни заложено никому (Кн. Солов. вотч. креп. № 146 (1), 271 об. 16-XVII вв. – 1559 г.); И нынѣ язъ Оксенья съ дѣтьми вышли на государеву сторону, на старое свое печище, житии и мнѣ на той деревни Горскѣ въ бобылѣхъ (А. тяг. 1, 32. 1626 г.).

Как известно, семейная община у русских основывалась на коллективном землевладении. Следовательно, печищем могли называть земельное угодье, относящееся к деревне, где проживала такая община, о чем свидетельствуют материалы актов писцового дела 60-80-х годов XVII в.: Въ Учетцкой же волости съ печища съ пустоши съ Дрественца съ Гришки Шабалина оброку 10 алтынъ (АЮБ 3, 171. 1648 г.); А за вытныя, государь, и пустые земли вели, государь, отдавать к тому ж вытному и сошному письму к печищам против дач Соли Вычегоцкой уезда в оброки (АПД № 33, л. 6, с. 169. 1675 г.); на оброк де та пожня никому не отдана, и в сотной де книге досматривали, и та пожня нигде к печищу не припасена (АПД № 49, л. 351, с. 206.1680 г.); по чему б нам, сиротам твоим, теми сенными покосы впредь к

печищам своим владеть и твой великого государя оброк платить (АПД № 50, л. 361, с.210. 1680 г.); вели, государь, в том свой царский приказ учинить и те жеребьи – пашенную землю и сенные покосы, и речку Сетру с волгасы и с наволочи – к тому ж печищу вели...отдать мне, сироте, на оброк (там же, № 60. л. 16. 1681 г.).

Таким образом, рассматриваемое наименование в деловой письменности XVI-XVII в. является термином земельных бросовых угодий, которое к началу XVIII в. детерминологизируется и продолжает функционировать с интересующим нас значением преимущественно в архангельских говорах [199, 27, с.6-7], а также в современном литературном языке [203, 9, с.1147].

Селище. Древнерусское русское наименование селище, образованное суффиксальным способом словопроизводства путем присоединения суффикса *-ищ-* к производящей основе *-сел-*, впервые, по «Материалам...» И.И. Срезневского, зафиксировано в значении «поле, пашня» в Первой Новгородской летописи в 1234 г.: поиде съ коньники по нихъ и постиже я на Дубровнѣ на селищи въ Торопчѣской волости (ЛН 6742 г.), в котором прослеживается вплоть до XIX в.: Въ той землѣ пожня въ селищи 2 стожъя, то Святому Спасу (Отводн. Ковал. мон. 1400 г.); Отвель есмь село Спасское игумену Леонтью митрополичю земли, и воды, и селища, и пустоши (Купч. 1453 г.); То, господине, селищю Поповское митрополиче у Бисеровскаго села третье поле (АЮБ 1, 103. 1481-1505 гг.); Вѣдають и пашуть тѣ деревни и селища Некрасъ да Дроздъ на себя (там же); На селища и на пустоши и на лѣсѣ люди ему призывать и деревни ставити и слободу сбирати (Жал. гр. митр. Дан. Мелет. Новик. 1527 г.).

Кроме этого, в письменности XVI-XVII вв. данная лексема бытовала в 6-ти значениях, одно из которых, по данным словаря русского языка XI-XVII вв. и «Материалов...» Г.Е. Кочина, - «место бывшего села, селения; угодье на месте бывшего селения» [200, 24, с.45; 189, с.316]: Се аз, Петр Богданов сын Москотиньева, что есми продал Григорью Володимерову... свою куплю селищю Колчеватцкое с лесом и с Луги, да селище Асташевское с лесом и с Луги, да два селища Лавровские с лесом и с луги, да селище Перекопское... и со всем угодьем, что к тем селищам исстари потягло...А те у меня селища и со всеми угодьи наперед сего не заложены нигде не проданы (АСЗ № 12, с. 18. 1541-1542 гг.); А велели ему взять с собою тамошних и сторонных людей...чем они владеют, велели переписать села и деревни, и починки, и пустоши, и селища, и займища, и в них помещиковы...дворы, и в них...и места дворовые, и пашню, и сено, и лес, и всякие угодья (АПД № 76, л. 215. с.356.

1686 г.); Деревня Повадино, а въ ней селище, хоромы сожгли крымские люди (А. Юш., 183. 1574 г.); Въ пустоши Черной 100 чети, да въ трети селища, что было село Бочерниково, треть селища, что была деревня Микифорова, треть селища, что былъ починокъ Алексевъ (Д. Шкаловит. 4, 392. 1689 г.).

Нередко на месте пустого селища было сенокосное угодье: Да в Решете ж Онтоновское селище пусто, а косит на нем сено Егорьевской поп, а ставитца на том селище 20 копен сена (Кн. п. Обон. пят., 52. 1496 г.); Бил намъ челомъ Бориско Чмутов сынъ Ачькалова... отца его старое помѣстье написали за ними дватцать две обжы с полуобжею и с пустыми селищи (Ив. Гр. новг. гр., 5. 1556 г.); около монастыря монастырская слободка, а въ ней во дворѣ попъ Василей... да пустыхъ дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ... двор Васки Гончарова да селищъ пустыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ (Ворон. меж. кн., 226. 1629 г.).

Таким образом, слово селище в деловой письменности XVI-XVII вв. имело такую терминологическую семантику: «поле, пашня», «место бывшего села, селения; угодье на месте бывшего селения». Учитывая такую особенность специальной лексики в донациональный период как склонность к синонимии, мы можем квалифицировать данный термин как угодье пахотное и угодье бросовое.

В настоящее время данное наименование принадлежит пассивному словарному запасу; в словаре современного русского литературного языка с пометой «устаревшее» оно отмечено в значении «место поселения» [203, 13, с. 603].

Гумнище. Древнерусское слово гумнище представляет собой суффиксальное образование от основы *-гумн-* и суффикса *-ищ-*, \**gum̃nisce*, производному от праславянского новообразования

По «Материалам...» И.И. Срезневского, слово гумнище впервые зафиксировано в Душевной грамоте игумена Василия Чухченемскому монастырю св. Николая с семантикой «гумно», являясь, таким образом, грамматическим вариантом лексемы гумно: Далъ есмь въ долгъ святому Николи...полоса земли Урвановская и гумнищо Урвановское [205, 1, стлб.609]. Производное гумнище отличается от мотивирующего ГУМНО структурном плане: суффикс *-ищ-* актуализирует значение «обширный».

С семантикой «место, где раньше было гумно» данная лексема отмечается с XVI в. Так, в Псковских писцовых книгах 1587 г. зафиксировано: Да къ тому жъ огороду припущено гумнищъ, что было Мартыновское гумно Ямщикова, вдоль 8 сажень, а поперегъ 7 сажень, оброку ему давати съ огорода и зъ гумнища по 5 алтынъ (Псков. п. кн. 217). В данном случае суффикс *-ищ-* выступает в пространственном отношении, обозначая место, где



раньше находилось гумно (хозяйственная постройка, ток). Таким образом, можно классифицировать данный термин как бросовое земельное угодье в значении «место для выпаса скота».

В XVIII в. данная лексема сохраняет первоначальную семантику, являясь абсолютным однокоренным синонимом к «гумно» [201, 6, с.11]; в современном русском языке она относится к пассивному словарному запасу.

**Рамень(е).** По своему происхождению слово **рамень** является древнерусским наименованием [207, 3, с.440], представляющим аффиксальное образование от **рама** «окраинная область; граница, пашня, примыкающая к лесу» и суффикса –ен-.

В деловой письменности донационального периода наряду с данной номинацией широко распространен его морфологический вариант **раменье** (рамение): **Да изо врага к дубу направо к горѣ на рамен(ь)е, на сосну на высокою** (АСВР 1, 89. ок.1433-1434 гг.)

Г.Е. Кочин в своих «Материалах» отмечает данную лексему и ее вариант с терминологической семантикой «угодье; лес на краю пашни»: **поперег пути Кузминского прямо по рамени к березе да к ели, на березе и на ели грани** (АСВР 1, 314. 1474-1475 гг.).

На наш взгляд, этот термин бросовых угодий во вторичном значении «лесная поросль на заброшенной пашне» возник в результате метонимического переноса по признаку пространственной смежности объектов: **Сѣна на речке на Шеренкѣ 10 коп., лѣсу въ раменьѣ непашенного хоромного и дровяного 4 дес.** (Кн.п. Моск. 1, 911. 1593 г.); **А с тоѣ сосны на Борисовскую рамень на сосну, стоит чорныхъ лесныхъ чащахъ, а на ней грани** (А. гражд. распр. 1, 346, 348. 1632 г.).

Впоследствии в русском литературном языке данная лексема утрачивает свою терминологическую семантику, сохраняя ее лишь в новосибирских говорах [199, 34, с.95]. Так, в лексикографических материалах XVIII-XIX вв. она фиксируется в значении «место, где растет большой дремучий лес, годный на строение» [192, с. 188; 196, 5, с.70], в котором с пометой «областное» отмечена в словаре современного русского литературного языка [203, 12, с.575].

Таким образом, лексемы со значением «бросовые (пустующие) угодья» **пустошь, пустошка, селище, печище, гумнище, раменье**, по своему происхождению являющиеся древнерусскими номинациями, в деловой письменности донационального периода терминологизировались в результате суффиксации (**селище, печище, гумнище**), а также путем сужения значения (**пустошь, раменье**).

Дальнейшая судьба этих лексем различна: слова **пустошка, селище, печище, гумнище** принадлежат пассивному словарному запасу русского народа; слово **ПУСТОШЬ** детерминологизируется, сохраняя свою первоначальную семантику; номинация **раменье** отсутствует в литературном языке, функционирует лишь в сибирских

говорах.

### **Выводы к главе 3.**

Выполнив анализ наименований сельскохозяйственных угодий с точки зрения их происхождения, словообразовательной и семантической структуры, уточнив их терминологическое значение, нам представляется возможным сделать следующие выводы.

Терминология сельскохозяйственных угодий в русской актовой письменности XVI-XVII вв. была довольно обширной по своему объему. Она была представлена однословными и составными моделями и их вариантами. С точки зрения своего происхождения, рассмотренные лексемы являются общеславянскими (вода, река, озеро, пашня, НИВА и др.), восточнославянскими (ПОЖНЯ, ЗАВОДЬ и др.) и собственно русскими (перевесище, печище, раменье и др.) наименованиями.

Лексико-семантический способ терминообразования лексем данной группы отличается самой высокой степенью продуктивности. Среди изученных терминов со значением сельскохозяйственных угодий большинство образовано в результате переосмысления исходной семантики: а) метафорического переноса первоначального значения (перевесье, островъ, борть, сежа, неводъ и пр.); б) сужения семантики (исадъ, кулига и пр.), в) расширения значения (лесъ, болото, мохъ и др.). Морфологический способ терминопроизводства также является продуктивным в указанный исторический период: в результате суффиксации в актовой письменности терминологизировались номинации (селище, дворище и др.); префиксации – НАВОЛОК, ПОЖНЯ и др.; суффиксально-префиксальным способом образованы термины перелог, отлог, заполье и др. Бинарные терминомодели санные покосы, дуброва пашенная и др. образованы синтаксическим способом по продуктивной модели «имя прилагательное + имя существительное».

Для этапа терминологического употребления общелитературных слов характерно использование в качестве специальной лексики омонимов : в процессе лексико-семантического терминообразования происходит получение лексемой нового значения при параллельном ее функционировании с первичной семантикой (остров, сежа и др.). Поэтому в результате метафорического переноса значения с терминами может происходить процесс ретерминологизации (использование термина в различных сферах деятельности с различным содержанием). К таким наименованиям можно причислить НЕВОДЪ «водное угодье», «окладная оброчная единица»; НИВА «пашенное угодье», «мера измерения площади» и др.

Следует отметить, что рассмотренные лексемы в своем большинстве полисемичны (исадъ, кулига, гумно и др.). Многозначность терминов имела специфический характер, который проявлялся в том, что

одна и та же номинация в различных областях обозначала различные реалии. Этот факт в очередной раз подтверждает стихийность образования терминологии в отличие терминосистемы. Кроме того, примеры вариативности терминологических единиц отражают сложный процесс формирования данного пласта лексики, в результате которого происходит отбор необходимых лексических средств для номинации реалий.

Рассмотренным лексемам была свойственна фонетическая (пастбище – пазбище – паздбище; пожня – пожья; кулижка – кулишка), фонематическая (соснякъ – сосникъ и др.), графическая (лһсь – лес и др.), морфологическая (перевесище – перевесье, зимовище – зимовье, летовище – летовье и др.) вариативность.

Следует подчеркнуть, что в период формирования и становления терминологических систем одной из ярких семантических особенностей терминов сельскохозяйственных угодий является синонимия, которая проявляется в частичном или полном совпадении значений. В синтаксическом отношении она представлена однословными и описательными бинарными наименованиями (борть – бортная земля; покосы – сенные покосы и др.).

Судьба рассмотренных наименований сельскохозяйственных угодий оказалась различной: некоторые продолжают функционировать в указанном терминологическом значении (пашня, нива, сежа, и др.). Областными стали слова пожня, заполок, кулига и др. Некоторые номинации вышли из употребления (селище, гумнище и др.).

## ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Терминология сельскохозяйственных угодий в русской письменности XVI-XVII вв. была довольно обширной по своему объему. Рассмотренные наименования представляют собой сложную систему иерархически организованных тематических и лексико-семантических объединений.

В целях систематизации лексики с общим значением «угодье» мы опираемся на единое основание для выделения однородных объектов, которым является тематическая группа, члены которой объединяет общая тема «местоположение», что позволило нам выделить 2 лексико-семантических объединения (*угодья водные и угодья земельные*). В свою очередь, они подразделяются на лексико-семантические совокупности (10), в которых актуализируется одно из доминирующих понятий.

Представленная нами классификация терминологии сельскохозяйственных угодий по лексико-семантическим группам предполагает рассмотрение каждого ее элемента по трем основным дифференциальным признакам: географическому (*лесные, ландшафтные, прибрежные*), обрабатываемости (*культивируемые, некультивируемые, бросовые*), способу использования (*подсобные, пахотные, сенокосные, промысловые*), каждый из которых может проявляться в значении слова одним из своих конкретизаторов, при этом каждый из выделенных семантических компонентов может быть интегральным и объединять слова в микротерминотерминологии. К дополнительным семантическим признакам можно отнести «время», «способ обработки», «периодичность обработки участка» (для культивируемых угодий) и др. Любой термин сельскохозяйственных угодий может быть рассмотрен в рамках данной классификации по каждому из указанных признаков.

Для того чтобы проследить развитие терминологии сельскохозяйственных угодий от момента ее первичного отражения в русской письменности до настоящего времени, в нашей работе использован исторический подход к исследованию наименований, суть которого заключается в описании становления и развития тех системных отношений, которые складываются в процессе формирования специальной лексики, а также в рассмотрении истории отдельных терминов.

Нами рассмотрено 302 простых и составных наименования. С этимологической (генетической) точки зрения исследовано 84 однословных терминов, которые имеют общеславянское (40 лексем), восточнославянское (15 лексем), собственно русское (21 лексема) происхождение. Ряд слов мы относим к семантическим диалектизмам старорусского периода развития языка (8 лексем). Большая часть изученных лексических единиц имела широкое распространение на всей территории Руси, где они употребляются в указанном терминологическом значении, о чем свидетельствуют исследованные памятники письменности указанного исторического периода.

Определив семантический объем лексем с общей темой «угодье» в XVI-XVII вв., мы пришли к выводу о том, что данные наименования являются общеупотребительной лексикой в несколько специализированном употреблении, т.к. новая терминологическая семантика всегда опиралась на первичное значение слова. Специальные наименования XI-XVII вв. отличались многозначностью и не всегда имели устойчивую внешнюю форму.

Следует отметить, что терминология сельскохозяйственных угодий в русском языке донационального периода не имела современных признаков термина (ограниченность в области использования, ограниченность сферы номинации, обязательность дефиниции), т.к. в эту эпоху развития языка термин выполнял роль наименования объекта, предмета, действия, которое не является средством логического обозначения.

Лексические единицы, составляющие терминологию сельскохозяйственных угодий, могут вступать в оппозиции друг с другом (дуброва пашенная – дуброва непашенная), что подтверждает наличие ее системной организации на семном уровне. Кроме этого признака можно выделить следующие показатели системности: разветвленность, упорядоченность. Термины данной группы могли быть членами нескольких синонимических рядов, в которых лексические единицы объединены общим семантическим компонентом. Так, термин земля пашенная «обработанное земельное угодье» входил в синонимический ряд земля орамая (ораная), земля распашная. Наличие семы «местоположение» сближало его с терминами земля дубровная, земля запольная. Синонимический ряд могли образовывать составные и однословные термины, возникшие в результате семантической конденсации: земля распашная – распашь; земля запольная – заполье.

Терминология сельскохозяйственных угодий пронизана родовидовыми отношениями, при этом роль гиперонимов выполняют устойчивые в своих значениях однословные термины с широкой семантикой, обычно общеславянские по происхождению (земля, лес, место), а в роли гипонимов чаще употребляются составные наименования, образованные прибавлением конкретизатора к опорному слову. В значении таких лексических единиц актуализировался один из семантических признаков (земля паханая, лес бортный).

В ходе нашего исследования было установлено, что лексико-семантический способ терминообразования лексем со значением сельскохозяйственных угодий отличается самой высокой степенью продуктивности. Большинство из изученных моделей образовано в результате переосмысления исходной семантики: а) метафорического переноса первоначального значения (гривка, остров и др.); б) сужения семантики (кулига, пустошь и др.), в) расширения значения (бор, лес и др.).

В результате метафорического переноса значения с терминами сельскохозяйственных угодий может происходить процесс ретерминологизации (употребление термина в различных сферах деятельности с различным содержанием). К таким наименованиям можно причислить **НЕВОДЪ, ОСТОЖЬЕ, НИВА** и др.

В структурном отношении морфологический способ терминопорождения является продуктивным в указанный исторический период. Наиболее активной в данном случае является суффиксация (**перевесище, гумнище** и др.); префиксация (**наволок, пожня** и др.); суффиксально-префиксальный способ (**заполица** и др.) Отмечается достаточно высокая деривационная активность лексем, многие из которых явились производящей основой для образования целого ряда лексических единиц (**кулига – кулижный, пашня – пашенный, бортъ – бортный**), от них образовывались деминутивы (**пожня – поженка, кулига – кулижка** и др.). В письменности XVI-XVII вв. такие производные однословные наименования использовались с той же терминологической семантикой, что и производящее слово-термин.

Как известно, любой терминологии в период ее формирования свойственна избыточность, которая проявляется в полисемии, омонимии, синонимии и разноуровневой вариантности и дающая возможность выбора. Рассмотренные лексемы в своем большинстве полисемичны (**ИСАДЪ, кулига, гумно** и др.). Многозначность терминов имела специфический характер, который проявлялся в том, что одна и та же номинация в различных областях обозначала различные реалии.

Для этапа терминологического употребления общелитературных слов характерно использование в качестве специальной лексики омонимов: в процессе лексико-семантического терминопорождения происходит получение лексемой нового значения при параллельном ее функционировании с первичной семантикой. Этот факт в очередной раз подтверждает стихийность образования терминологии в отличие терминосистемы.

В терминологии сельскохозяйственных угодий отмечены следующие варианты слов: фонетические (**болотко – болотцо, пастбище – пазбище – паздбище** и др.); фонематические (**сосняк – сосник, дуброва – дубрава** и др.); морфологические (**перевесище – перевесье, зимовище – зимовье, летовище – летовье** и др.), а также дублетные словосочетания двух типов, имеющие разное грамматическое оформление (**земля плужная – плуг земля; лес дубровный – лес дуброва** и др.). Терминомодели первого типа с зависимым адъективным компонентом более устойчивы, частотны. На наш взгляд, употребление таких вариантов слов связано с языковыми особенностями их распространения на определенной территории.

Судьба рассмотренных наименований сельскохозяйственных угодий оказалась различной: некоторые номинации вышли из употребления (**селище, гумнище** и др.); некоторые лексемы не вошли в состав

литературного языка (наволоок, пожня, исад и др.); в народных говорах со старым значением отмечены слова нива, росчисть и др., многие лексемы продолжают функционировать в измененном значении. Терминологическое значение сохраняют номинации «сежа», «устье», «исток» и др.

Таким образом, исследования в области исторического терминоведения русского языка могут и должны быть продолжены в различных направлениях: изучение терминологии XVI-XVII вв. в историческом аспекте помогает расширить сведения о динамике номинативных процессов этого периода, углубляет наши представления о путях и способах развития лексики в истории русского языка.

По-прежнему остаются актуальными проблемы динамики словарного состава производственных, промысловых, сельскохозяйственных терминологий и терминосистем; вопросы взаимодействия различных терминологий XI-XVII вв. друг с другом и выявления общих закономерностей развития специальной лексики русского языка. Необходимо продолжить изучение способов и путей терминологизации и детерминологизации специальных наименований в синхронном и диахронном аспектах исследования.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеева Л.М. Проблемы термина и терминообразования / Пермский гос. ун-т. – Пермь, 1998. – 119 с. – Библиогр.: с. 110-119.
2. Андреев Н.Д. Статико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. – Л.: Наука, 1967. – 403 с.
3. Андреева Е.П. Формирование промысловой терминологии в старорусском языке (рыболовецкая лексика Белозерья XV-XVII вв.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / ЛГУ. – Л., 1985. – 16 с.
4. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 367 с. – Библиогр.: с. 346-364.
5. Астахина Л.Ю. Русские сельскохозяйственные книги XVI-XVII вв. как лингвистический источник: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / МГУ, Ин-т русск.яз. – М., 1974. – 22 с.
6. Астахина Л.Ю. Семантические и словообразовательные аспекты изучения тематической группы // Лексические группы в русском языке XI-XVII вв. : Сб. науч. трудов. – М., 1991. – С. 34-53.
7. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 296 с. – Библиогр.: с. 280-295.
8. Банзаров Д.О. О восточных названиях некоторых старинных русских вооружений // Записки СПб. Археол.-нумизмат. о-ва. – СПб., 1850. – Т.2: Вып. 5-8. – С. 352-358.
9. Барутчева Е.А. Из истории русской зодческой лексики XI-XVIII вв.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / МОПИ им. Н.К. Крупской. – М., 1984. – 25 с.
10. Бархударов С.Г. О значении и задачах научных исследований в области терминологии // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии: Сб. науч. трудов. – М., 1970. – С. 7-10.
11. Беляев И.Д. Очерк истории древней монетной системы на Руси // Чтения в обществе истории и древностей российских. – Отд. 1. – М., 1846. – С. 5-28.
12. Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикологии. – М.: Наука, 1984. – 255 с. – Библиогр.: с. 231-243.
13. Богородский Б.А. Русская судоходная терминология в историческом аспекте: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Л., 1963. – 32 с.
14. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные работы по общему языкознанию: В 2-х т. – М.: АН СССР, 1963. – Т.1. – 384 с.; Т.2. – 391 с. – Библиогр.: с. 356-359.
15. Божно Л.И. Научно-техническая терминология как один из объектов изучения закономерностей развития языка // Филологические науки. – 1971. – № 5. – С. 23-28.
16. Борисова Е.Н. Лексика Смоленского края по памятникам письменности / Смоленск: СГПИ им. К. Маркса, 1974. – 161 с. –



- Библиогр.: с. 143-156.
17. Борхвальдт О.В. Историческое терминоведение в теории и практике. – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – 148 с. – Библиогр.: с. 63-75.
  18. Брицын М.А. Из истории восточнославянской лексики: Уч. пос. – К.: Наукова думка, 1965. – 56 с.
  19. Брицын М.А. Юридическая терминология в восточнославянской письменности до XV в.: Автореф. дисс. ...докт. филол. наук / КГПУ. – Каменец-Подольский, 1967. – 42 с.
  20. Брицын М.А. Синхронический и диахронический анализ языковых единиц русского языка: Сб. науч. трудов. – К., 1989. – 179 с.
  21. Будагов Р.А. История слов в истории общества: Учеб. пос. – 2-е изд., доп. – М.: Добросвет: Тип. ФГУП "НИИ "Геодезия", 2004. – 254 с.
  22. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учеб. пос. – М.: Логос. – 304 с.
  23. Васильев А.Д. Динамика слова в истории русского языка: Учеб. пос. для спецкурса. – Красноярск: КГПУ, 1993. – 142 с.
  24. Васильев А.Д. Введение в историческую лексикологию русского языка / Красноярский гос. пед. ун-т. – Красноярск, 1997. – 104 с. – Библиогр.: с. 87-103.
  25. Васильева Н.В. Терминоведение: исторический и диахронический аспект // Терминологические чтения (Цикл 2): Проблемы языков для специальных целей, научной и профессиональной коммуникации. Киев, 1991. – Ч.1. – С. 19-20.
  26. Ващенко Т.Ф. К изучению отказных книг // Хитрова В.И. Дела генерального межевания как лексикологический источник. – М.: Наука, 1982. – С. 40-53.
  27. Виноградов В.В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. – Вып. 2. – М.: Учпедгиз, 1938. – 591 с.
  28. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. – 1953. – №5. – С. 3-30.
  29. Виноградов В.В. Вступительное слово // Вопросы терминологии (Материалы Всесоюзного терминологического совещания). – М.: АН СССР, 1961. – С. 3-10.
  30. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. Избранные труды. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
  31. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексического исследования // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 5-36.
  32. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Татарина В.А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения: Очерк и хрестоматия. – М.: Московский лицей, 1994. – С. 400-407.
  33. Волков С.С. Семантические неологизмы в общественно-политической и социально-экономической лексике судебных актов начала XVII в. // Вестник Ленинград. ун-та. – 1960. – № 2. – С. 105-110.

34. Гак В.Г., Лейчик В.М. Субституция терминов в синтагматическом аспекте // Терминология и культура речи: Сб. науч. трудов. – М., 1981. – С. 47-57.
35. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – 2-е изд., испр. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 222 с. – Библиогр.: с. 211-214.
36. Герд А.С. Проблемы формирования научной терминологии (на материале русских научных названий рыб): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук / ЛГУ им. А.А. Жданова. – Л., 1968. – 27 с.
37. Герд А.С. Проблемы становления и унификации научной терминологии // Вопросы языкознания. – 1971. – № 1. – С. 14-22.
38. Герд А.С. Еще раз о значении термина // Лингвистические аспекты терминологии: Сб. науч. трудов. – Воронеж, 1980. – С. 3-9.
39. Головин Б.Н. О некоторых задачах и тематике исследования научной и научно-технической терминологии // Ученые записки: Сб. науч. трудов. – Горький: изд-во Горьковского ун-та. – Вып. 114. Сер. лингвистическая. – С. 17-26.
40. Головин Б.Н. Типы терминосистем и основания их различия // Термин и слово: Сб. науч. трудов. – Горький, 1981. – С. 3-10.
41. Голубева А.В. Семантические и стилистические особенности деминутивов в русском языке XI-XVII вв.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / ЛГУ. – Л., 1984. – 16 с.
42. Гончаров В.И. Лексика промыслов в русском языке XVII в. (рыбная ловля, охота): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / КГПИ им. А.М. Горького. – К., 1983. – 25 с.
43. Гончаров В.И. Историческая лексикология русского языка. – К.: ФАДА, ЛТД, 2000. – 373 с. – Библиогр.: с.346-373.
44. Горбачева М.Н. История развития наименований мест на –ище в русском языке: Автореф. канд. ... филол. наук / МГУ. – М., 1982. – 18 с.
45. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка). – Л.: Наука, 1978. – 238 с. – Библиогр.: с. 210-232.
46. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. – Кн. 2. – 2- изд. испр. и дополн. – М.: АН СССР, 1954. – 470 с.
47. Гринев С.В. Введение в терминоведение: Учеб. пос. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1993. – 309 с.
48. Гринев С.В. Исторический систематизированный словарь терминов терминоведения. – М: Моск. пед. ун-т, 2000. – 144 с.
49. Грищенко Г.А. Наименования лиц, занимающихся сельским хозяйством, в истории русского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Ин-т языковедения им. А.А. Потебни. – К., 1977. – 24 с.
50. Грот Я.К. Заметка о некоторых старинных технических терминах русского языка. – СПб.: Типография Императорской АН, 1873. – 4 с.
51. Даниленко В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской

- терминологии: Сб. науч. трудов. – М.: Наука, 1971. – С. 78-90.
52. Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – 246 с. – Библиогр.: с. 221-243.
  53. Деева Н.В. Введение в историческую лексикологию русского языка / Министерство образования и науки РФ. Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «Кемеровский гос. ун-т». – Кемерово: КГУ, 2007. – 197 с. – Библиогр.: с. 184-195.
  54. Дерягин В.Я. Варьирование языковых средств в текстах деловой письменности (важские денежные отписи XVI-XVII вв.). – М.: Наука, 1976. – С. 3-37.
  55. Дубяго А.И. Экономическая терминология в языке Н.Г. Чернышевского // Вопросы семантики: Исследования по истории семантики: Сб. науч. трудов. – Калининград, 1982. – С. 24-29.
  56. Журавлева Т.А. Особенности терминологической номинации / Донецкий гос. ун-т. – Донецк: Донбасс, 1998. – 252 с.
  57. Замкова В.В. Специальная лексика в историческом словаре (к вопросу об отборе слов) // Проблемы исторической лексикографии: Сб. науч. трудов. – Л., 1977. – С. 81-93.
  58. Иванов В.В. История славянских и балканских названий металлов. – М.: Наука, 1983. – 199 с.
  59. Им Хынг Су. Становление терминологической лексики русского языка. – М.: Наука, 1995. – 190 с. – Библиогр.: с. 180-183.
  60. Исследования по лексикологии русского языка: Сб. науч. трудов. – К: КГПИ им. А.М. Горького, 1980. – 119 с.
  61. Источники по истории русского языка XI-XVII вв.: Сб. науч. трудов. – М.: АН СССР, Ин-т русск. яз., 1991. – 198 с.
  62. Калимуллина Л.А. Семантическое поле в русском языке: диахронический аспект (с привлечением материалов славянских языков) / Башкирск. гос. ун-т. – Уфа: БашГУ, 2006. – 343 с. – Библиогр.: с. 307-339.
  63. Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. / АН СССР, Ком. науч.-техн. терминологии – М.: Наука, 1977. – 167 с.
  64. Капанадзе Л.А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка: Сб. науч. трудов. – М., 1965. – С. 28-33.
  65. Карамзин Н.М. История Государства Российского: В 4 кн. / М.: Книга, 1989. – Кн. 3. – Т. 10: 1584 – к. XVI в. – 166 с.; Т. 11: 1598-1606. – 183 с.; Т.12: 1606-1612. – 199 с.
  66. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
  67. Картавенко В.С. Географическая лексика Смоленского края: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук / МОПИ им. Н.К. Крупской. – М., 1988. – 16 с.
  68. Кислик Л.И. Земледельческая лексика в памятниках деловой письменности XIV-XVII вв.: Дисс. канд. ...филол. наук: 10.02.01.– М.,

1975. – 182 с. – Библиогр.: с. 168-179.
69. Кияк Т.Р. Лингвистические аспекты терминоведения: Учеб. пос. – К.: УМКВО, 1989. – 104 с.
  70. Клепикова Г.П. Славянская пастушеская терминология (ее генезис и распространение в языках карпатского ареала). – М.: Наука, 1974. – 256 с. – Библиогр.: с. 238-252.
  71. Клыпа Н.И. Лексика сельскохозяйственной промышленности в русском языке XVIII века (мельничное и винокуренное производство): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / НПУ им. М.П. Драгоманова. – К., 1998. — 17 с.
  72. Коготкова Т.С. Национальные истоки русской терминологии. – М.: Наука, 1991. – 118 с. – Библиогр.: с. 111-115.
  73. Кодухов В.И. Лексико-семантические группы слов: Учеб. пос. – Л.: Изд. ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1955. – 176 с.
  74. Колшанский Г.В. Лингвогносеологические основы языковых номинаций // Языковая номинация: общие вопросы: Сб. науч. трудов. – М., 1977. – С. 96-101.
  75. Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание: Учеб. пос. – Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1991. – 156 с.
  76. Котков С.И. Московская деловая и бытовая письменность XVII в. – М.: Наука, 1968. – 338 с.
  77. Котков С.И. Отказные книги // Вопросы языкознания. – 1969. – № 1. – С. 130-135.
  78. Котков С.И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI-XVIII вв. – М.: Наука, 1970. – 317 с. – Библиогр.: с. 294-296.
  79. Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка: Учеб. пос.. – М.: Наука, 1980. – 293 с. – Библиогр.: с. 264-265.
  80. Крылов А.И. Термин и контекст // Языковые единицы и контекст: Сб. науч. трудов. – Л., 1973. – С. 89-98.
  81. Кубрякова Е.С. О понятиях синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. – 1968. – №3. – С. 112-123.
  82. Кузнецова Э.В. Метод ступенчатой идентификации в описании лексико-семантической группы слов // Учебные записки Тартуского ун-та: Сб. науч. трудов. – Тартус, 1969. – С. 348-355.
  83. Кузнецова Э.В. Лексико-семантическая группа слов и методы ее описания // Актуальные проблемы лексикологии: Тезисы докладов и лингвистической конференции «Слово о языке, речи и тексте» 7-8 мая 1974 г. – Новосибирск, 1974. – С. 106-107.
  84. Кутина Л.Л. Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в.). – М.-Л.: Наука, 1964. – 219 с.
  85. Ларин Б.А. Проект древнерусского словаря (принципы, инструкции, источники). – М.-Л.: АН СССР, 1936. – 175 с.

86. Левковская К.А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала: Учеб. пос.. – М.: Высшая школа, 1962. – 296 с.
87. Ледяева С.Д. Очерк по исторической лексикологии русского языка / Кишиневск. гос. пед. ин-т им. Крянгэ. – Кишинев: Штиинца, 1980. – 111 с. – Библиогр.: с. 103-110.
88. Лейчик В.М. Историческое терминоведение: его проблемы, методы направления исследований, приложения // Термин 91. Терминологические чтения «Проблемы языков для специальных целей, научной и профессиональной коммуникации». – Цикл 2. – Киев, 1991. – Ч.1. – С. 95-97.
89. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: КомКнига, 2006. – 256 с. – Библиогр.: с. 236-254.
90. Лексические группы в русском языке XI-XVII вв.: Сб. науч. трудов. – М.: Наука, 1991. – 193 с.
91. Лобачева Н.А. Терминология сельскохозяйственных угодий в старорусских памятниках письменности XVI-XVII вв. // Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова. Серія 9: Актуальні проблеми сучасного мовознавства. – № 1. – 2006. – С. 54-56.
92. Лобачева Н.А. Из истории наименований лесных угодий (бор, сосняк) в памятниках письменности XVI-XVII вв. // Східнослов'янська філологія: Зб. наук. праць. – Горлівка, 2006. – С.168-173.
93. Лобачева Н.А. Из истории наименований ландшафтных угодий в памятниках старорусской письменности // Система і структура східнослов'янських мов: Зб. наук. праць. – К., 2006. – С.62-67.
94. Лобачева Н.А. Из истории наименований водных угодий в русской актовой письменности XVI-XVII вв. // Мова і культура: Зб. наук. праць. – К., 2007. – С.229-235.
95. Лобачева Н.А. «Диахронический и исторический аспекты исследования русской терминологии» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Филология . – 2007. – Т. 20 (59), № 1. – С.174-178.
96. Мартынов В.В. Анализ по семантическим микросистемам и реконструкция праславянской лексики. – Этимология 1968. – М., 1970. – С. 14-15.
97. Материалистическая диалектика – методология естественных, общественных и технических наук. – М.: Наука, 1983. – 367 с.
98. Маштаков П.Л. Материалы для областного водного словаря. – Л.: Гос. гидрол. ин-т, 1931. – 38 с.
99. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. – Изд. 2-е, испр. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 104 с.
100. Михайловская Н.Г. К проблеме изучения лексико-семантической системы древнерусского языка // Вопросы языкознания. – 1973. – №2. – С. 92-101.

101. Михайловская Н.Г. К вопросу номинации в древнерусском тексте // Вопросы языкознания. – 1981. – № 1. – С.112-120.
102. Мишина Е.Ф. Основные способы образования юридических терминов в русском языке XV-XVI вв. // Уч.зап. Горьковского пед. ин-та. Сер. филол. наук. – 1969. – Вып. 95. – С. 229-230.
103. Муштенко Г.А. Термин и обозначаемое им понятие // Лингвистические аспекты терминологии: Сб. науч. трудов. – Воронеж, 1980. – С. 9-16.
104. Некипелова И.М. Метонимическая и метафорическая деривация в истории русского языка: на материале памятников деловой письменности XI-XVII вв. / Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2005. – 24 с.
105. Немченко В.Н. Основные понятия словообразования в терминах: Краткий словарь-справочник. – Красноярск, 1985. – 208 с.
106. Никитенко Н.М. Семантический анализ сельскохозяйственных терминов в русских говорах Подолья // Проблемы исторической и диалектной лексики: Сб. науч. трудов. – Калинин, 1984. – С. 67-72.
107. Никифорова Е.Б. Семантическая структура слова в диахронии / Федеральное агентство по образованию, Волгоградский гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2005. – 154 с. – Библиогр.: с. 143-154.
108. Нимчук В.В. Древнерусское слово *църь* // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. – Вып. 2: Славянская историческая лексикология: Сб. науч. трудов. – М., 1975. – С.34-38.
109. Норманн Б.Ю. Теория языка. Вводный курс: Учеб. пос. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.
110. Общая терминология: Вопросы теории / Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. – М.: Наука, 1989. – 246 с. – Библиогр.: с. 235-244.
111. Одинцов Г. Ф. Из истории гиппологической лексики в русском языке. М: Наука, 1980. – 223 с. – Библиогр.: с. 202-219.
112. Основи термінотворення: семантичні та соціолінгвістичні аспекти: (Монографія) / Дьяков А.С., Кияк Т.Р., Куделько З.Б. – К.: Видавничий дім «KM Academia», 2000. – 216 с.
113. Панин Л.Г. Географические термины в деловой письменности Западной Сибири XVII- нач. XVIII вв. // Лексика и фразеология русских говоров Сибири: Сб. науч. трудов. – Новосибирск, 1982. – С. 35- 49.
114. Петренко И.В. Собственно русская лексика в памятниках деловой письменности русского централизованного государства XIV-XVI вв.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / ДГУ им. 300-летия воссоединения Украины с Россией. – Д., 1968. – 16 с.
115. Петров В.В. Семантика научных терминов. – Новосибирск: Наука, 1982. – 127 с. – Библиогр.: с. 123-126.
116. Пичугина В.П. Отглагольные имена существительные с суффиксом –к (а) в русском языке XI-XVII вв.: Автореф. канд. ... филол. наук / Ин-т

- русского языка. – М., 1990. – 19 с.
117. Погодин А.Л. Следы корней основ в славянских языках. – СПб., 1905. – 20 с.
118. Полякова Е.Н. Лексика местных деловых памятников XVII– нач. XVIII вв. и принципы ее изучения: Учеб. пос. по спецкурсу. – Пермь: ПГУ, 1979. – 201 с.
119. Попова Н.Е. О некоторых терминах рыбного промысла (на материале деловых документов Красноярского острога XVII- XVIII вв.) // Материалы и исследования по русской диалектологии. – Красноярск, 1967. – С. 39-42.
120. Порохова О.Г. Слова *ляда*, *лядина* и *нива* в русских народных говорах // Лексика русских народных говоров: Сб. науч. трудов. – М.-Л.: Наука, 1966. – С. 175-191.
121. Порохова О.Г. Лексика сибирских летописей XVII в. – Л.: Наука, 1969. – 203 с.
122. Проблема разграничения синхронии и диахронии // Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. – М., 1973. – С. 107-119.
123. Проблемы истории и русской лексики и терминологии: Сб. науч. трудов. – М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1983. – 33 с.
124. Проблемы исторической терминологии: Сб. науч. трудов. – Красноярск: Красноярский пед. гос. ун-т, 1994. – 82 с.
125. Прохорова В.Н. Бытовая лексика в языке московских памятников второй половины XVII в. – М.: АКД, 1953. – 156 с.
126. Прохорова В.Н. Терминологическая лексика в древнерусском и современном русском языке // Проблемы истории индоевропейских языков: Тезисы докладов всесоюзной конференции, посвященной возвращению городу названия Тверь. – Тверь, 1991. – Ч.1. – С. 56-57.
127. Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование): Учеб. пос. – М.: МГУ, 1996. – 125 с.
128. Репневская С.В. Земледельческая лексика Северного Подвинья в ее истории: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / МОПИ им. Н.К. Крупской. – М., 1990. – 17 с.
129. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии: Сб. науч. трудов. – М., 1961. – С. 46-54.
130. Реформатский А.А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики: Сб. науч. трудов. – М., 1967. – С. 16-22.
131. Реформатский А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов. – Под ред. В.А. Виноградова. – 5-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 536 с.
132. Розова С.С. Классификационная структура научного знания глазами гносеолога // Структура и развитие научного знания. Системный подход к методологии науки: Материалы к VIII Всесоюзной конференции «Логика и методология науки» – Вильнюс, 1982. – С.

146-149.

133. Рупосова Л.П. Формирование терминологии гуманитарных наук в русском литературном языке: Учеб. пос. – М.: МОПИ Н.К. Крупской, 1987. – 80 с.
134. Рупосова Л.П. Профессиональная лексика и терминология в историческом аспекте // Проблемы исторической терминологии: Сб. науч. трудов. – Красноярск, 1994. – С. 3-9.
135. Русанівський В.М. Джерела розвитку східнослов'янських літературних мов. – К.: Наукова думка, 1985. – 231 с.
136. Семантика языковых единиц и категорий в диахронии: Сб. науч. трудов. – Калининград: КГУ, 2001. – 188 с.
137. Сергевнина В.М. О методике выделения терминов // Термин и слово: Сб. науч. трудов. – Горький, 1982. – С. 46-53.
138. Сергеев Ф.П. Русская дипломатическая терминология XI-XVII вв.: Учеб. пос. – Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1971. – 219 с.
139. Слюсарева Н.А. О типах терминов (на примере грамматики) // Вопросы языкознания. – 1983. – № 3. – С. 21-29.
140. Смолина К.П. Лексика имущественной сферы в русском языке XI-XVII вв. / Ин-т русской литературы. – М.: Наука, 1990. – 208 с.
141. Снетова Г.П. Русская историческая терминология: Учеб. пос. – Калининград: КГУ, 1984. – 86 с.
142. Соболевский А.И. История русского литературного языка. – Л.: Наука, 1980. – 196 с.
143. Современные проблемы русской терминологии: Сб. науч. трудов. – М.: Наука, 1986. – 199 с.
144. Соколова М.А. Из прошлого русской терминологии // Очерки по лексике и графике: Сб. науч. трудов. – М., 1963. – С. 154-161.
145. Соколовская Ж.П. Проблемы системного описания лексической семантики: Учеб. пос. – К.: Наукова думка, 1990. – 184 с.
146. Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке XI-XVII вв. / Ин-т русского языка. – Л.: Наука, 1970. – 383 с. – Библиогр.: с. 326-369.
147. Способы номинации в современном русском языке / Д.Н. Шмелев, А.Ф. Журавлев, О.П. Ермолаев и др. – М.: Наука, 1982. – 296 с.
148. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – 135 с.
149. Срезневский И.И. Русское слово: Избр. труды: Учеб. пос. – М.: Просвещение, 1986. – 173 с.
150. Ставшина Н.А. Лексика соляного дела Русского Севера: на материале деловой письменности Спасо-Прилуцкого монастыря XVI-XVII вв.: Автореф. канд. ...филол. наук / ЛГУ. – Л., 1985. – 16 с.
151. Старикова Г.Н. Тематическая группа «промышленные люди» в русском языке конца XVI-XVII вв. (ономасиологический и лексикографический аспекты): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук / Томский ун-т. – Томск, 1990. – 20 с.



152. Стась Т.В. Лексико-семантический анализ наименований земельных и сенокосных угодий в памятниках письменности северо-западной Руси XIV-XVI вв.: Дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01.– К., 1990. – 267 с. – Библиогр.: с. 217-241.
153. Стась Т.В. Лексика подсечно-огневого земледелия, обозначающая угодья, образованные на месте выкорчеванного участка леса // Система і структура східнослов'янських мов: Зб. наук. праць. – К., 2006. – С.80-84.
154. Степанова Г.В., Шрамм А.Н. Введение в семасиологию русского языка: Учеб. пос. – Калининград: КГУ, 1980. – 580 с.
155. Стрижевская О.И. О семантической структуре терминов // Филологические науки. – 1976. – № 6. – С. 28-32.
156. Строгова В.П. К особенностям названий угодий в говорах бывшей Новгородской земли // Уч. зап. НГПИ – 1961. – Т.6. – Вып. 1. – С. 15-17.
157. Судаков Г.В. Русская бытовая лексика XVI-XVII вв. в динамическом и функциональном аспектах: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук / МГПИ им. В.И. Ленина. – М., 1985. – 32 с.
158. Татаринов В.А. Теория терминоведения: В 3 т. / МГУ. – М., 1996. – Т. 1.: Теория термина: история и современное состояние. – 311 с.
159. Татаринов В.А. История отечественного терминоведения: В 3 т. / М.: Московский лицей, 1999. – Т. 2. – Кн. 2: Направления и методы терминологических исследований: Очерк и хрестоматия. – 312 с.
160. Терехова В.С. Лексика народной медицины (по материалам лечебников XVII-XVIII вв.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / ЛГУ. – Л., 1965. – 20 с.
161. Титкова Л.Л. Наименования строений в русском языке XVII века (лексико-семантический анализ): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / КГПИ им. М.П. Драгоманова. – К., 1992. – 19 с.
162. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. Серия «Из лингвистического наследия Н. И. Толстого». – М.: УРСС, 2006. – 360 с.
163. Третьяков П.Н. Сельское хозяйство и промыслы // История культуры древней Руси. – М.; Л., 1951. – Т.1: Материальная культура. – С. 72-77.
164. Трубачев О.Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках (этимологические исследования). – М.: Наука, 1960. – 115 с.
165. Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках: Этимология и опыт групповой реконструкции. – М.: Наука, 1966. – 416 с.
166. Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики: Учеб. пос.– Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 240 с. – Библиогр.: с. 228-239.
167. Филин Ф.П. Исследование лексики русских говоров (по материалам сельскохозяйственной терминологии) – М.-Л.: Наука, 1936. – 298 с.

168. Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи // Ученые записки ЛГПИ им. Герцена:– 1949. – Т. 8. – С.54-62.
169. Филин Ф.П. О слове и вариантах слова // Очерки по теории языкознания. – Л.: Наука, 1982. – С. 312-318.
170. Филин Ф.П. Историческая лексикология русского языка.– М.: Наука, 1984. – 175 с. – Библиогр.: с. 172-174.
171. Фролова Л.Ф. Диахронический анализ тематической группы слов (на материале наименований совершеннолетних в русском языке): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / АПН СССР НИИ преподавания русск. яз. в национальной школе. – М., 1989. – 17 с.
172. Цаценко В.С. Лексика землепользования и землевладения в Южной Руси XVII в. (на материале отказных книг): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Днепрпетровский гос. ун-т. – Днепрпетровск, 1984. – 23 с.
173. Цыцылкина Л.А. Лексика церковного деревянного зодчества Северной Руси XVI-XVIII вв. (К проблеме лексико-семантического поля): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Вологодский гос. пед. ин-т. – Вологда, 1998. – 21 с.
174. Чайкина Ю.И. Лексика подсечно-огневого земледелия в деловой письменности Устюжского уезда XVI-XVII вв. // Лексика и фразеология севернорусских говоров: Сб. науч. трудов. – Вологда, 1980. – С. 83-94.
175. Чайкина Ю.И. История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). – Вологда: Русь, 2005. – 258 с.
176. Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период: Учеб. пос. – М.: МГУ, 1956. – 243 с.
177. Черных П.Я. Древнерусская лексика // Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1962. – С. 338-365.
178. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык: В 3 т. / Учеб. пос. – Ч.2. Словообразование. Морфология. – М.: Просвещение, 1981. – 270 с.
179. Шахматов А.А. Исследования о Двинских грамотах XV в.: В 2 ч. / АН СССР. Ин-т русск.яз. М.-Л., 1930. – Ч.1: Язык грамот. – 140 с.; Ч.2: Изд. 115 грамот. – 184 с.
180. Шевцова А.В. Синхронно-диахронный аспект наименований лекарственных растений в русском языке (лексико-семантический и словообразовательный анализ): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / УГПУ им. М.П. Драгоманова. – К., 1994. – 22 с.
181. Шелов С.Д. Термины и характерная лексика // Термины и их функционирование: Сб. науч. трудов. – Горький, 1987. – С. 19-27.
182. Шелов С.Д. О понятии «профессиональная лексика» (К проблеме классификации специальной лексики) // Проблемы перевода научно-технической литературы. – Саратов, 1988. – С. 66-70.
183. Шкатова Л.А. Терминологические наименования лиц в русском языке (историко-ономасиологический анализ): Автореф. дисс. ...доктора

филол. наук / Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького. – Свердловск, 1987. – 31 с.

184. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964. – 244 с. – Библиогр.: с. 241-243.
185. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). – М.: Наука, 1973. – 280 с.
186. Шмелев Д.Н. Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982. – 296 с.
187. Якубайлик Г.А. Лексика пушного промысла в сибирских деловых документах XVII в. // Жанрово-стилевая специфика лексики русского языка XVI-XVIII вв.: Сб. науч. трудов. – Красноярск, 1987. – С. 81-89.

## ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

188. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / М.: Астрель АСТ. – 2003. – Т.1: А-З. – 1158 с.; Т.2.: И-О. – 1280 с.; Т.3.: П. – 921 с.; Т.4: Р-Я. – 1144 с.
189. Кочин Г.Е. Материалы терминологического словаря Древней России. – М.-Л.: АН СССР, 1937. – 488 с.
190. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – Изд. 2-е, репринт. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
191. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – 24-е изд. – М.: Оникс 21 век «Мир и образование», 2003. – 895 с.
192. Опыт областного великорусского словаря, изд. Вторым отд. Императорской акад. наук / Ред. А.Х. Востоков. – Спб., 1852. – 275 с.
193. Полный церковнославянский словарь. / Сост. Г. Дьяченко. – М.: Отчий дом, 2002. – 1120 с.
194. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. / Гос. изд. иностр. и нац. словарей (репринтное изд. моск. типографии Г. Лиснера и Д. Совко 1910-1914 гг.). – М., 1959.
195. Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ф.П. Филина. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 432 с.
196. Словарь Академии Российской, 1789-1794 гг.: В 6 т. / РАН. – М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2001-2005. – Т.1: А-В. – 2001. – 688 с.; Т.2: Г-Ж. – 2002. – 742 с.; Т.3: З-Л. – 2003. – 830 с.; Т.4: М-П. – 2004. – 784 с.; Т.5: Р-С. – 2005. – 704 с.
197. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): В 10 т. / Редкол. Р.И. Аванесов, И.В. Адрианова и др. – М.: АН СССР, Ин-т русского языка, 1988-2004. – Т.1: А-възаконяться. – 1988. – 526 с.; Т.2: възалкати-добродетельникъ. – 1989. – 494 с.; Т.3: добродетельно-изжечися. – 1990. – 511 с.; Т.5: молимъ – обятьнъ. – 2002. – 647 с.; Т.6: овадъ-покласти. – 2000. – 608 с.; Т.7: поклепанъ-працоуръ. – 2004. – 505 с.
198. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв. Вып. 2: К-О. – СПб.: РАН «Дмитрий Буланин», 2005. – 332 с.
199. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-36. / М.-Л.: Наука, Ленинградское отд., АН СССР. Ин-т русск. яз. словарный сектор, 1965-2002. – Вып. 1: А. – 1965. – 303 с.; Вып. 2: Ба-Блазниться. – 1966. – 315 с.; Вып. 3: Блазнишка – Бяшутка. – 1968. – 360 с.; Вып. 4: В-Военки. – 1969. – 356 с.; Вып. 5: Военство-Выростковый. – 1970. – 343 с.; Вып. 6: Выросток-Гон. – 1970. – 358 с.; Вып. 7: Гона-Делеть. – 1972. – 355 с.; Вып. 8: Дер-Ерепениться. – 1972. – 369 с.; Вып. 9: Ерепеня – Заглазеться. – 1972. – 362 с.; Вып. 10: Заглазки – Заросить. – 1974. – 388 с.; Вып. 11: Зароситься – Забренька. – 1976. – 363 с.; Вып. 12: Зубреха – Калумаги. – 1977. – 368 с.; Вып. 13: Калун-Кобза. – 1977. – 358 с.; Вып. 14: Кобзарин-Корточки. – 1978. – 376 с.; Вып. 15: Кортусы – Куделюшки. – 1979. – 399 с.; Вып. 16: Куделя-Лесной. –

1980. – 376 с.; Вып. 17: Леснокаменный – Масленичатъ. – 1981. – 383 с.; Вып. 18: Масленичек – Мутарсливый. – 1983. – 367 с.; Вып. 19: Мутаситься – Накучить. – 1983. – 359 с.; Вып. 20: Накучать – Негоразд. – 1985. – 376 с.; Вып. 21: Негораздый – Обвитва. – 1986. – 360 с.; Вып. 22: Обвивень – Одалблывать. – 1987. – 368 с.; Вып. 23: Одале – Осеть. – 1987. – 376 с.; Вып. 24: Осець – Отчураться. – 1989. – 368 с.; Вып. 25: Отчурить – Первачок. – 1990. – 352 с.; Вып. 27: Печечки – Подельывать. – 1992. – 400 с.; Вып. 28: Подель – Покороче. – 1994. – 399 с.; Вып. 29: Покорочеть – Попритчиться. – 1995. – 348 с.; Вып. 30: Поприугомонит – Почестно. – 1996. – 384 с.; Вып. 31: Почестно – Присуть. – 1997. – 432 с.; Вып. 32: Присуха – Протишь. – 1998. – 271 с.; Вып. 33: Протка – Разлука. – 1999. – 361 с.; Вып. 34: Разлуканье – Ревенька. – 2000. – 367 с.; Вып. 35: Реветь – Рящик. – 2001. – 360 с.; Вып. 36: С – Святковать. – 2002. – 344 с.
200. Словарь русского языка XI-XVII вв.: Вып. 1-26. АН СССР, Ин-т русского языка [Р.И. Аванесов] – М.: Наука, 1975-2002. – Вып. 1: А-Б. – 1975. – 371 с.; Вып. 2: В-Волога. – 1975. – 319 с.; Вып. 3: В-ВЯ. – 1976. – 288 с.; Вып. 4: Г-Д. – 1977. – 403 с.; Вып. 5: Е-Зинутие. – 1978. – 392 с.; Вып. 6: Зипун – Иянуарий. – 1979. – 359 с.; Вып. 7: К-Крагуяръ. – 1980. – 403 с.; Вып. 8: Крада – Лящина. – 1981. – 351 с.; Вып. 9: 1982. – 357 с.; Вып. 10: Н-Наятися. – 327 с.; Вып. 11: Не-Наятый. – 1986. – 456 с.; Вып. 12: О-Опарный. – 1987. – 384 с.; Вып. 13: Опась-Отрабат. – 1987. – 319 с.; Вып. 14: Отрава-Персоня. – 1988. – 311 с.; Вып. 15: Персть-Подмышка. – 1989. – 285 с.; Вып. 16: Поднавесь-Поманути. – 1990. – 294 с.; Вып. 17: Помаранец-Потишати. – 1991. – 295 с.; Вып. 18: Потка-Преначальный. – 1992. – 288 с.; Вып. 19: Пренебесный-Присведетельствовати. – 1994. – 272 с.; Вып. 20: Присвоение-Прочнутися. – 1995. – 288 с.; Вып. 21: Прочный-Раскидати. – 1995. – 278 с.; Вып. 22: Раскидаться – Рященко. – 1997. – 297 с.; Вып. 23: Съ-Сдымка. – 1996. – 253 с.; Вып. 24: Се-Скорыи. – 1999. – 254 с.; Вып. 25: Скорынья-Снулый. – 2000. – 273 с.; Вып. 26: Снурь-Спарывати. – 2002. – 278 с.
201. Словарь русского языка XVIII в.: Вып. 1-12. Сост. Е.А. Биржакова и др. – М.: Наука. – 1984-2001. – Вып. 1: А – Безпристрастие. – 1984. – 224 с.; Вып. 2: Безпристрастный – Вейэр. – 1985. – 247 с.; Вып. 3: Век – Воздувать. – 1987. – 296 с.; Вып. 4: Воздух – Выпись. – 1988. – 256 с.; Вып. 5: Выпить – Грызть. – 1989. – 255 с.; Вып. 6: Грызться – Древный. – 1991. – 256 с.; Вып. 7: Древо – Залежь. – 1992. – 263 с. Вып. 8: Залезть – Ижоры. – 1995. – 256 с.; Вып. 9: Из – Каста. – 1997. – 270 с.; Вып. 10: Кастальский – Крепостца. – 1998. – 256 с.; Вып. 11: Крепость – Льяной. – 2000. – 255 с.; Вып. 12: Льстец – Молвотворство. – 2001. – 252 с.
202. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР. Русский язык (Под ред. А. П. Евгеньевой). – М., 1999. – Т. 1.: А-И. – 702 с.

203. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / М.-Л.: Наука, АН СССР, Ин-т русского языка. – 1950-1965. – Т.1: А-Б. – 1950. – 768 с.; Т.2: В. – 1951. – 1394 с.; Т.3: Г-Е. – 1954. – 1340 с.; Т.4: Ж-З. – 1955. – 1363 с.; Т.5: И-К. – 1956. – 1919 с.; Т.6: Л-М. – 1957. – 1459 с.; Т.7: Н. – 1958. – 1467 с.; Т.8: О. – 1959. – 1839 с.; Т.9: П-Пнуть. – 1959. – 1482 с.; Т.10: По-Поясочек. – 1960. – 1774 с.; Т.11: Пра-Пятью. – 1961. – 1842 с.; Т.12: Р. – 1961. – 1676 с.; Т.13: С-Сняться. – 1962. – 1516 с.; Т. 14: Со-Сям. – 1963. – 1390 с.; Т.15: Т. – 1963. – 1286 с.; Т.16: У-Ф. – 1964. – 1610 с.; Т. 17: Х-Я. – 1965. – 2126 с.
204. Словарь-справочник лингвистических терминов / Сост.: Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 400 с.
205. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. / Репринтное изд. – М.: Книга, 1989. – Т.1: А-К. – 1613 стлб. Т.2: Л-П. – 1802 стлб.; Т.3: Р-Я. – 1684 стлб.
206. Старославянский словарь (по рукописям X-XI вв.). – Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М.: Русский язык, 1999. – 843 с.
207. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Перевод с нем. и доп. О.Н. Трубачева; Под ред. и с предисловием Б.А. Ларина. – М.: Прогресс, 1964. – Т.1: А-Д. – 1964. – 562 с.; Т.2: Е-Муж. – 1967. – 671 с.; Т.3: Муза-Сят. – 1971. – 827 с.; Т.4: Т-Ящур. – 1973. – 855 с.
208. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. – 2-е изд. – К.: Радянська школа, 1989. – 512 с.
209. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. / Вступ. сл. П.Я Черных. – М.: Русский язык. – 1993.
210. Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А.: В 82 т. 1890-1907 гг. – Кн. 43 (Т. 22): Опекa – Оутсайдеръ. – СПб, 1897. – С. 357; Кн. 45 (Т.23): Патенты – Петропавловский. – СПб., 1898. – С. 140; Кн. 50 (Т.25): Простатитъ – Работн. домъ. – СПб., 1898. – С. 814 – 815; Кн. 53 (Т. 27): Розавень – Репа. – СПб., 1899. – С. 150; С. 426 – 431; Т. 68: Углеродъ-усиліе. – С. 499-500.
211. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1-17. / Под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1974-1990. – Вып.1: А-В. – 1974. – 214 с.; Вып. 2: Bez-Bratъ. – 1975. – 238 с.; Вып. 3: Bratъсь-Ську. – 1976. – 199с.; Вып. 4: Cabineti-Dela. – 1977. – 235 с.; Вып. 5: Delo-Дьръль. – 1978. – 232 с.; Вып. 6: E-Golva. – 1979. – 222 с.; Вып. 7: Golvacъ-Gyzati. – 1980. – 224 с.; Вып. 8: Хя-Івьльга. – 1981. – 252 с.; Вып. 9: Ъъз-Klen. – 1983. – 197 с.; Вып. 10: Клераиъ-Копъ. – 1983. – 198 с.; Вып. 11: Копъсь-Котънь. – 1984. – 220 с.; Вып. 12: Коулькъ-Кромъ. – 1985. – 186 с.; Вып. 13: Kromezirъ-Kyriti. – 1987. – 285 с.; Вып. 14: Labati-Letepльъ. – 1987. – 268 с.; Вып. 15: Letina-Lokacъ. – 1988. – 263 с.; Вып. 16: Lokadlo-Льзівьсь. – 1990. – 264 с.; Вып. 17: Льзь-Matjesъпъје. – 1990. – 269 с.
212. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. –

688 c.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ (ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ)

- ААЭ 1** – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Акад. наук, т. 1 (1294-1598 гг.). СПб., 1836.
- ААЭ 3** – Акты феодального землевладения и хозяйства, ч.3. Сост. Л.В. Черепнин. М., 1961. 1521-1622 гг.
- А. гражд. распр. 1-2** – Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Т. 1-2 (с. 1-407). Киев, 1860-1863. 1432 – 1699 гг.
- А. Ивер.м.** – Акты Иверского Валдайского монастыря XVII в. – Хранятся в ЛОИИ, ф. 181, оп. 1.
- А. кунгур.** – Кунгурские акты XVII в. (1668-1699 гг.). Изд. А.Г. Кузнецова. – Ред. А.А. Титов. СПб., 1888.
- А. Пыскор. м.** – Акты Спасо-Преображенского Пыскорского монастыря 1579-1679 гг.– Рукоп. ЛОИИ, к. 115, № 388, сп. XVII в.
- А. Ром. сл.** – Гурлянд И.Я. Акты Романовской Ямской слободы 1587-1707 гг. (Временник Демидовского юридического лицея, кн.83. Ярославль, 1901); с. 22-28: 1628 г.
- А. сб. Лих.** – Лихачев Н.П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. 1. Духовные и сговорные. 2. Правые грамоты. СПб., 1895. XV в. – 1744 г.
- А. Свир. м.** – Акты Александра Свирского монастыря XVII в. – Рукоп. ЛОИИ, ф.3, оп. 1.
- А. Солов. мон.** – Рукописи Соловецкого монастыря. – Хранятся в ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, оп. 4. XVI-XVII вв.
- А. тяг. 1** – Дьяконов М. Акты, относящиеся к истории тяглового населения в Московском государстве. Вып. 1.: Крестьянские порядные. Юрьев, 1895.
- А. Уст. 1** – Шляпин В.П. Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря, ч. 1: 1514-1697 гг. Великий Устюг. – 1912-1913.
- А. феод. земл. 1** – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI вв., ч.1. Подгот. к печати Л.В. Черепнин. М., 1951, сп. XVI в.
- А. феод. землевл. 3** – Акты феодального землевладения и хозяйства. В 3 ч. – Ч.3. Сост. Л.В. Черепнин. М., 1961. 1521-1622 гг.
- А. черд.** – Чердынские юридические памятники 1606-1718 гг. / Врем. ОИДР. – 1857. – Кн. 25. – С. 113-154.
- А. Юш.** – Акты XIII-XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собрал и издал А.И. Юшков. – Ч.1: 1257- 1613 гг. – Кн.3, с. 129-336), сп. XVII в.
- Ав. Ж.** – Житие протопопа Аввакума, им самим написанное // Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1, в.1. Л., 1827. (ред. А, с. 1-82: 1673 г.).



**Ав. Кн. бес.** – Аввакум. Книга бесед (Там же, стлб. 241-424). 1669-1675 гг. 1675 г., сп. XVIII в.

**Аз. пов.** – Орлов А. Исторические и поэтические повести об Азове. (Взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.). Тексты. М., 1906, сп. XVII-XVIII вв.

**АИ 1, 3, 4, 5** – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, Т.1.: 1334-1598 гг.; Т.3.: 1613-1645 гг.; Т.4.: 1645-1676; Т.5. 1676-1700 гг. – СПб., 1841 г.

**Акты гражд. распр. 1** – Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Т. 1-2 (т.1 с. 1-407). Киев, 1860-1863. 1432 – 1699 гг.

**АМГ 1-2** – Акты Московского государства. В 3 т. – Разрядный приказ. Московский стол. Т. 1-2 под ред. Н.А. Попова / изд. Акад. Наук. – СПб., 1890-1901 гг.

**АПД** – Акты писцового дела 60-80-х годов XVII века: В 4-х т. Т. 4 / Сост. акад. С.Б. Веселовский. – М.: Наука, 1990. – 477 с.

**АРГ** – Акты Русского государства 1505-1526 гг. Сост. С.Б. Веселовский. Дополнили и подготовили к печати Р.В. Бахтурина, И.А. Булыгин, Л.И. Ивина, С.М. Каштанов, Л.З. Мильготина, В.Д. Назаров, Л.А. Никитина. – М., 1975 г.

**Арз. а.** – Арзамасские поместные акты (1578-1618 гг.). Собр. и ред. С.Б. Веселовский. – Кн. 1 – Вып. 4: Смутное время Московского государства. 1604-1613 гг. – Чт. ОИДР, 1916.

**Арх. Бог. Важ.м.** – Рукописи Богословского Важского монастыря Шенкурского уезда. – Хранятся в ГА Архангельской обл., ф. 829, оп. 1 (столбцы), оп. 2 (книги). XVI-XVII вв.

**Арх. Карг. м.** – Рукописи Спасо-Преображенского Каргопольского монастыря. – Хранятся в ГА Архангельской обл., ф. 792, оп. 1. XVI-XVII вв.

**Арх. Он.** – Архив Онежского Крестного монастыря. – Хранится в ЦГАДА, ф. 1195, оп. 1. XVII в.

**Арх. Перт.м.** – Рукописи Пертоминского Преображенского монастыря. – Хранятся в ГА Архангельской обл., ф. 60, оп. 1. XVII в.

**Арх. Стр. 1, 2** – Архив П.М. Строева. Т. 1.: РИБ, Т. 32. Пг., 1915. 1400-1597 гг.; Т.2.: РИБ, Т. 35. Пг., 1917. 1598-1645 гг.

**Арх. Толстого** – Собрание актов XVII-XVIII вв. Ф.А. Толстого. – Хранятся в ЛОИИ, к. 133, № 1-217.

**АСВР 1-3** – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – нач. XVI вв. – Т. 1-3. М., 1952-1964.

**АСЗ, 1** – Акты служилых землевладельцев XV-XVII вв. /Сост. А.В. Антонов, К.В. Баранов. – Т.1. – М.: «Археографический центр», 1997. – 432 с.

**АСМ** – Акты социально-экономической истории севера России конца XV-XVI вв.: В 3 т. Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. – Л., 1988.

- Астрах. а.** – Акты Астраханской воеводской избы XVII в. – Хранятся в ЛОИИ, ф. 178.
- АФЗХ 3, 95** – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI вв.: В 3 т. – Т. 3. – М., 1951-1961 гг. – С. 95.
- АХУ 1** – Акты Холмогорской и Устюжской епархии, ч.1: 1500-1699 гг. (РИБ, т. 12.). – СПб., 1890 г.
- АХУ 2** – Акты Холмогорской и Устюжской епархии, ч.2: 1500-1706 гг. (РИБ, т. 14.). – СПб., 1894 г.
- АХУ 3** – Акты Холмогорской и Устюжской епархии, кн. 3: 1621-1680, 1692 гг. (РИБ, т. 25). – СПб., 1908 г.
- АХУ 3 (Лодом.)** – Акты Лодомской церкви Архангельской епархии XV-XVII вв. (РИБ, т. 25, прил.)
- АЮ** – Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. Изд. Археогр. ком. СПб., 1838. 1425-1705 гг.
- АЮБ 1-3** – Акты, относящиеся до юридического быта древней России. XII-XVII вв. Изд. Археограф. ком. под ред. Н. Калачова. – Т. 1-3. – СПб., 1857-1884.
- Баг. Мат.** – Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI-XVII вв. (1600-1693 гг.), собранные в разных архивах и отредактированные Д.И. Багалеем / Изд. Ист. филол. общества при Харьковском ун-те. – Харьков, 1886.
- Беседа Вал.** – Беседа преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев. Апокрифический памятник XVI в. Текст его с введением В.Г. Дружинина и М.А. Дьяконова (ЛЗАК за 1885-1887 гг.). – Вып. 10. – Отд. 2: после 1553-1554 гг. – сп. XVII в. – СПб., 1895.
- Вар. V** – Книга пророка Варуха по сп. XV в. выписки из словаря А.Х. Востокова.
- Вер. кн. 2** – Веревные книги Антониева Сийского монастыря. – Рукоп. БАН, Арх.д., № 382. 294 лл. 1622-1681 гг.
- Вкл. Ант.** – Изюмов А.Ф. Вкладные книги Антониева Сийского монастыря 1576-1694 (7084-7202) гг. / Чт. ОИДР, 1917. – Кн. 2. – Отд. 1. – С. 1-79.
- Вкладн. Пол. в.к. Онуфр. до 1400 г.** – вкладная грамота Полоцкого кн. Онуфрия, вписанная в Евангелие Имп. публичной библиотекы до 1400 г. (по определению И. Срезневского); Акты, относящиеся к истории Западной России, собр. и изд. Археографическою ком., т. 1: 1340-1506 гг. № 14. СПб., 1846-1848 гг.
- Ворон. а.** – Материалы для истории Воронежа и соседних губ. – Т.1: Воронежские акты 1599-1705 гг. – Воронеж, 1887 г.
- Ворон. меж. кн.** – Извлечения из писцовой и межевой книги Романа Киреевского и Леонтия Недовескова 7137 г. / Воронежские писцовые книги, т.2. – Воронеж, 1891. – С. 189-261.
- Ворон. п. кн.** – Список с Воронежских книг письма и дозору Григорья Киреевского с товарищи лета 7123 году / Материалы для истории

Воронежа и соседних губ. – Т.2: Воронежские писцовые книги. – Воронеж, 1891. – С. 1-141.

**Вгз. XX. 19** – Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках / Сб. ОРЯС. – Т. XX. – С. 19-24.

**Вып. из кн. Обон.пят.** – Выписка из книг Обонежской пятины / Акты социально-экономической истории севера России конца XV-XVI вв. – Акты Соловецкого монастыря.

**Вып. Из. Тамб.арх.** – Выписка из Известий Тамбовской ученой архивной комиссии. – Вып. XXV. – Тамбов, 1889.

**Вып.Белоз.пис.кн. 1585** – выписка из писцовых книг Белозерского монастыря. Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. Изд. Археографической комиссии. – СПб., 1838. 1425-1705 гг. – С. 251-252.

**ГВНП** – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В.Г. Гейман, Н.А. Казакова и др. Под ред. С.Н. Валка. – М.-Л., 1949.

**Гр. XIV-XV вв. (1, двин.)** – Грамота купчая Филиппа Григорьева Мефодию и Семену Яковлевичам на пожни и рыбные ловища, к. XIV - н. XV в. / Изд: А.А. Шахматов. Двинские грамоты. – № 105.

**Гр. Важ., 723. 1632** – Грамоты Важского уезда XV-XVIII вв. / Сб. грамот Коллегии экономии / Т.2.: 1451-1732 гг., стлб. 649-822. Л., 1929.

**Горе Зл. 33. XVIII-XVII** – Симонии П.К. Повесть о Горе и Злосчасти, как Горе-Злосчастье довело молодца во иноческий чин, по единственной сохр. рукописи XVIII в. Изд. 2-е, пополн. / Памятники старинного русского языка и словесности XV-XVIII ст. – Вып. 7, 1. – СПб., 1907.

**Гр. после 1349 г. (ю.-р.)** – Грамота жалованная польского князя Казимира слуге своему Ивану на дворища Занево и Микитино с угодыями в Перемышльской земле, после 1349 г. Изд.: Розов, №2.

**Гр. 1368 (ю.-р.)** – Грамота купчая львовского местича ганька сварца Олешке Малечковичу на село Ширцу, 1368 7. Изд. Розов, № 8.

**Гр. 1375 (ю.-р.)** – Грамота жалованная подольского кн. Александра Кориатовича Смотрицкому монастырю, 17 марта 1375 г. Изд.: А.И. Соболевский и Пташицкий. – № 4.

**Гр. 1378 (2, ю.-р.)** – Грамота продажная Хоньки Васковой на Каленни ков монастырь, 1378 г. Изд.: А.И. Соболевский и Пташицкий, № 24.

**Гр. 1378, (1, ю.-р.)** – Грамота жалованная польского кн. Владислава Ладомуру Волошину на пустую землю, 1378 г. / Изд.: А.И. Соболевский и Пташицкий, № 16.

**Гр. 1394 (ю-р)** – Грамота жалованная польского князя короля Владислава Ягелла своему слуге Данилу Дажбоговичу Задеревецкому на именья в Галиции, 29 июня 1394 г. / Изд. А.И. Соболевский и Пташицкий. – № 15.

**Гр. до 1397 г. двин.** – Грамота купчая Филиппа Григорьева Мефодию и Семену Яковлевичам на пожни и рыбные ловища, к. XIV- н. XV в. / Шахматов А.А. Двинские грамоты. – № 105.

**Гр. 1390, моск.** – Грамота договорная московского в.кн. Василия Дмитриевича с кн. серпуховским и Боровским Владимиром Андреевичем,

после 6 января 1390 г. / Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в гос. Коллегии иностранных дел. – М., 1813-1894. – Ч.1, № 35.

**Гр. Дв. (доп.)**– Сибирцев И.М. и Шахматов А.А. Еще несколько двинских грамот XV в. Изд. ОРЯС. СПб., 1909 / Исследования по русскому языку, Т. 2. – Вып. 5.

**Гр. Дв. 1** – Грамоты двинского уезда / Сборник грамот Коллегии экономии . – Т. 1: XV в. – 1649 г. – М., 1922.

**Гр. Дв. 2** – Грамоты Двинского уезда XVII-XVIII вв. (Сборник грамот Коллегии экономии, Т. 1, 1929, стлб. 1-434). 1649-1748 гг.

**Гр. Кир.-Б.м. 407, 1340 г.** – Корбин В.Б. Грамоты XIV-XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря, ок. 1340-1492 гг. – «АЕ за 1968 год». – М., 1970. – С. 407-410.

**Гр.К.-Бел.м. 1559** –Грамоты 1400-1597 гг. из архива Кирилло-Белозерского монастыря. **Арх. Стр. 1** – Архив П.М. Строева. Т. 1. (РИБ, Т. 32. Пг., 1915) – С. 208.

**Гр. Кольск.** – Грамоты Кольского уезда XVI-XVIII вв. / Сб. грамот Коллегии экономии. – Т. 2. – Л., 1929, стлб. 437-608).

**Гр. Крут. еп., 273. 1688 г** – Сарайская и Крутицкая епархии. Вып. 3. С предисл. Н.А. Соловьева. –Кн. 4.: 1662-1713 гг. – Чт. ОИДР, 1902,

**Гр. мен., Ш., 35. 1692 г** – Шумаков С.А. Грамоты и записи 1561-1696 гг. – Кн. 2: Грамоты 1601-1696 гг. – Чт. ОИДР, 1902 С. 1-50.

**Гр. Новг. и Псков.** – Грамоты Великого Новгорода и Пскова XII-XVI вв. Под ред. С.Н. Валка. М.-Л., 1949.

**Гр. Сиб. Милл. 1-2** – Миллер Г.Ф. История Сибири, т. 1-2. – М.-Л., 1937-1941 гг.

**Гр.кн.Всевол. д. 1136 г.** – Срезневский И.И. Грамота в.к. Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю, до 1136 г. (сп. XVII в.) / Изв. АН по ОРЯС. – Т. 8. – 1859-1860. – стлб. 353-355.

**Грам. в.к. Ив.Вас. Окс. ок. 1484 г.** – Грамота вел. кн. Ивана Ивановича Василию Оксакову, писанная около 1484 г. (в списке). / АИ 1, № 92.

**Грам. Герд. к. Пол. 1264** – Грамота Герденя кн. Полоцкого и Витебского о заключении мира с рижанами 1264 г. (сп. XV в.) / Полоцкие грамоты XIII – нач. XIV вв. / Сост. А.Л. Хорошкевич. Отв. ред. А.А. Зимин. – М., 1977. – С. 35-36.

**Грам. кн. Из.Мст. 1148 г.** – Грамота вел. кн. Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову мон. 1148 г. (в поздних списках) / Изв. Ак., т. 8. – С. 354.

**Грам.Олег.Ряз.п.1356 г.** – Грамота Олега Рязанского / Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси кон. XIV – нач. XVI вв. Т. 3. М., 1952-1964 гг. – С. 350.

**ГрБ № 2, 80-90 XIV в.** – А.В. Арциховский, М.Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1951 г.). М., 1953 г.

**Д. опричн., 447.1569 г.** – Садиков П.А. Очерки по истории опричнины XVI -XVII вв. М.-Л., 1950.

**Д.Шакловит. 4, 392. 1689 г.** – Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. В 4 т. / Изд. Археогр. ком. – Т.4: 1685-1725 гг. – СПб., 1893 гг.

**ДАИ 1-12** – Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археогр. ком. Т.1: кон. X в. – 1613 г. – 1846 г.; Т.2: 1613-1645 гг. – 1846 г.; Т.3: 1645-1654 гг. – 1848 г.; Т.4: 1655-1664 гг. – 1851 г.; Т.5: 1665-1674 гг. – 1853 г.; Т.6: 1670-1676, 1650-1674 (в прибавл.). – 1857 г.; Т.7: 1675-1681 гг. – 1859 г.; Т.8: 1678-1681 гг. – 1862 г.; Т.9: 1676-1682 гг. – 1875 г.; Т.10: 1682-1683 гг. – 1867 г.; Т.11: 1684-1685 гг. – 1869 г.; Т.12: 1684-1699 гг. – 1872 г.

**Дан. гр. Ниж. Бл.мон. 1399 г.** – Данная грамота Саввы Дмитриевича Сюзева Нижегородскому Благовещенскому монастырю 1399 г. (в сп. XVI в.) / АЮБ 1, № 63.

**Дан. Иг. Нор.** – Странник игумена Даниила по изданию А.С. Норова: «Путешествие игумена Даниила по святой земле в начале XII в.». – СПб., 1864 г.

**ДДГ** – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. Подгот. к печати Л.В. Черепнин. Под ред. С.В. Бахрушина. М.- Л., 1950.

**Дог. гр. 1340 г.** – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. – М.-Л., 1950 г. – С. 11-13.

**Дон.д. 4, 5** – Донские дела. Кн. 1-5. – Кн. 4: т. 28: 1625-1633; т.33: 1648-1654; Кн. 5: т. 34: 1655-1663 гг. – Пг., 1917.

**Доп. Суд., 80, XVII в** – Дополнительные статьи к Судебнику царя Иоанна Васильевича. Сообщ. А.Ф. Бычковым. / Арх. истор.- юрид. свед., относ. до России, изд. Н. Калачовым, сп. XVII в. – Кн. 2. – Отд. 2. – С. 79-84.

**Дух. и дог. гр.** – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л., 1950 г.

**Дух. Ив. Дан.** – Духовная грамота Ивана Данилова ок. 1339 г. / Грамоты духовные и договорные великих и удельных князей XIV-XVI вв. – М.-Л., 1950. – С. 9-11.

**Дух. Ив. Ив.** – Духовная грамота Ивана Иванова до 1359 г. / Грамоты духовные и договорные великих и удельных князей XIV-XVI вв. – М.-Л., 1950. – С. 15-19.

**Дух. Сим. Ив. 1353 г.** – Духовная грамота Семена Иванова 1353 г. / Грамоты духовные и договорные великих и удельных князей XIV-XVI вв. – М.-Л., 1950. – С. 13-14.

**Дух.Вас.иг.ок. 1350** – Духовная грамота игумена Василия Чухченскому монастырю ок. 1350 г. / Грамоты Великого Новгорода и Пскова XII-XVI вв. Под ред. С.Н. Валка. М.-Л., 1949. – С. 216.

**Ез. кн. К.-Бел. м.** – Ездовая книга Кирилло-Белозерского монастыря 1585 г. / РНБ, ф. С.-Петербургской духовной академии, № А, 1-16, л. 1505-1644.

**Ж. Герас. Б.** – Житие Герасима Болдинского, XVI в. – Рукоп. ГБЛ, Муз., № 2496 (Поп., № 62), л. 165-220, н. XVII в. (XVII в. – XVI в.).

**Ж. Ис. Тв.** – Житие и чудо Исидора Твердислова, юродивого Ростовского, умер в 1474 г. – Рукоп. ГБЛ, ф. 256 (Рум.), № 397, л. 369-372, оп.к. XVI в.

**Ж.Зос.С.** – Житие Зосимы и Савватия Соловецких, соч. Досифея, 1503 г. – Рукоп. ГИМ, Вахр., № 71, л. 1-156, к. XVI в.

**Ж. Пафн. Бор.** – Калдубовский А.П. Житие преп. Пафнутия Борковского, писанное Вассианом Саниным (Сб. Ист.-филол. об-ва при Ин-те кн. Безбородко в Нежине, 1899, т. 2, с. 98-149. XVI в., сп. XVI-XVII вв. (XVI-XVII вв. – XVI в.)

**Ж.Стеф.Перм.Епиф.** – Житие святого Стефана епископа Пермского, написанное Епифаном Премудрым. Изд. Археограф. ком. СПб., 1897, н. XV в., сп. к. XV в. – XVI в. /XV-XVI вв. – XV в./

**Жал. гр. в.к. Ив.Вас. Сп. Евф. мон.1495** – Жалованная грамота вел. кн. Ивана Васильевича Спасо-Евфимиеву мон. 1495 г./ Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси к. XIV – н. XVI вв.. – Т. 2, XIX в. – 1495 г. – С. 526-527.

**Жал. гр. в.к.Ив.Вас. 1485 г.** – Жалованная грамота вел. кн. Ивана Васильевича Спасо-Евфимиеву мон. 1485 г. / Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси к. XIV – н. XVI вв., XIX в. – 1485 г. – Т.2. – С. 522.

**Жал. гр. Вит.** – Жалованная грамота вел. кн. Литовского Витовта Василию Карачевскому / Акты, относящиеся к истории Западной России, собр. и изд. Археограф. ком. – Т.1: 1340-1506. – № 6. – С. 13.

**Жал.гр. Гал.кн. Льв. д. 1301 г.** - Жалованная грамота Галицкого кн. Льва братенцам Тутению и Монтсеку (в списке) / Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собр. и изд. Археограф. ком. В 3-х т. СПб., 1861-1865 гг. - Т. 2: 1599-1637 гг. и прибавл. – № 60 (сп. XVII в.).

**Жал.гр.Казим.Пол. в сп. 1340 г** – Жалованная грамота Польского короля Казимира после 1340 г. (в подлин.) / Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собр. и изд. Археограф. ком. В 3-х т. СПб., 1861-1865 гг. - Т. 2: 1599-1637 гг. и прибавл. – № 62.

**Жал. гр. митр. Дан. Мелет. Новик. 1527** - Жалованная грамота митрополита Даниила крестьянину Мелетию Новикову 1527 г. / Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Акад. наук в 4 –х т. СПб., 1836. – Т.1: 1294-1598. – № 74, IV (в сп.).

**Жал.гр.Сп.Яр.мон. до1345 г.** – Жалованная грамота Ярославского кн. Василия Давидовича Спасскому Ярославскому мон. до 1345 г. / История российской иерархии, собранная Амвросием, ч. 1-4. М., 1807-1815. – Ч. VI. – С. 229.

**Жал.гр.Сузд.в.к.Бор.Конст.Сп.м.** – Жалованная грамота Суздальского вел. кн. Бориса Константиновича Спасскому Благовещенскому монастырю 1393 г. (в списке) / Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собр. и изд. Археограф. ком. В 3-х т. СПб., 1861-1865 гг. – Т.1. – № 12.

**Жал. гр. Угл. кн. Дм.Ив. 1506 г** – Жалованная грамота Угличского кн. Дмитрия Ивановмча Троицко-Сергиевскому мон. 1506 г. / Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи

- Археографической экспедицией Акад. наук в 4-х т. Т. 1, № 145 (сп.)
- Жал. гр. Солов. м. 1543** – Жалованная грамота Соловецкому монастырю / Акты социально-экономической истории севера России кон. XV – XVI вв. – Т.1: Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. – С. 61.
- Жал. гр. 1497 г.** – Жалованная грамота кн. Даниила Александровича Спасо-Каменному монастырю, 1402 г. (в сп. XVIII в.) / Доп. АИ. – Т.1, № 24.
- Зап. Ант.-Сийск. м.** – Образцов Г.Н. Оброчные и порядные записи Антониево-Сийскому монастырю XVI-XVII вв. / Исторический архив, Т. 8: 1479-1700 гг. – М., 1953. – С. 106-197.
- Зап. руб.** – тетрадь, в которой написаны рубежи городу Пототцку и Полотцкому повету / Врем. ОИДР, 1856. – Кн. 24: 1563-1571 гг. – С. 1-48.
- Зс 1280, 339 в.** – Закон судный людям (пространная редакция) по рукоп. Мусин-Пушкинского сборника, XIV в. Под ред. М.Н. Тихомирова. – М., 1961. – С. 33-43.
- Ив. Гр. новг. гр.** – Новгородские грамоты ц. Ивана Васильевича (копии) 1555-1556 гг. / Рукопись ЛОИИ, ф.2. - № 23.
- Ис. VII** – Книга пророка Исаии.
- Ю. 4. 20. Остр. ев.** – Соборные послания ап. Иоанна / Остромирово евангелие 1056-1057 гг.; выписки проверены по изд. А.Х. Востокова. – СПб., 1843 г.
- Каз. лет.** – История о Казанском царстве (Казанский летописец) / ПСРЛ. – Т. 19. СПб., 1903, сп. XVI-XVII вв. /стлб. 1-188: XVII в. – XVI в.
- Калуж. а., 65. 1688 г.** – Маркевич А.И. Калужские купцы Дехтеревы. 1636-1792 гг.– Одесса, 1892. – С. 65.
- Козм.** – Книга глаголемая Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих. – СПб., 1878-1881. – Изд. ОЛДП, 21, 57, 68. Между 1655-1667 гг., сп. 1670 г.
- Колл. Зинченко** – Коллекция Зинченко XVI-XVII вв. – Хранится в ЛОИИ, к. 56.
- Котош.** – О России в царствование Алексея Михайловича. Сочинение Григорья Котошихина 1666-1667 гг. – 4-е изд. – СПб., 1906.
- Кн. Ивер. м., 1** – Приходо-расходная книга Иверского Валдайского монастыря 1665-1666 гг. – Рукоп. ЛОИИ, ф. 181, оп. 2, № 20.
- Кн. пер. Водск. пят. 1,2** – Новгородские писцовые книги. – Т. 3: Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 г. 1-я половина. – СПб., 1868 г.
- Кн. п. Моск. 1** – Писцовые книги Московского государства, Ч. 1: Писцовые книги XVI в. / Изд. РГО под ред. Н.В. Калачова. – Отд. 1. – Местности губерний: Московской, Владимирской и Костромской. – С. 96-277; С. 291-608; С. 660-789; С.851-892.
- Кн. п. Моск. 2** - Писцовые книги Московского государства, Ч. 2: Писцовые книги XVI в. / Изд. РГО под ред. Н.В. Калачова. – Отд. 2. Местности губерний: Ярославской, Тверской, Витебской, Смоленской, Калужской, Орловской, Тульской. – СПб., 1877. – С. 40-140; С. 291-410.

- Кн. п. Нижегород.** – Писцовая книга 1621-1622 гг. (Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду). – РИБ. – Т. 17. – СПб., 1898. – Стлб. 2-354.
- Кн. п. Обон. пят.** – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 г./ Мат. по ист. народов СССР. – Вып. 1. – Л., 1930. – С. 1-56.
- Кн. п. Углич. (доп.)** – Дополнения к Писцовой книге г. Углича 1664-1676 гг. Наказ писцам и межа г. Углича / Труды Ярославской губернии уч. арх. ком. – М., 1892. – Вып. 2. – С. 1-29: 1664 г.
- Кн. пер. Бежецк. пят.** – Новгородские писцовые книги. – Т. 6: Книги Бежецкой пятины 1501 г., 1545 г., 1551 г., 1564 г. – СПб., 1910 г.
- Кн. п. Уст. 78. 1683 г – Писцовая книга 1676-1683 гг.** / Найденов Н.А. Устюг Великий. Материалы для истории города XVII в. и XVIII ст. – 1683 г. – М., 1883. – С. 41-143.
- Кн. Поганкина** – Книги псковитина, посадского торгового человека Сергея Иванова сына Поганкина: 1645-1678 гг. / Списал с подлинника К.Г. Евлентьев. – Псков, 1870. – С. 1-51.
- Кн. пер. Шелон. пят. 1** – Новгородские писцовые книги. – Т. 4: Переписная оброчная книга Шелонской пятины 1539 г. – СПб., 1886. – Стлб. 238-522.
- Кн. пер. Шелон. пят. 2** – Новгородские писцовые книги. – Т. 5: Книги Шелонской пятины 1551 г., сп. XVIII в. – Стлб. 315-332.
- Кн. припр.Ряз.** – Приправочная книга по Рязанскому уезду 7124 г. / Врем. ОИДР. – Кн. 13: 1616 г. – С. 1-114.
- Кн. прих.-расх. Моск.** – Приходно-расходные книги Московских приказов. – Кн. 1 / РИБ, Т. 28: 1614-1619 гг. – М., 1912.
- Кн. прих.-расх. Синб.** – Приходо-расходная книга Синбирской приказной избы 1665-1667 гг. / Зерцалов А.Н. Материалы для истории Синбирска и его уезда. – Симбирск, 1896 г.
- Кн. прих.-расх. Тихв. 1** – Приходо-расходная книга успенского Тихвинского монастыря 1590-1592 гг. – Рукоп. ЛОИИ, ф. 132, оп.2, № 1.
- Кн. прих.-расх. Ант. м. № 1** – Книги приходо-расходные Антониева Сийского монастыря 1575-1643 гг. – Рукоп. ЛОИИ, ф.5, оп.2, № 1. – С. 322 об.
- Кн.расх.Холмог.арх.д. № 108** – Книга расходная Холмогорского архиерейского дома 1695-1696 гг. – Рукоп. ЛОИИ, к. 11, № 108.
- Кн. Солов. вотч. креп.** – Книги списков с вотчинных и др. крепостей Соловецкого монастыря 1544-1626 гг. – Рукоп. ЛОИИ, к.2, № 146 (1), сп. XVII в.
- Кн. ям. новг.** – Гурлянд И.Я. Новгородские ямские книги 1586-1631 гг. / Врем. Демидовск. юрид. лица. – Ярославль, 1901. – Кн. 83. – С. 133-143: 1601 г.
- Кн.прих.-расх. Волокол.м.№ 4** – Приходо-расходная книга Иосифова Волоколамского монастыря 7089-7090 (1581-1582) гг. – Рукоп. ЛОИИ, ф. 284, № s. – С. 55.



- Купч. 1400 г.** – Купчая на имение Ходора Шидловского пану Клюсу. / Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собр. и изд. Археограф. ком. – Т.1: 1361-1598 гг. – №6. – СПб., 1863 г.
- Купч. 1453 г.** – Купчая 1453 г. 29 марта (в сп. XVI в.). / Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изд. Археограф. ком. под ред. Н. Калачова. – Т.2. – № 147. – СПб., 1857 г.
- Купч. Арх. м. Гавр. Нос. XV в** – Купчая Архангельского монастыря у Гаврилы Носова XV в. (в списке). / Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV в., Ч. 1 и 2. – Изд. ОРЯС АН. СПб., 1903 г. / Исследования по русскому языку. – Т. 2. – Вып. 3. – № 39. – С. 1-157.
- Купч. гр. Кир. м. 1568 г.** – Купчая грамота Кириллова монастыря 1568 г. / Архив П.М. Строева. – Т. 1: 1400-1597 гг. / РИБ. – Т. 32. Пг., 1915. – С. 478-483.
- Купч. Григ. Вас. XV в.** – Купчая Григория Васильевича у Леонтия Нестеровича XV в. (в подлин.) / Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV в., Ч. 1 и 2. – Изд. ОРЯС АН. СПб., 1903 г. / Исследования по русскому языку. – Т. 2. – Вып. 3. – № 73. – С. 1-157.
- Купч. Ив. Межн. 1568 г.** – Купчая Каргопольца Ивана Межникова на участок земли 1568 г. (в подлин.) / Архив П.М. Строева. – Т. 1: 1400-1597 гг. / РИБ, Т. 32. Пг., 1915. – С. 484-487.
- Купч. Ив. Чевак. XV в.** – Купчая Ивана Чевакина у Сасиных детей XV в. (в подл.). / Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV в. – Ч. 1 и 2. – Изд. ОРЯС АН. СПб., 1903 г. / Исследования по русскому языку. – Т. 2. – Вып. 3. – № 110. – С. 1-157.
- Купч. Мелент. Еф.Чев. XV в** – Купчая Мелентия Ефимьевича Чеваки у Артемия Дементьева XV в. / Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV в. – Ч. 1 и 2. – Изд. ОРЯС АН. СПб., 1903 г. / Исследования по русскому языку. – Т. 2. – Вып. 3. – № 92. – С. 1-157.
- Купч. на зем. XV в.** – Купчая на земли с принадлежностями XV в. / Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изд. Археограф. ком. под ред. Н. Калачова. – Т.1. – № 149 – СПб., 1857 г.
- ЛИ ок. 1425 г.** – Летопись Ипатьевская, южнорусский летописный свод к. XIII в., сп. ок. 1425 г. Изд.: ПСРЛ – Т.2. – изд.2. – СПб., 1908 г. – ст. 1-938. (Воспроизведение текста издания 1908 г., М. – 1962 г.).
- ЛЛ** – Лаврентьевская летопись. – Вып. 1-3. – Вып. 1: с.1-289; вып. 2: с.290-487; Вып. 3: с.489-540.
- ЛН** – Новгородская первая летопись по Синодальному списку. – Изд. 1 Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Светопечатное воспроизведение. Изд. Археограф. ком. – СПб., 1875. – С. 1-338.
- Мат.ист.Кольск.** – Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI-XVII вв. – Л., 1930. – С. 67.
- Мух.сб.** – Сборник П.А. Муханова. Изд. 2-е, доп. – СПб., 1866. XIV в. – 1747 г. – С. 47, 1488 г.

- Назиратель** – Книга, глаголевая «Назиратель», сиречь «Уряд домовных делть» XVI -XVII вв. / Под ред. С.И. Коткова. – М., 1973. – С. 349.
- Новг. купч. XIV-XV вв.** – Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства 1425-1705 гг. – Изд. Археограф. ком. СПб., 1838. – № 35, 71.
- Новг. рядн. XV в.** – Грамоты Великого Новгорода и Пскова XII-XVI вв. Под ред. С.Н. Валка. – М.-Л., 1949 г. – С. 262-263.
- Обв. меж. зап.** - Грамоты Великого Новгорода и Пскова XII-XVI вв. (1391 в. – сп. XVI в.) Под ред. С.Н. Валка. – М.-Л., 1949 г. – С. 286-288.
- Озерец. Пут. по Лад. оз.** – Озерецковский Н.Я. Описание путешествия по Белому морю: В 4 ч. / Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. – Ч.4. – СПб., 1771-1805.– С. 83-122.
- Отвод. Кир. м. на дер. Петроковскую** – Отводная Кириллову монастырю на деревню Петроковскую / Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV-XVI вв. – Т.2: 1448-1468 гг. – М., 1954 г. – С. 64.
- Отводн. Ковал мон. ок. 1400 г.** – Отводная на земли Ковалева мон. около 1400 г. (в сп. XV в.) / Грамоты Великого Новгорода и Пскова XII-XVI вв. (1391 в. – сп. XVI в.) Под ред. С.Н. Валка. – М.-Л., 1949 г. – С. 178-179.
- Отказн.кн. 1616 г.** – Отказная книга, 1616 г. / Врем. ОИДР, 1849. – Кн. 1. – С. 9-10.
- Отказн.кн. 1643 г.** – Отказная книга, 1643 г. / Врем. ОИДР, 1849. – Кн. 3. – С. 107-130.
- Отказн.кн. южновеликорус.** – Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги (XVII в.). Изд. и подгот. С.И. Котков, Н.С. Коткова. – М., 1977 г.
- Пам. Ряз.** – Памятники русской письменности XV-XVI вв. (Рязанский край). Изд. и подгот. С.И. Котков, И.С. Филиппова. Под ред. С.И. Коткова. – М., 1978 г.
- Пам.Сузд. Влад. сб.** – Памятники Суздальской земли: старинные акты, относящиеся до Владимирской губернии: 1431-1729 гг. / Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / Сост. и изд. К.Н. Тихонравов. – М., 1857. – С. 127-199.
- Пат. Син. XI в.** – Синайский патерик XI в. – М., 1967 г.
- Переп. Безобразова** – Переписка стольника А.И. Безобразова 1687 года. Сообщил А.А. Востоков. / Чт. ОИДР, 1888. – Кн. 1. – Отд. 3. – С. 8-59.
- Писц. д. 1** – Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. – Т.1: Акты 1583-1627 гг. Собр. и ред. С. Веселовский / Чт. ОИДР, 1913. – Кн. 2. – Отд. 2. – С. 1-320; Кн. 3. – С. 321-448; Кн. 4. – С. 449-581.
- Писц. кн. Новг. з. 3, 5** – Писцовые книги Новгородской земли: В 5 т. / РГАДА; Ин-т проблем передачи информации. / Сост. К.В. Баранов. - Т.3: Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. – М.: Древлехранилище, 1999.

- 363 с.; Т.5: Писцовые книги Деревской пятины 1550-1560 гг. – М.: Древлехранилище, 1999. – 511 с.
- Писц. кн. Обон. пят.** – Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. / Писцовые книги Новгородской земли: В 5 т. – Т.3. – М.: Древлехранилище, 1999. – 363 с.
- Писц. к Матюшкину** – Письма царя Алексея Михайловича к стольнику Афанасию Ивановичу Матюшкину (1646-1662 гг.) / Собрание писем царя Алексея Михайловича. – Изд. П. Бартенева. – М., 1856. – С. 11-86.
- Писц. мат. Яросл. у.1, 2** – Писцовые материалы Ярославского уезда XVI в. : В 3 кн. / РГАДА; Ин-т проблем передачи информации. / Сост. В.Ю. Беликов. Кн. 1: Вотчинные земли. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 255 с. ; Кн. 2: Поместные земли. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 357 с.
- Польск. д. 1** – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. В 5 т. – Т. 1: 1487-1533 гг. / Сб. РИО. – Т. 35. – СПб., 1882.
- Пр. 1383, XV в.** – Пролог мартовской половины, 1383 г. / ЦГАДА, ф. 381, № 172 (Тип., № 367), 157 л.: л. 1в – 157г – текст, л. 98 об. – запись.
- Прав. гр. Ник. Кор. мон. 1530 г.** – Правая грамота Николаевскому Корельскому мон. 1530 г. / Архив П.М. Строева. – Т. 1: 1400-1597 гг. / РИБ. – Т. 32. Пг., 1915. – С. 201-204.
- Правда Рус. 1282 г.** – Правда Русская. Тексты. Под ред. В.Д. Грекова. – М.-Л., 1940 г. – 1282 г. – XII в. – С. 123-133.
- Прол. Тр. XIV в.** – Пролог Троицко-Сергиевской лавры до 1350 г. / Древние памятники русского письма и языка (X- XIV вв.). Общее повременное обозрение. Труд И. Срезневского. Изд. 1-е. – СПб., 1863 г. – С. 258-260.
- ПСИ 75** – Памятники сибирской истории XVIII в. 1700-1713 гг. – СПб., 1882.
- Псков. лет. 2** – Псковские летописи. – Вып. 2: Псков. 3 лет. – Под ред. А. Н. Насонова. – М., 1955, сп. XV-XVII вв. – С. 70-290.
- Псков. п. кн.** – Псков и его пригороды. – Кн. 1: Писцовая книга по Пскову и его пригородам XVI в. / Сб. Моск. арх. Мин. юст. – Т.5: 1585-1587 гг. – М., 1913 г. – С. 2-341.
- Р. Прав. Влад. Мон. о. 1114 г.** – Русская правда по списку Московской синодальной библиотеки 1280-х гг.(Снимок текста Русской Правды).
- Рим.д.** – Римские деяния. – В 2-х вып. Пер. с польского XVII в. – Изд. ОЛДП, V и XXXIII – Вып. 2: 1688 г. – СПб., 1878. – С. 161-366.
- Ряз. п. кн. 1** – Писцовые книги Рязанского края. XVI в. Под ред. В.Н. Сторожева. – Т. 1: 1594-1598 гг. – В. 1: Платежные и приправочные книги. – Изд. Ряз. уч. арх. ком. – Рязань, 1898 г. – 416 с.
- Ряз. п. кн. 2** – Писцовые книги Рязанского края. XVI-XVII вв. Под ред. В. Н. Сторожева. – Т. 1– В. 2: Сотные грамоты и писцовые книги. 3. Писцовые книги XVII в. – Изд. Ряз. уч. арх. ком. – Рязань, 1900 г. – С. 417-487 (1537-1597 гг.); С. 491-737 (1628-1629 гг.).

- СБУВ. XIV в.** – Поучение Алексея митрополита всея Руси. / Сборник XIV в., ГИМ, Увар.
- СГКЭ 1** – Сборник грамот Коллегии экономии: В 2 т. / Т. 1. – Л., 1929.
- Сев. гр.** – Северные грамоты XV в. Сообщил Н.С. Чаев. / ЛЗАК за 1927-1928 гг. – Вып. 35. – Л., 1929 г. – С. 129-164.
- Сл. погиб. Рус. зем.** – Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли», сп. XV в. – М.-Л., 1965 г. – С.154-155.
- Сотн. 3** – Шумаков С. Сотницы (1537-1597 гг.), грамоты и записи (1561-1696 гг.) / Чт. ОИДР, 1902 г. Кн. 2. – Отд. 1: Книги и выписи из книг 1537-1597 гг. – С. 51-201.
- Спафарий. Сибирь** – Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введением и примечанием Ю.В. Арсеньева / Записи Русского географического общества по Отд. этнографии. – Т. X. – Вып. 1. – СПб., 1882 г. – С. 30-177.
- Стеф.Новг.п. 1347 г.** – Хождение Стефана Новгородца. – М.Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV в. в списке XVI в. / Памятники древнерусской литературы. – Вып. 4. – Л., 1934 г. – С.50-59.
- Строг.п. кн.** – Писцовая книга Кайсарова 1623-1624 гг. по Великопермским вотчинам Строгановых /А. Дмитриев. Пермская старина. – Вып. 4. – Пермь, 1892. – С. 110-194.
- Суд. Ив. 3** – Судебник великого князя Иоанна Васильевича 1497 г. / Судебники XV-XVI вв. Подгот. текстов Р.Б. Мюллер и Л.В. Черепнина. – М.-Л., 1952. – С. 19-34.
- Судебн. 1497 г.** – Судебник великого князя Иоанна Васильевича 1497 г. /Судебники XV-XVII вв. Подгот. текстов Р.Б. Мюллер, Л.В. Черепнина. – М.-Л., 1952. – С. 19-34.
- Судн. сп. 1498-1505 гг.** – Судный список о праве владения землями Московских митрополитов в Ликуржской волости 1498-1505 гг. / Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. – Т. 2. – М., 1953 г. – С. 263-265.
- Там. кн. 2** - Таможенные книги Московского государства XVII в. В 3 т. Сев. речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма. Под ред. А.И. Яковлева. – Т.2: 1650-1656 гг. – М., 1951 г.
- Ул. Ал.** – Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 г. – М., 1961. – Л. 152 об.
- Уст. гр. м. Кипр. Конст. мон. 1392 г.** – Уставная грамота митрополита Киприяна Константиновскому монастырю (в списке) / Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии Наук: В 4 т. – Т. 1, № 11. – СПб., 1836 г.
- Х. Вас. Гаг.** – Житие и хождение в Иерусалим и Египетказанца Василия Яковлева Гагары 1634-1637 гг. Под ред. С.О. Долгова / Православный палестинский сборник. – Т. 11. – Вып.3. – СПб., 1891. – С.1-45.
- Хоз. Мор. 1** – Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. (Хозяйство боярина Б.И. Морозова. – Ч. 1-2. / Материалы по истории

феодално-крепостного хозяйства. – Вып. 2. – М.-Л., 1624-1674 гг.

**Чел. Никона 1666 г** – Челобитная Никона 1666 г. / Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. Н.

Субботина. В. 8 т. – Т 4. – Ч.1. – М., 1878 г. – С.657.

**Якут. а., карт. 4** – Якутские акты 1638-1647 гг. – Хранятся в ЛОИИ, ф. 160, оп. 1, карт. 4: 1642 г. – №3, сст.10.

## ПРИЛОЖЕНИЯ

### Приложение А. Классификация наименований сельскохозяйственных угодий

### Приложение Б. Словник исследованных наименований

1. **береги бобровые** «прибрежное промысловое угодье», с.164, 165.
2. **бобровые гоны** «промысловое угодье», с.164.
3. **бобръ** «промысловое угодье», с.163.
4. **болотина (блатина)** «низкое болотистое место в составе угодья», с. 144, 145.
5. **болотинка** «небольшое сенокосное угодье на болотистом месте», с. 145.
6. **болото** «некультивируемое угодье», с.142.
7. **болотцо (болотко)** «небольшое некультивируемое угодье», с.144.
8. **бор** «сосновый лес в составе угодья», с.120.
9. **борокъ** «небольшое лесное угодье», с.122.
10. **бортище** «угодье, лес или участок леса с бортными деревьями», с.160.
11. **борть** «угодье, лес или участок леса с бортными деревьями», с.157.
12. **бортьник** «угодье, лес или участок леса с бортными деревьями», с.160
- .
13. **вода** «угодье на территории водоема», с.82.
14. **выпуск** «угодье для выпаса скота», с.177.
15. **выпуск животинный** «угодье для выпаса скота», с.177.
16. **выпуск скотинный** «угодье для выпаса скота», с.177.
17. **грива** «продолговатая отмель, подводная коса в составе угодья», с.150
- .
18. **гривка** «некультивируемое земельное угодье», с.150.
19. **гуменцо (гуменце, гуменко)** «небольшое подсобное угодье с хозяйственными постройками», с.174.
20. **гумнище** «место, где было гумно; угодье для выпаса скота», с.174, 210.
21. **гумно** «подсобное угодье с хозяйственными постройками», с.173.
22. **дворище** «подсобное угодье; место расположения двора, усадьба; место, где был двор», с.178.
23. **дубрава** «лес; поле», с.127.
24. **дуброва** «лиственный лес, выросший на вспаханной и заброшенной рощи», с.127.
25. **дуброва пашенная** «лиственный лес, вырастающий на выпаханной рощи», с.129.
26. **езище** «рыболовное угодье на месте установки еза», с.99.
27. **езовище** «место установления еза; рыболовное угодье», с.99.

28. **езь (язь)** «рыболовное угодье на месте установки еза», «единица исчисления времени в процессе рыбной ловли», с.98.
29. **заводь** «рыболовное угодье», с.84.
30. **закраина (закраек)** «сенокосное или пахотное угодье на краю основного поля», с.199.
31. **залог** «культивируемое бросовое угодье; пашня, оставленная под паром», с.191.
32. **заполек (заполок)** «угодье, сенокос в поле у пашенных полос», с.197.
33. **заполица** «сенокосное или пахотное угодье, земля на краю поля, за полем», с.197.
34. **заполье** «угодье, земля на краю поля, за полем», с.197.
35. **земли и воды (земля и вода)** «обобщенное название угодий в составе одного владения», с.58.
36. **земля** «обобщенное название земельных угодий в составе одного владения, имения»; «обрабатываемое земельное угодье», с.57.
37. **земля бортная** «промысловое угодье с бортными деревьями», с.161.
38. **земля владычня** «обобщенное название земельных угодий в составе одного крупного владения», с.59.
39. **земля выгонная** «подсобное угодье для выпаса скота», с.204.
40. **земля гуменничная** «участок земли с хозяйственными постройками в составе угодья», с.65.
41. **земля дворищная** «угодье на месте расположения двора, усадьбы», с. 65.
42. **земля дубровая** «разработанное земельное угодье в лесу (дуброве) », с.63.
43. **земля запольная** «земельный участок, находящийся за основным угодьем (полем) », с.63, 197.
44. **земля княжа** «обобщенное название земельных угодий в составе княжеского владения», с.59.
45. **земля крестьянская** «обобщенное название земельных угодий в составе крестьянского владения», с.59.
46. **земля лесопорослая** «земельный участок, поросший лесом в составе угодья», с.60.
47. **земля лешая** «земельное угодье на территории леса», с.58, 60.
48. **земля митрополичья** «обобщенное название земельных угодий в составе владения митрополита», с.59.
49. **земля монастырская** «обобщенное название земельных угодий в составе монастырского владения», с.59.
50. **земля непашенная** «неработанное земельное угодье», с.58, 61.
51. **земля новоросчистная** «вновь расчищенный из-под леса земельный участок в составе угодья», с.62.
52. **земля островская** «угодье, находящееся на острове», с.60.
53. **земля обежная** «культивируемое земельное угодье», с.62.
54. **земля пашенная** «обрабатываемое земельное угодье», с.58, 60, 61.

55. **земля переложная** «культивируемое бросовое угодье; пашня, оставленная под паром», с.190.
56. **земля поженная** «культивируемое сенокосное угодье», с.64.
57. **земля покосная** «культивируемое сенокосное угодье», с.64.
58. **земля полевая** «основное угодье на открытом, безлесном, пространстве», с.58, 60.
59. **земля поляношная (поляночная)** «культивируемое земельное угодье на территории леса», с.63.
60. **земля пустая** «пустующие угодья», с.205.
61. **земля раменная** «земельное угодье на заброшенной пашне», с.63, 64.
62. **земля распашная** «разработанное земельное угодье», с.62.
63. **земля садовая** «земельный участок с выращиваемыми на нем плодовыми деревьями в составе угодья», с.61.
64. **земля страдная** «разработанное и обрабатываемое земельное угодье», с.62.
65. **земля церковная** «обобщенное название земельных угодий в составе церковного владения», с.59.
66. **зимовище (зимовье)** «место зимнего промысла», с.181.
67. **зыбь** «зыбкое, топкое место на болоте в составе угодья», с.149.
68. **исада** «сенокосное или пахотное угодье в пойме реки», с.137.
69. **исадка (исадинка)** «небольшое сенокосное или пахотное угодье в пойме реки», с.137.
70. **исадка пахотная** «небольшое пахотное угодье в пойме реки», с.138.
71. **исадка покосная** «небольшое сенокосное угодье в пойме реки», с.138.
72. **исадинца** «сенокосное угодье в пойме реки», с.137.
73. **исады** «угодье; рыбная ловля», «отмель, песчаный берег реки», с.137.
74. **исады** «рыболовное угодье», с.137.
75. **исток** «рыболовное или охотничье угодье», с.94.
76. **кол** «рыболовное угодье», «мера рыболовного участка», с.101.
77. **кол нижней** «рыболовное угодье в нижнем течении реки», с.103.
78. **кол рыбной** «рыбное угодье», с.103.
79. **кол сетной** «рыболовное угодье, в котором для лова рыбы устанавливали сети», с.103.
80. **колок** «небольшое рыболовное угодье», с.102, 103.
81. **кулига** «земельное угодье на берегу реки (в излучине, на плесу), используемое как сенокосный участок», с.139.
82. **кулишка (кулижка)** «небольшое прибрежное угодье», с.140.
83. **лѣс (лес)** «угодье», с.109.
84. **лѣс болото** «лесное угодье на болоте», с.115.
85. **лѣс бор** «участок леса с произрастающими на нем хвойными деревьями», с.116.
86. **лѣс бортный** «лесное угодье с бортными деревьями», с.119, 162.
87. **лѣс дуброва (лес дубровный)** «вторичный лиственный лес (на заброшенной пашне) », с.110, 116, 129.



88. л҃с езовый «участок леса, отведенный для строительства и ремонта еза», с.118.
89. л҃с княж(ий) «лесное угодье, принадлежащее князю», с.119.
90. л҃с кустарь «участок леса с кустарниковой растительностью», с.116.
91. л҃с монастырский «лесное угодье, принадлежащее монастырю», с.119.
92. л҃с непашенный «неработанное земельное угодье в лесу», с.115.
93. л҃с озерник «лесное угодье вблизи озера», с.115.
94. л҃с остров «небольшой отдельный лес», с.119, 132.
95. л҃с пашенный «разработанное земельное угодье в лесу», с.115.
96. л҃с полеший (леший) «разработанное земельное угодье на территории леса», с.113.
97. л҃с раменный (лес раменье) «густой, труднопроходимый лес, выросший на заброшенной пашне», с.115.
98. л҃с роца «небольшое лесное угодье с преимущественно лиственными молодыми деревьями», с.116.
99. л҃с роца непашенная «некультивируемое лесное угодье с преимущественно лиственными молодыми деревьями», с.118.
100. л҃с роца пашенный «культивируемое лесное угодье с преимущественно лиственными молодыми деревьями», с.118.
101. л҃с черный «участок леса с произрастающими на нем лиственными деревьями; пашенное угодье», с.116.
102. л҃сец (лесць) «небольшое лесное угодье», с.111, 112.
103. л҃сшишко «небольшое угодье в лесу», с.111, 112.
104. л҃сники «лесное угодье», с.112.
105. л҃ссовати (пол҃ссовати) «разрабатывать лесное угодье; промышлять, охотиться», с.113.
106. л҃сок (л҃сцькь) «небольшое лесное угодье», с.111.
107. л҃штовище (л҃штовье) «место летнего промысла; подсобное угодье», с.181.
108. л҃шшь «разработанное лесное угодье», с.113.
109. ловище «промысловое угодье», с.169.
110. ловище бобровое «охотничье угодье с бобровым промыслом», с.170.
111. ловище водное (водяное) «водное угодье», с.170.
112. ловище воды «водное угодье», с.170.
113. ловище нерпяное «угодье с нерпичьим промыслом», 170.
114. ловище озерское «рыболовное угодье на озере», с.170.
115. ловище речное «рыболовное угодье на реке», с.170.
116. ловище рыбное «рыболовное угодье», с.170.
117. ловля «промысловое угодье», с.165.
118. ловля бобровая «охотничье угодье», с.168.
119. ловля вершняя «рыболовное угодье в месте водоема, где установлен верш», с.167
120. ловля водная «промысловое водное угодье», с.166.
121. ловля выдряная «охотничье угодье с выдряным промыслом», с.168.

122. **ловля вьюновая** «рыболовное угодье», с.167.
123. **ловля езовая** «рыболовное угодье в месте водоема, где установлен ез», с.167.
124. **ловля звериная** «промысловое угодье», с.168.
125. **ловля красной рыбы** «рыболовное угодье, где ловится рыба лососевых пород», с.168.
126. **ловля лебединая** «охотничье угодье с лебединым промыслом», с.168.
127. **ловля малой рыбы** «рыболовное угодье, где ловят мелкую рыбу», с.168.
128. **ловля мневая** «рыболовное угодье по названию промысловой рыбы», с.167.
129. **ловля морская** «рыбное угодье на море», с.167.
130. **ловля неводная** «рыболовное угодье в месте водоема, где ловят рыбу неводом», с.167.
131. **ловля нерпечья** «угодье по названию промысловой рыбы», с.168.
132. **ловля озерская** «промысловое рыбное угодье на озере», с.167.
133. **ловля птичья** «охотничье угодье», с.168.
134. **ловля речная** «промысловое рыбное угодье на реке», с.167.
135. **ловля рыбная** «промысловое рыбное угодье», с.166.
136. **ловля торобная** «рыбное угодье в месте водоема, где ловят рыбу торобом», с.167.
137. **мһстишко** «небольшое угодье», с.67.
138. **мһстище** «участок земли, на котором раньше было поселение, хозяйственные и др. постройки; бросовое угодье», с.67.
139. **мһсто** «угодье различного назначения», с.65.
140. **мһсто бортное** «угодье бортного промысла», с.68.
141. **мһсто варничное (солосварное)** «угодье солеварного промысла», с.68.
142. **мһсто вешнее** «промысловое угодье», с.71.
143. **мһсто водечное (водное)** «угодье водное», с.67.
144. **мһсто гаровное (харовное)** «участок водоема, в котором ловят рыбу гаровнями, в составе угодья», с.68.
145. **мһсто гуменное** «подсобное угодье; земельный участок для сушки зерна», с.69.
146. **мһсто дворовое** «угодье на месте расположения двора, усадьбы», с.70.
147. **мһсто дубровное** «разработанное угодье под пашню в лесу», с.70.
148. **мһсто езовое** «участок водоема, в котором ловят рыбу с помощью еза, в составе угодья», с.68.
149. **мһсто елуйное** «земельный участок, оборудованный для вяления рыбы и сушки сетей», с.69.
150. **мһсто земное** «угодье земельное», с.67.
151. **мһсто зимнее** «промысловое угодье», с.71.
152. **мһсто коловое** «участок водоема, в котором ловят рыбу с помощью кола, в составе угодья», с.68.

153. **мѣсто кострищное (костричное)** «участок, на котором располагались дрова, сложенные кострами», с.69.
154. **мѣсто кошебное** «сенокосное угодье», с.69.
155. **мѣсто мелничное** «угодье с мельничным промыслом», с.68.
156. **мѣсто монастырское** «угодье, принадлежащее монастырю», с.68.
157. **мѣсто новинное** «впервые распаханное земельное угодье», с.70.
158. **мѣсто новоприсадное** «наносная земля по берегу реки в составе угодья», с.70.
159. **мѣсто новоросчистное** «вновь расчищенный из-под леса участок земли в составе угодья», с.70.
160. **мѣсто огородное** «освоенный участок с выращиваемыми плодовыми и овощными культурами», с.69.
161. **мѣсто отъездное** «отдаленное промысловое угодье»
162. **мѣсто пашенное** «угодье, расчищенное под пашню», с.69.
163. **мѣсто переложное** «культивируемое угодье; пашня, оставленная под паром», с.190.
164. **мѣсто поскотинное** «участок для выпаса скота», с.69.
165. **мѣсто садное** «земельный участок с выращиваемыми на нем плодовыми деревьями, в составе угодья», с.71.
166. **мохъ (мъхъ)** «сенокосное угодье на сухом болоте», с.146.
167. **мошье** «угодье на болоте», с.147.
168. **мшара** «угодье на болоте; место, поросшее мхом», с.148.
169. **мшарина (мшерина, мшеринна)** «угодье на болоте; место, поросшее мхом», с.148.
170. **мшаринка** «небольшое угодье на болоте», с.147.
171. **мшище (мщище)** «угодье на болоте», «место, поросшее мхом», с.147.
172. **наволоок** «прибрежное угодье», с.134.
173. **наволочек** «небольшое прибрежное угодье», с.136.
174. **невод** «рыболовный участок в составе водного угодья, где ловят рыбу неводом»; «окладная оброчная единица»; «доля в рыболовном угодье при ловле неводом», с.104.
175. **невод игумнов** «рыболовное угодье, принадлежащее игумену», с.105.
176. **невод монастырский** «рыболовное угодье, принадлежащее монастырю», с.105.
177. **нива** «поле, обработанное для посева; пашня»; «единица площади пахотной земли, величиной в десятину и более», с.184.
178. **нива заповечная** «труднообрабатываемый участок пашни за общим полем», с.185.
179. **нива отхожая** «пашенное угодье, расположенное вдали от основных земель», с.185.
180. **нивка** «небольшой участок пахотной земли», с.184.
181. **новина** «земельное угодье для посева, которое распахивается впервые», с.187.
182. **новина (новинка) причистная** «добавочная росчисть, впервые расчищенная под пашню», с.187.

- 183. новинка** «небольшой участок земли в составе угодья, который распахивается впервые», с.187.
- 184. новоросчисть (новоросчищ)** «вновь распаханное земельное угодье», с.63.
- 185. озерина** «водное угодье; небольшой узкий водоем», с.88.
- 186. озеринка** «водное угодье; неглубокий водоем», с.88.
- 187. озерище** «высохшее озеро; место, где было озеро», с.88.
- 188. озерко (озерцо)** «небольшое рыболовное угодье», с.87.
- 189. озеро** «рыболовное угодье», с.86.
- 190. озерок** «небольшое водное угодье», с.87.
- 191. ольшник (олешьник)** «лесное угодье», с.125.
- 192. остожье (остожие)** «подсобное угодье: место, где складывается стог», «земельная мера сеного угодья», с.180.
- 193. остожьице (остожеице, остожьишко)** «небольшое подсобное угодье», с.181.
- 194. островец (островок)** «участок земли в лесу, пригодный для обработки», с.132.
- 195. остров** «небольшой отдельно стоящий лес; лес среди поля», с.131.
- 196. отлог** «культивируемое бросовое угодье; пашня, оставленная под паром», с.191.
- 197. отъздзецъ** «небольшое отдаленное промысловое угодье», с.171.
- 198. отъздъ** «отдаленное промысловое угодье», с.171.
- 199. пастбище (пазбище, паздбищо, пазбище)** «угодье для выпаса скота», с.175.
- 200. паства** «угодье для выпаса скота», с.175.
- 201. пахота** «разработанное земельное угодье», с.186.
- 202. пашня** «разработанное земельное угодье», с.184.
- 203. пашня лшшая** «разработанное земельное угодье в лесу», с.188.
- 204. пашня монастырская** «культивируемое земельное угодье, принадлежащее монастырю», с.189.
- 205. пашня новоросчистная** «вновь распаханное земельное угодье», с.188
- .
- 206. пашня островская** «угодье, расположенное на острове», с.188.
- 207. пашня отхожая** «отдаленное от чего-либо земельное угодье», с.187.
- 208. пашня паханая (пашенная)** «разработанное земельное угодье», с.188
- .
- 209. пашня полевая** «разработанное земельное угодье в поле», с.188.
- 210. пашня раменная** «заброшенная пашня с выросшим на ней лесом, в составе угодья», с.189.
- 211. пашня церковная** «культивируемое земельное угодье, принадлежащее церкви», с.189.
- 212. перевесище (перевьсище)** «охотничье угодье», с.155.
- 213. перевесье (перевесие)** «охотничье угодье», с.156.
- 214. перелог** «культивируемое бросовое угодье; пашня, оставленная под паром», с.189.

- 215. переложекъ** «небольшое разработанное угодье; пашня, оставленная под паром», с.191.
- 216. печище** «заброшенное земельное угодье, относящееся к деревне, где проживала община», с.206.
- 217. поженка** «небольшое сенокосное или пашенное угодье», с.39.
- 218. пожни наволочные** «сенокосное или пашенное угодье на наволоке»
- 219. пожница** «сенокосное или пашенное угодье», с.195.
- 220. пожнишко** «небольшое сенокосное угодье», с.195.
- 221. пожнице** «сенокосное угодье; место, где было сенокосное угодье», с.196.
- 222. пожня** «сенокосное или пашенное угодье», с.192.
- 223. пожня закосная** «сенокосный участок, закос», с.193.
- 224. пожня закраинная** «сенокосное угодье на краю пахотного поля, неудобное для обработки», с.194.
- 225. пожня княжа** «сенокосное или пашенное угодье, принадлежащее князю», с.195.
- 226. пожня коловая** «рыболовное угодье»
- 227. пожня монастырская** «сенокосное или пашенное угодье, принадлежащее монастырю», с.195.
- 228. пожня морская** «сенокосное угодье на берегу моря», с.193.
- 229. пожня нивная** «пашенное угодье», с.193.
- 230. пожня новопричистная** «недавно расчищенное из-под леса и приобщенное к основным землям сенокосное угодье», с.195.
- 231. пожня новочищенная** «угодье, недавно расчищенное под сенокос», с.194.
- 232. пожня новочищенина** «угодье, недавно расчищенное под сенокос», с.194.
- 233. пожня озерская** «сенокосное угодье на берегу озера», с.193.
- 234. пожня орамая (оранная)** «пашенное угодье», с.194.
- 235. пожня отхожая** «сенокосный или пашенный участок в отдаленном месте от основных угодий», с.195.
- 236. пожня печищная** «сенокосное угодье на заброшенном родовом поселении общины», с.194.
- 237. покос** «сенокосное угодье», с.199, 200.
- 238. покос мховый** «сенокосное угодье на болоте», с.202.
- 239. поскотина (подскотина)** «угодье для выпаса скота», с.176.
- 240. поскот** «угодье для выпаса скота», с.177.
- 241. припашь** «угодье; добавочный участок пахотной земли», с.186.
- 242. причисть новинная** «добавочная росчисть, впервые расчищенная под пашню», с.187.
- 243. пруд** «рыболовное угодье», с.105.
- 244. прудец (прудок)** «небольшое рыболовное угодье», с.106.
- 245. пустошь наволочная** «бросовое угодье», с.203.
- 246. пустошка** «небольшое угодье, чаще лес на месте бывшего когда-то селения», с.205.

247. **пустошь** «угодье, чаще лес на месте бывшего когда-то селения», с.203
248. **пустошь княжа** «угодье, принадлежащее князю, на месте бывшего когда-то селения», с.205.
249. **пустошь лесная порослая (лесопорослая)** «угодье, чаще лес на месте бывшего когда-то селения», с.204.
250. **пустошь монастырская** «монастырское угодье на месте бывшего когда-то селения», с.205.
251. **пустошь непашенная** «необработанный, заброшенный участок земли», с.204.
252. **пустошь пашенная** «культивируемый участок земли», с.204.
253. **пустошь переложная** «заброшенная пашня», с.204.
254. **пустые земли** «пустующее угодье», с.205.
255. **путик** «охотничий участок в лесу, промысловое угодье», с.153.
256. **путичный (путишный)** «относящийся к охотничьему участку», с.154.
257. **пята езовая** «укрепленная от размыва опорная часть еза; угодье», с.100.
258. **рамень** «угодье; лес на краю пашни», с.210.
259. **рѣка** «рыболовное угодье», с.89.
260. **рѣка бобровая** «промысловое угодье; место на берегу реки, где ловят бобров», с.164.
261. **рѣчка** «небольшое водное угодье», с.90.
262. **ропашь** «поле, обработанное для посева», с.62, 184.
263. **росчисть** «лесной участок, расчищенный для посева или сенокоса», с.184.
264. **сгодье (згодье)** «составная часть земельного владения, хозяйства, доставляющая выгоды и доходы владельцу или лицу, пользующемуся им: озера, реки, луга, леса, борти и т.п.», с.54.
265. **сѣжа** «рыболовное угодье, где ловят рыбу сежами», «размер рыбного угодья, доля в общем рыболовном участке», с.96.
266. **селище** «угодье на месте бывшего селения», с.208.
267. **сѣнное покосишко** «небольшое сенокосное угодье», с.201.
268. **сѣнные покосы** «сенокосное угодье», с.199.
269. **сѣно** «сенокосное угодье», с.199.
270. **сѣно новопричистное** «сенокосное угодье, дополнительный участок», с.200.
271. **собина** «разработанное угодье», с.72.
272. **сосник (сосняк, сосняг, сосонник)** «лесное угодье», с.123.
273. **сосняжок** «небольшой молодой сосновый лес в составе угодья», с.124
274. **тоня** «рыболовное угодье; место, удобное для ловли рыбы», с.91.
275. **тоня зимняя** «рыболовное угодье; место водоема, где ловят рыбу зимой», с.92.
276. **тоня осенняя** «рыболовное угодье; место водоема, где ловят рыбу осенью», с.92.

- 277. тоня сиговая** «рыболовное угодье; место водоема, где ловят рыбу *сиг*», с.92.
- 278. тоня снетовая (снетная)** «рыболовное угодье; место водоема, где ловят рыбу *снетку*», с.92.
- 279. угодье** «составная часть земельного владения, хозяйства, доставляющая выгоды и доходы владельцу или лицу, пользующемуся им: озера, реки, луга, леса, борти и т.п.», с. 51
- 280. угодье бортное** «участок леса с бортным промыслом как часть владения», с.54.
- 281. угодье варничное** «земельный участок с варничным промыслом, доставляющий выгоды и доходы владельцу или лицу, пользующемуся им», с.54.
- 282. угодье водное** «часть водоема, доставляющая выгоды и доходы владельцу или лицу, пользующемуся им», с.54.
- 283. угодье кереводное** «доходная статья, часть водоема, где ловят рыбу кереводами», с.56.
- 284. угодье княжье** «составная часть земельного владения, хозяйства, доставляющая выгоды и доходы князю, пользующемуся им», с.55.
- 285. угодье лесовое** «составная часть леса, доставляющая выгоды и доходы владельцу», с.54.
- 286. угодье мережное** «доходная статья, часть водоема, где ловят рыбу мережами», с.56.
- 287. угодье монастырское** «составная часть земельного владения, хозяйства, доставляющая выгоды и доходы монастырю», с.55.
- 288. угодье неводное** «доходная статья, часть водоема, где ловят рыбу неводом», с.56.
- 289. угодье островное** «название угодья по его местоположению», с. 54.
- 290. угодье оханное** «доходная статья, часть водоема, где ловят рыбу оханами», с.55.
- 291. угодье пахотное** «разработанный земельный участок как составная доля владения», с.55.
- 292. угодье переметное** «доходная статья, часть водоема, где ловят рыбу переметами», с.56.
- 293. угодье подолнишное** «доходная статья, часть водоема, где ловят рыбу подолом», с.56.

- 294. угодье посекирное** «участок пахотной земли, разработанный при помощи секиры (сокыры)», с.55.
- 295. угодье рыбное** «часть водоема, доставляющая выгоды и доходы владельцу или лицу, пользующемуся им», с.54.
- 296. угодье сенное** «сенокосный участок как составная доля владения», с. 55.
- 297. устье** «рыболовное угодье», с.95.
- 298. ужожи (уходь, ужожи)** «угодье различного назначения», с.73.
- 299. ужожи бортные** «угодье с бортным промыслом», с.74, 161.
- 300. ужожи животинные** «угодье для выпаса скота», с.74.
- 301. ужожи лешие** «угодье лесное», с.74.
- 302. части езовые** «часть водного угодья, занимаемого езом», с.101.